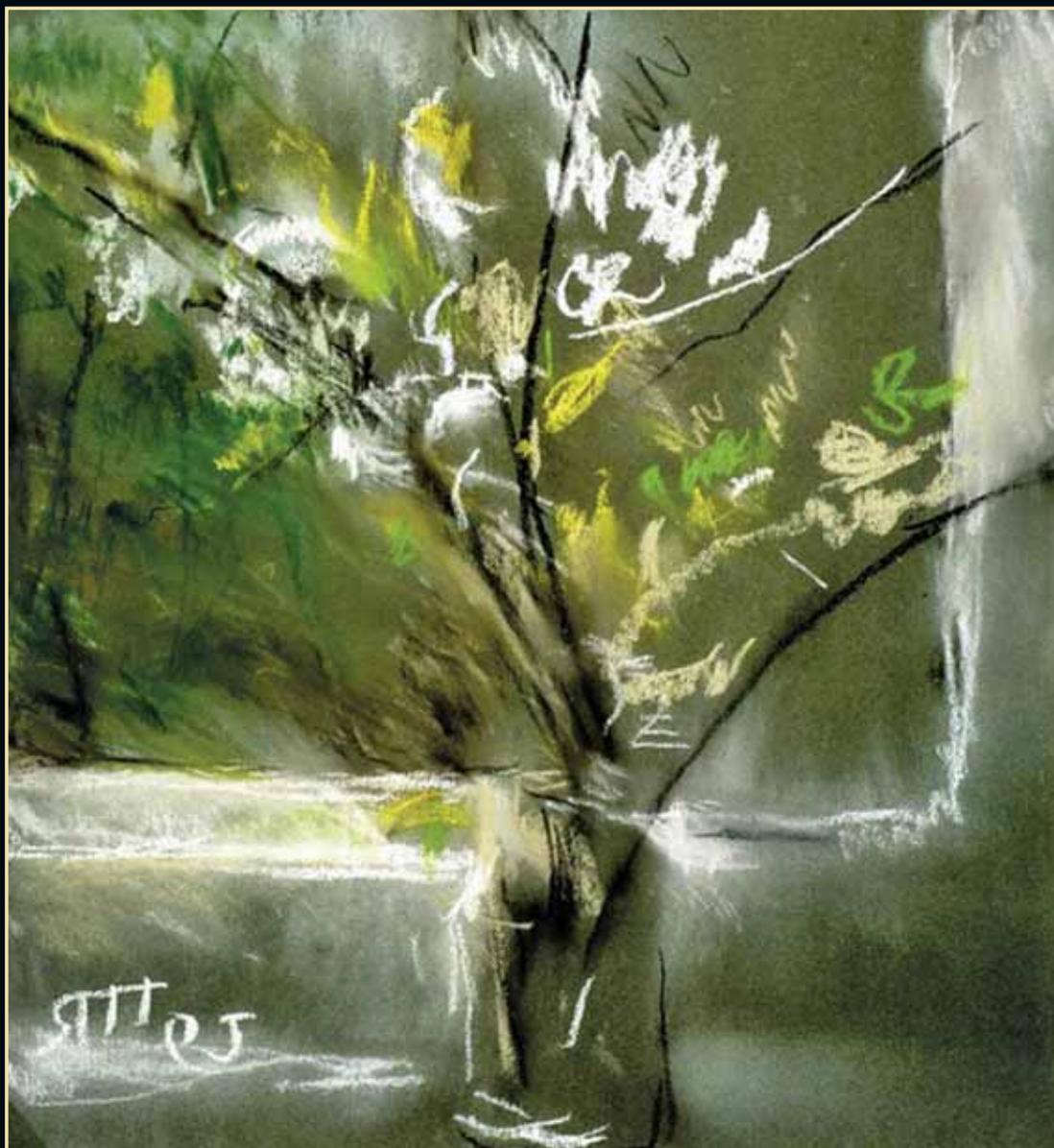

Мосты сквозь природу

*Татьяна Яблонская.
«Весна». Пастель. 2003 г.*

О жизни и творчестве художника Татьяны Яблонской
читайте на странице 65.

Неизвестное об известном

<i>Георгий Кричевский</i>	Повелитель морей 4
<i>Юрий Осипов</i>	«Я нашел в себе силы остаться в живых» 94
<i>Алла Зубкова</i>	Анри Бейль Стендаль. Сердцевед 110

Из российской истории

<i>Денис Логинов</i>	Русская невестка королевы Виктории 16
----------------------	--

Рассказ

<i>Варвара Клюева</i>	Милосердие и справедливость 36
-----------------------	---

Кремли России

<i>Дмитрий Зелов</i>	Порхов — город белого камня 51
----------------------	---

Замечательные современники

<i>Дарья Парчинская</i>	Лариса Лужина: «Самые трудные годы для меня — это блокадные...»56
-------------------------	--

Судьба художника

<i>Виктор Ом</i>	Живопись как радость бытия 65
------------------	--

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Тициан. «Динарий кесаря». «Богу — богово, а кесарю — кесарево» 78
---------------------	--

Это интересно

<i>Евгения Гордиенко</i>	Обыкновенная богиня 85
--------------------------	-------------------------------------

Славянские древности

<i>Агния Заберина</i>	Июль — макушка лета 106
-----------------------	--------------------------------------

Поэзия

<i>Кселена Литвинова</i>	Стихи 121
--------------------------	------------------------

Иронический детектив

<i>Дарья Булатникова</i>	Охота на Елену Прекрасную 124
--------------------------	--

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фото Артема Омельченко

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

Можайский
полиграфический
комбинат

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 9100

Зак. № 5819

Цена свободная

Номер подписан в печать: 23.06.2020

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

« В абхазском селе Чегем родился писатель, всю жизнь проживший в России, писавший по-русски, но, по большей части, о своей маленькой Абхазии, которую сделал известной для большого мира и окутал таинственным покровом мифа. Это — орденоносец и лауреат многих литературных премий Фазиль Искандер. Он всегда оставался мудрым и скромным человеком. А еще — просто очень добрым, честным, заслужившим народную любовь и общественное признание.

Юрий **Осипов** «Писатель с планеты Чегем»

« Александр Васильевич Ступин окончил Императорскую Академию художеств в Петербурге и сам стал наставником, учителем, словом, проводником юных душ в мир прекрасного — в мир искусства. Он открыл в родном Арзамасе первую провинциальную школу рисования на всю огромную Россию, причем, для способных детей всех сословий, даже крепостных. Главное мерило — это наличие таланта. Ступин был для своих учеников не только непререкаемым авторитетом в сфере искусства, но и настоящим вторым отцом...

Виктор **Ом** «Академик из Арзамаса»

« Их совместная жизнь была сложна и противоречива, а разрыв окрасился в цвета подлинной трагедии. Свои лучшие роли Вивьен Ли и Лоуренс Оливье сыграли в собственной жизни, стерев грани между искусством и реальностью. Да, они казались принцем и принцессой из сказки, рожденными для того, чтобы воплотить идеал истинной и вечной любви. Но, увы, даже сказки порой имеют печальный конец...

Алла **Зубкова** «Принц и принцесса из волшебной сказки»

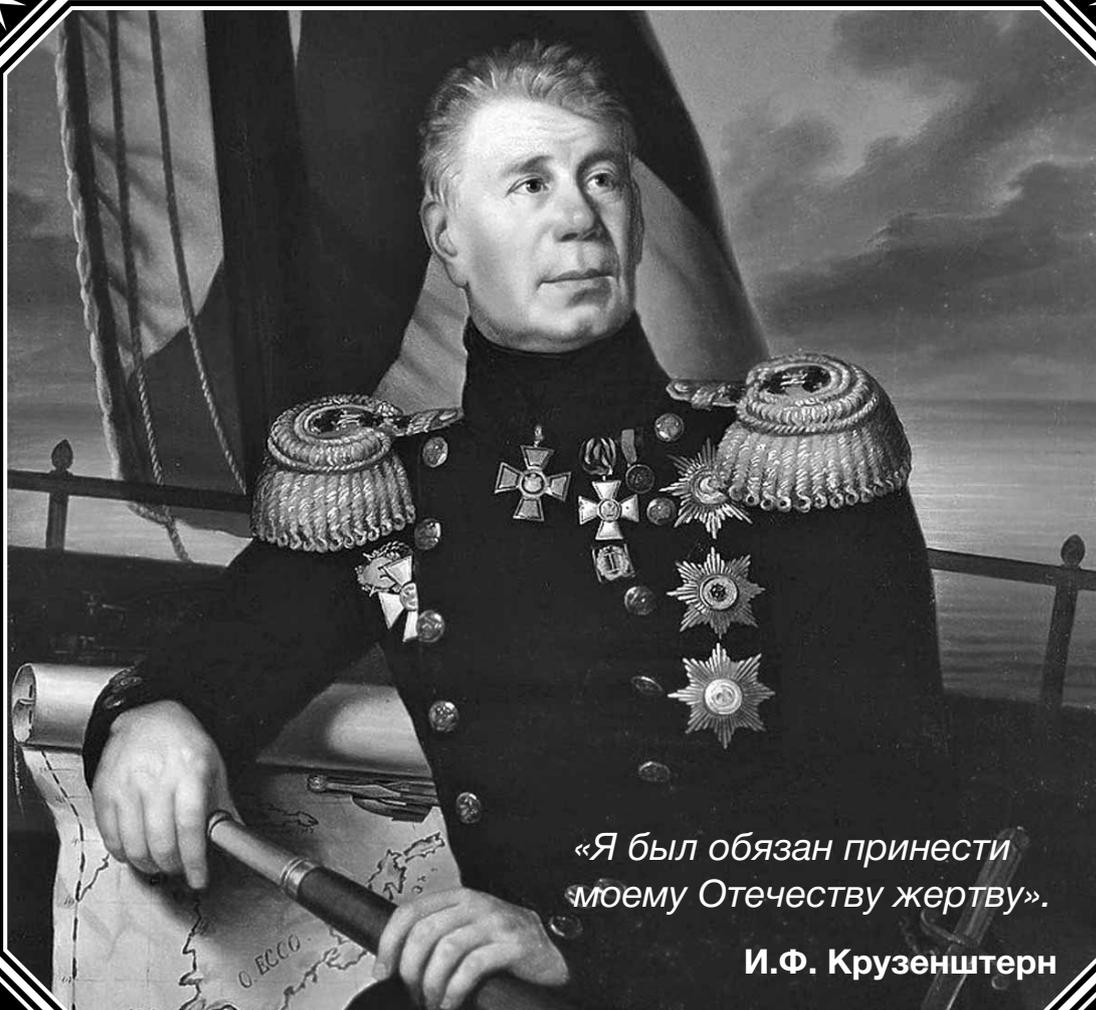
« Как и великие Дюма, Штраусы существовали в вариантах «отец» и «сын». Вообще, если иметь в виду еще и братьев, это была очень одаренная династия. Однако признанным «королем вальсов» стал именно Иоганн Штраус-младший. Именно ему мы должны быть благодарны за то, что танцевальная музыка, «музыка для ног», считавшаяся «низким» жанром, стала весьма популярна в народе. Это была уже не просто музыка для танцев, а произведения, обладающие огромной художественной ценностью.

Евгения **Гордиенко** «Иоганн Штраус, сын Иоганна Штрауса»

« Детектив Андрея **Дышева** «Час волка».

Георгий Кричевский

ПОВЕЛИТЕЛЬ МОРЕЙ

*«Я был обязан принести
моему Отечеству жертву».*

И.Ф. Крузенштерн

26 июля 1803 года в Кронштадте торжественно провожали в первую российскую кругосветную экспедицию два парусных судна «Надежда» и «Нева». Торжественные проводы почтил своим присутствием молодой император Александр I. Под залпы орудийного салюта из крепости корабли подняли на мачте Андреевский флаг и легли на курс.

Командовал экспедицией спокойный, деликатный, рассудительный человек очень высокого роста, который вез с собой любимого спаниеля и пару двухпудовых гирь. Силой с ним не могли тягаться даже здоровенные матросы. Он отменил у себя на борту телесные наказания и едва ли не главную заслугу своего командования «кругосветкой» видел в том, что не потерял за столь длительное путешествие ни одного человека из своей команды.

Выходец из небогатой добропорядочной семьи мелкопоместных эстляндских дворян, Адам Йоханн фон Крузенштерн, которого как офицера российского флота стали звать более привычным русскому уху именем Иван Федорович, родился в родовом эстонском имении Хаггуде 8 ноября 1770 года. В том же году прославленный английский мореплаватель Джеймс Кук отправился в свое первое кругосветное плавание, а российская эскадра во главе с адмиралом Крейгом, шотландцем на русской службе, разгромила в Чесменском сражении турок.

Хаггуд было одним из самых маленьких рыцарских поместий, окруженным неплодородными землями. Дед будущего мореплавателя, шведский офицер Эверт Филипп, проведя после окончания петровской Северной войны 22 года в плену в Сибири, вернулся в разоренное поместье и посвятил остаток жизни восстановлению заглохшего хозяйства. Однако финансовое положение семьи

оставалось трудным, и отцу Крузенштерна приходилось, смиряя дворянскую гордость, наниматься управляющим к соседним помещикам, чтобы прокормить жену и детей. Адам Йоханн был самым младшим, восьмым ребенком.

Прославился он еще при жизни. Герман Мелвилл в своем знаменитом романе «Моби Дик» без всяких оговорок поставил рядом имена Крузенштерна и Кука. Именем Крузенштерна благодарные современники и потомки называли проливы, мысы, бухты, острова, даже лунный кратер и редкий вид бабочки. Бороздит моря и океаны наш самый большой в мире учебный парусник «Крузенштерн». А вот императорское адмиралтейство под конец обошлось с Иваном Федоровичем не лучшим образом...

После окончания старинной ревальской школы старшему брату, Карлу-Фридриху, согласно сложившейся традиции, следовало идти по гражданской части и готовиться

вступить во владение отцовским поместьем. Младшему, опять же по заведенному в семьях курляндских дворян обычаю, предстояла воинская служба. Выбор ее был прагматичен. Российский флот тогда еще не привлекал романтикой дальних странствий, зато исключительно тяжелая служба на парусных судах открывала возможности карьерного роста.

Не пользовался пока большой популярностью у молодых людей и основанный Петром I Морской ка-

14-летний подросток, будучи при этом на два года старше одноклассников, очутился в холодном здании с выбитыми стеклами, обшарпанными классными комнатами и дортуарами. Топили и кормили в учебном заведении нерегулярно, белье кадетам меняли редко и по малейшему поводу подвергали их жестокой порке. Причем начальник Корпуса адмирал И.Л. Голенищев-Кутузов и некоторые из профессоров даже не соизволили переехать из Петербурга в Кронштадт, а лишь появлялись

Не пользовался большой популярностью у молодых людей основанный Петром I Морской кадетский корпус, готовивший офицеров флота. Безрадостной и суровой была жизнь кадетов, среди которых осенью 1775 года очутился и юный Крузенштерн, неожиданно нашедший здесь свое призвание

детский корпус, который готовил офицеров флота. Из-за пожара его надолго перевели в Кронштадт, на скалистый остров Котлин, отрезанный от столицы — первые паровые шлюпки начали курсировать там только через двадцать лет. Непролазная грязь, суровое однообразие ландшафта являли в Кронштадте разительный контраст с комфортом и роскошью столицы. Столь же безрадостной и суровой была жизнь кадетов, среди которых осенью 1775 года очутился юный Крузенштерн, неожиданно нашедший здесь свое призвание.

там время от времени. Это, разумеется, сказывалось на качестве образования и усугубляло произвол воспитателей и гардемарин, представленных к младшим учащимся и всячески помыкавших ими.

Однако, как известно, то, что нас не убивает, делает нас сильнее. Именно в Корпусе закалился несгибаемый, «морской» характер «русского капитана Кука», родились его сокровенные мечты исследовать дальние земли и океаны. Этими мечтами он однажды поделился после занятий с новым товарищем, Юрой Лисянским, ставшим верным соратником Кру-

зенштерна. В их легендарной «кругосветке» он командовал вторым барком «Нева». В дневнике учебной поры Лисянский отмечал, что основными качествами кадета Крузенштерна были «надежность, обязательность и отсутствие интереса к обыденной жизни».

На каникулах, которые выпадали кадетам крайне редко, Крузен-

принимающим от лакея чашку горячего шоколада.

Учеба в Кадетском корпусе продолжалась шесть лет. Вернее, три года — кадетом, а три — гардемаринном. Причем в случае необходимости гардемарина могли призвать на военную службу во флот. Так произошло с Крузенштерном и Лисян-

*Барки
«Надежда»
и «Нева»*

штерн получил возможность навестить Карла-Фридриха, учившегося в петербургском Пажеском корпусе. К моменту их встречи тому почастливилось стать пажом Екатерины II. Впущенный по натертому до блеска дворцовому паркету в спальню, Крузенштерн нашел старшего брата возлежащим на сказочной кровати за шелковым пологом и

ским. Россия оказалась втянутой в войну на два фронта — с Турцией и Швецией. Для Швеции открылась благоприятная возможность восстановить свое сокрушенное Петром могущество на Балтике. Чтобы противостоять все еще исключительно сильному шведскому флоту, пришлось срочно пополнить недостающее число судовых офицеров. В мае

1787 года 142 кадета, и среди них Крузенштерн, были до срока переведены в гардемарины, и на следующий год Иван Федорович, успевший отучиться в Кадетском корпусе всего три года, получил назначение на свой первый боевой корабль — линкор «Мстислав», который считался лучшим линейным кораблем русского флота.

*Юрий
Федорович
Лисянский*

Боевое крещение будущего мореплавателя произошло в памятном Гогландском сражении, выигранном у шведов дорогой ценой — более 300 российских моряков были убиты, более 600 ранены. На залитой кровью палубе линкора, получившего несколько пробоин, гардемарин Крузенштерн не потерял присутствия духа и заменил выбывшего из строя офицера.

Благоволивший юноше 27-летний капитан корабля Григорий Мулавский в перерывах между боями делился с ним сокровенными планами кругосветной экспедиции, которую собиралась ему доверить Екатерина II. Из-за войны подготовка экспедиции была отложена, но не забыта. Мулавский пообещал включить Крузенштерна в число ее участников.

Увы, через год, в бою у острова Еланд, Крузенштерн потеряет старшего друга и командира, а вместе с ним — надежду на скорое осуществление своей заветной мечты. А еще через год, в четвертом и последнем бою той войны, ему будет дано почетное поручение подняться на борт вражеского флагмана и взять в плен выбросившего белый флаг шведского адмирала Лейонакера.

На кронштадскую пристань 19-летний Крузенштерн сошел уже досрочно произведенным в лейтенанты за проявленные в морских сражениях мужество и доблесть. Заслуженную передышку молодой офицер использовал для завершения прерванного военной службой образования. Упор он сделал не только на астрономию, навигацию и географию, но также на английский и французский языки, которые открывали доступ в большой мир. Первое знакомство с ним не заставило себя ждать и продолжалось целых шесть лет.

По существовавшему тогда соглашению между Россией и Англией начинающие флотские офицеры

могли пройти, выражаясь современным языком, стажировку на лучших в мире военных кораблях Ее Величества. И вот 1 ноября 1793 года британский крейсер доставил в Портсмут 16 российских стажеров, среди которых находились Крузенштерн и Лисянский. Англия вела в это время войну с Францией, и приток офицерских кадров был для британского флота очень кстати.

и Индии. Крузенштерн на разных боевых кораблях преследовал французские каперы в Атлантическом и Индийском океанах, участвовал в ожесточенных схватках с французами в Южно-Китайском море, у Бермудских островов и Барбадоса. Кроме того, совершил путешествие по Соединенным Штатам, побывал в Нью-Йорке и Филадельфии, тогдашней столице страны, где был принят самим Джорджем Ва-

Воинская судьба на годы разлучила двух друзей-однокашников. Оба они служили на чужбине с честью, обоим выпало на долю немало опасностей и испытаний, оба не раз смотрели в лицо смерти. Лисянский отличился и был контужен при пленении французского фрегата. Сражался с пиратами в водах Северной Америки, сопровождал английские караваны у берегов Южной Африки

и Вашингтоном, который пригласил его на службу. От лестного предложения первого президента США Иван Федорович тактично отказался.

В Петербург Крузенштерн и Лисянский вернулись, каждый своим путем, уже в чине капитан-лейтенантов. Оба были удостоены высоких орденов, оба могли рассчитывать на успешную карьеру. Однако у Крузенштерна она поначалу как-то

не заладилась. А вот скрытое соперничество с Лисянским, не мешавшее, впрочем, их искренней дружбе, возникло. Юрия Федоровича назначили командовать фрегатом «Автроил». Иван Федорович же вступил в должность капитана небольшого корабля в Ревеле (Таллинне) и на основании обширного опыта, приобретенного за годы службы в британском флоте, занялся разработкой проекта кругосветной экспедиции. Проект, в 1799 году направленный им в Военно-морское министерство, адмирал Кушелев отверг. Зато его поддержал основатель Одессы, адмирал-командор испанского происхождения Иосиф Михайлович де Рибас.

Пока проект Крузенштерна неспешно перемещался по высоким инстанциям, сам мореплаватель не раз испытывал приступы депрессии и даже подумывал выйти в отставку, заняться сельским хозяйством или стать учителем в Домской школе. Ему было уже около тридцати, пришла пора подыскать жену и дом. В захолустном Ревеле Иван Федорович считался завидным женихом, невзирая на скудное материальное положение. У него имелись все возможности составить выгодную партию, но он предпочел 20-летнюю Юлию фон Таубе, сироту и бесприданницу, воспитывавшуюся в семье старшего сводного брата.

Юлия обладала пытливым умом, получила хорошее гуманитарное образование, была даже знакома с

трудами Канта. В период сватовства Крузенштерн проявил настойчивость, которая подкреплялась убедительной взаимной склонностью, заставившей уступить опекуна невесты — ведь брат мечтал выдать Юлию за богатого местного помещика. Счастливый брак по взаимной любви являлся в ту эпоху редкостью. У Ивана Федоровича с Юлией их союз двух сердец выдержал долгую разлуку и остался прочным до конца. Почти полвека они проживут душа в душу и воспитают шестерых детей. «Какая это малость, когда приходится жить в браке лишь из чувства долга — ах! насколько все у нас с тобой иначе», — писала Юлия Крузенштерну год спустя после отплытия экспедиции, когда его судно трепал у берегов Японии страшный шторм.

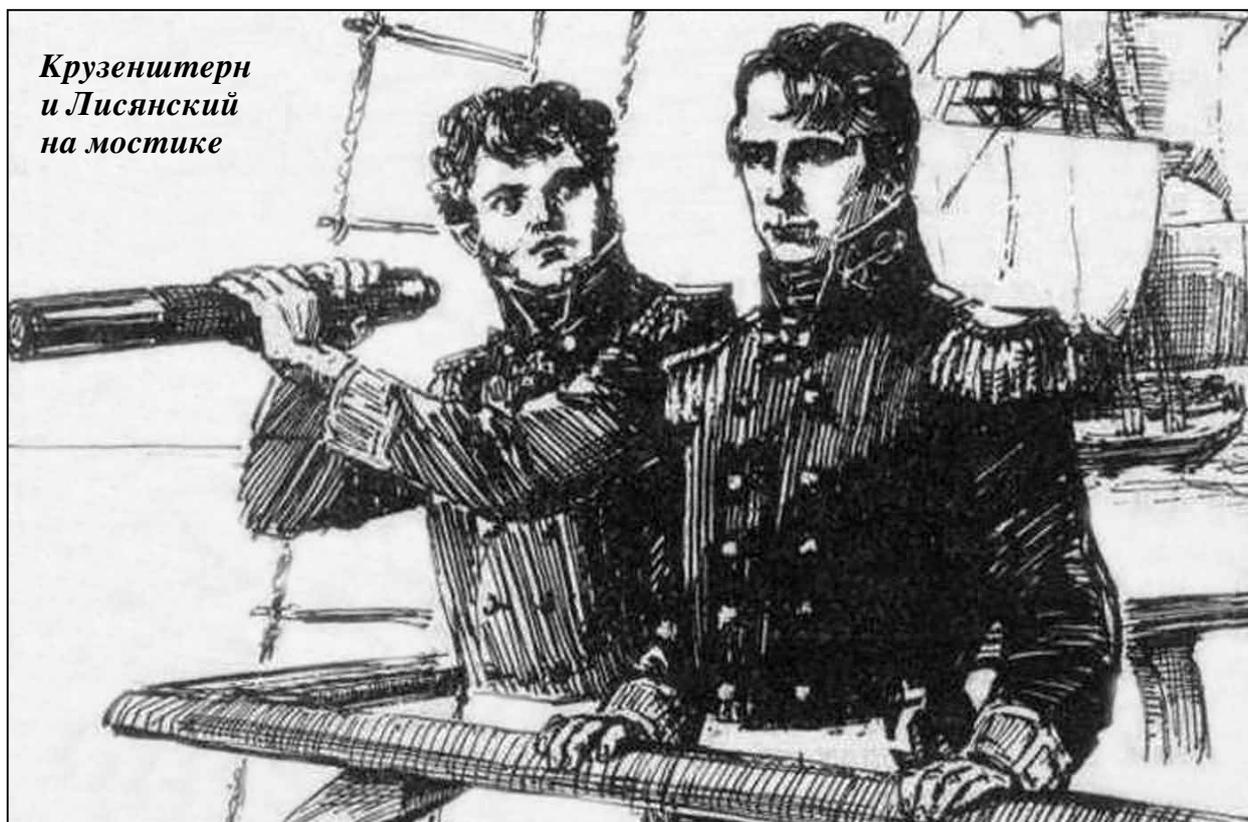
С воцарением Александра I оживился экономический интерес к проекту «кругосветки» с целью изучения возможных путей сообщения между российскими портами на Балтике и на Аляске, а также возможностей снабжения товарами нашего Тихоокеанского флота. Интерес этот разделяла недавно созданная Российско-Американская компания, одним из акционеров которой являлись император и его ближайшее окружение. Руководство экспедицией и процесс подготовки к ней Александр поручил Крузенштерну, хотя компания собиралась использовать в этой роли одного английского офицера. Взволнованный ока-

занной честью, Иван Федорович с присущей ему энергией немедленно приступил к делу.

7 августа 1802 года было получено высочайшее разрешение открыть финансирование готовящейся экспедиции. А через девять дней в семье родился первенец, сын Отто. Крузенштерну предстояло на несколько лет покинуть жену с ребен-

счастливой жене». Августейшим повелением семья Крузенштерна в течение 12 лет получала ежегодное содержание в весьма значительной для того времени сумме 1500 рублей.

...Уже был известен день отплытия, а экспедиция еще не располагала подходящими судами. Крузенштерн решил, что для страховки и взаимопомощи в океане необходимы два судна.

*Крузенштерн
и Лисянский
на мостике*

ком. Он очень переживал, потому что у 22-летней Юлии к тому моменту не осталось никого из родных. «Я дал согласие, поскольку в ином случае мой проект останется неосуществленным, — записал он тогда в дневнике. — Я был обязан принести моему Отечеству жертву... Я решил на путешествие и тем доставил много горя и страдания моей не-

Их предстояло купить в Англии. Сам Иван Федорович, по горло занятый подготовительными работами, отлучиться из Кронштадта не мог и послал за судами человека, которому всецело доверял — Лисянского. Поручение тот выполнил, однако вскоре обнаружилось, что оба барка, приобретенные в Англии за большие деньги, новыми не являются и требуют ремонта.

Крузенштерн в силу благородства характера ни единым словом не попрекнул друга юности (с кем не бывает!) и своей волей назначил его капитаном второго судна, «Нева». Едва Иван Федорович определился с научной программой экспедиции, которой он придавал не меньшее значение, чем прокладке морского пути из России в Америку, как по-

ряков, которых российское правительство вознамерилось отправить в качестве «подарка» с дипмиссией, настолько затруднили размещение команды, что Крузенштерну пришлось предоставить надменному и коварному камергеру половину своей шестиметровой каюты.

Увы, подлинный облик Николая Петровича Резанова весьма далек

*Барк
«Крузенштерн»*

ступило известие, что на паруснике «Надежда» отправится во главе с камергером Резановым посольство в Японию. Это привело затем к острым конфликтам на борту командирского судна. Дополнительные десять пассажиров вдобавок к еще нескольким, направлявшимся на Аляску, и пятеро спасенных после кораблекрушения японских мо-

от романтического образа героя легендарной ленкомовской рок-оперы «Юнона и Авось». Очевидцы поведали о непрекращавшихся безобразных выходках Резанова во время плавания, его интригах против Крузенштерна, которые привели к тому, что, деля одну тесную каюту, они общались посредством записок, передаваемых к тому же через

третьи руки. А еще масло в огонь подливал затесавшийся в свиту Резанова скандально известный столичный буян и бретер, граф Федор Толстой. Его хулиганские выходки переполнили чашу терпения Крузенштерна, и он ссадил татуированного с ног до головы графа на берег в Петропавловске-Камчатском. Оттуда тот успел еще отправиться на поиски приключений в Русскую Америку.

Затем пришел, наконец, черед расстаться с Резановым. Поручен-

го плавания. Первые полтора года экспедиции остались позади, и только на исходе их Иван Федорович получил первую весточку от своей дорогой Юлии. «О, мой любимый Крузенштерн, у меня есть письма от Вас с Камчатки! Вы живы! Вы здоровы!.. Чудовищное пространство лежит между нами, мне придется еще полтора года жить вдали от Вас. Только теперь у меня есть надежда, мужество и вера».

В августе 1805 года Лисянский привел потрепанную штормами «Не-

Своцарением Александра I оживился интерес к проекту первой российской «кругосветки» с целью изучения возможных путей сообщения между портами на Балтике и на Аляске, а также возможностей снабжения товарами Тихоокеанского флота. Подготовку к ней Александр поручил Крузенштерну, и Иван Федорович с присущей ему энергией немедленно приступил к делу

ную ему миссию в Японии учредитель Российско-Американской компании благополучно провалил. Возвратившись в Новоархангельск, он узнал, что государь освободил его от дальнейшего участия в экспедиции, поручив заняться инспекцией русских поселений на Аляске. Поручение повлекло за собой воспетую Андреем Вознесенским любовную эпопею Резанова в Калифорнии.

Крузенштерну предстояли еще полтора года трудного кругосветно-

ву» в порт Макао и там вновь соединился с «Надеждой» и Крузенштерном. Но, выйдя в океан, корабли опять потеряли друг друга в тумане. К острову Св. Елены, указанному на подобный случай начальником экспедиции в качестве запасного пункта встречи, Юрий Федорович почему-то не поплыл, а самовольно направил «Неву», без заходов в порты, прямоком в Кронштадт. Он прибыл обратно первым, установив рекорд продолжительности автономного пла-

вания. Это было не вполне этично по отношению к начальнику экспедиции, ведь они должны были вернуться вместе. Но Крузенштерн по широте души не стал предъявлять другу-подчиненному претензии. Однако никогда с ним более не встречался.

Проекты, переполнявшие голову Ивана Федоровича, к сожалению, легли в стол. За время плавания у него сильно ухудшилось зрение, стали сильно болеть глаза при чтении, и по этой причине он отказался возглавить одну из последующих «кругосветок». Его прикомандировали к Петербургскому порту для

семи странах Европы. В апреле 1810-го прусский король Фридрих Вильгельм III, прочитав первый том «Путешествия...», извещал в благодарственном письме автора о присуждении ему ордена Красного орла и величал его адмиралом, ибо представить не мог, чтобы мореплаватель такого уровня имел бы меньший чин.

Один из учредителей Русского географического общества, избранный почетным членом академий и научных обществ Германии, Дании, Великобритании, «дорос» до полного адмирала лишь к 72 годам, после чего был назначен директором род-

Проекты, переполнявшие голову Ивана Федоровича, к сожалению, «легли в стол». За время плавания у него сильно ухудшилось зрение, и он отказался возглавить одну из последующих «кругосветок». Его назначили преподавателем Морского кадетского корпуса

написания труда о проделанной экспедиции, а в 1811 году назначили преподавателем Морского кадетского корпуса. Когда Наполеон начал войну с Россией, Крузенштерн пожертвовал на народное ополчение треть своего небольшого состояния. Трехтомное «Путешествие вокруг света» и географический атлас с картами и рисунками, над которыми Иван Федорович работал несколько лет, были переведены в

ного Кадетского корпуса. На этом посту он успел создать при Корпусе высший офицерский класс, преобразованный позднее в Военно-Морскую академию, и выступил вдохновителем и организатором нескольких российских кругосветных экспедиций.

Похоронив свою ненаглядную «Юльхен», Иван Федорович на скудную пенсию доживал последние годы в маленьком эстонском имении.

Несмотря на прогрессирующую болезнь глаз, он продолжал заниматься научными трудами по картографии и гидрографии Мирового океана и посвятил себя воспитанию дочерей. Сыновья, Юлий и Павел, к тому времени уже оперились и покинули отчий кров. В 1834 году Юлий писал отцу: «Как могло случиться, что человек, которому русский флот обязан величайшей своей славой, оставил службу бедным и не полу-

чил достойного вознаграждения? Та же судьба была и у Колумба...» Все дети глубоко чтит отца и хранили память о нем. Вот только не сумели сберечь его обширное научное наследие, которым пренебрегло адмиралтейство, и от которого до нас дошла незначительная часть.

Умер Иван Федорович Крузенштерн на семьдесят шестом году, 12 августа 1846 года и был похоронен в Домском соборе Таллинна. □

Денис Логинов

РУССКАЯ НЕВЕСТКА КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ

Судьба единственной дочери императора Александра II и его супруги, в девичестве принцессы Марии Гессен-Дармштадской, удивительна. Тем более странно, что в исторической литературе о ней почти не упоминается. Хотя великая княжна Мария была любимицей родителей

и сделала блестящую партию: вышла замуж за второго сына английской королевы Виктории, принца Альфреда, герцога Эдинбургского, бывшего в то время вторым в очереди британского престолонаследия.

Теоретически, она могла в будущем стать английской королевой. Однако судьба преподнесла неожиданный сюрприз всей Европе. Старший брат ее свекра, принца Альберта Саксен-Кобург-Готского, Эрнст, герцог Саксен-Кобургский, скончался холостым и бездетным, и его титул унаследовал племянник, отказавшийся от прав на английский престол.

Но обо всем по порядку.

Великая княжна Мария родилась в Царском Селе в октябре 1853 года. В день ее рождения фрейлина Анна Тютчева записала в дневнике:

«Эта маленькая девочка — большая радость в императорской семье, ее очень ждали и желали, так как после великой княжны Лины, которая не дожила до семи лет, у цесаревны были только сыновья. Этой новой пришельце предназначили имя Веры, но старая княгиня Горчакова написала императрице, что она видела сон, будто у цесаревны родится дочь, если она обещает назвать ее Марией. Итак, назовут ее Марией...»

Радость действительно была безграничной: после великой княжны Александры, скончавшейся в возрасте семи лет, у цесаревны рождались только сыновья. И вот, наконец-то, дочь. По этому случаю супруга старшего сына императора Николая I получила в подарок от романов-

ской семьи диадему из рубиновых звезд, украшенную бриллиантами.

Крещение ребенка состоялось спустя три недели. очевидцы вспоминают:

«Все было обставлено с величайшей помпой и торжественностью. Августейшего младенца, покрытого императорской мантией из сукна, отороченного горностаем, внесли в церковь».

В Зимнем дворце для великой княжны были отделаны особые апартаменты на первом этаже в западном корпусе с видом на Адмиралтейство. Так фактически с колыбели девочка привыкла считать себя особенной, купаясь во внимании родителей и обожавших ее шести братьев.

Маленькая Мария благотворно действовала на всю семью. Отец, вступивший на престол спустя два года после ее рождения, буквально боготворил свою единственную дочь.

Мария Александровна — мать Марии

Александр II — отец Марии

В воспоминаниях фрейлины Анны Федоровны Тютчевой (дочь знаменитого поэта), которая почти тринадцать лет провела при дворе и была назначена гувернанткой великой княжны, можно прочесть следующие строки:

«Я почти каждый вечер прихожу кормить супом этого херувимчика — это единственная хорошая минута во весь день, единственное время, когда я забываю подавляющие меня заботы», — признался как-то Александр II. А румяный ребенок в лентах и кружевах на высоком стульчике радостно улыбался отцу-императору».

Это сильно беспокоило Анну Федоровну, и она писала:

«Я очень боюсь, как бы Мария не стала очень эгоистичной, эгоистичной вдвойне — в качестве великой княжны и избалованного ребенка; поэтому я с ней строже, чем была бы с другим ребенком».

Возможно, тревоги Тютчевой были не напрасны: после беззаботного детства Марии Александровне было трудно приспособиться к менее приятной взрослой жизни. Свою роль сыграло и то, что великая княжна считалась одной из признанных красавиц России. Синеглазая стройная шатенка унаследовала знаменитое обаяние своей матери, но, к сожалению, не ее характер. К тому же всеобщее поклонение и бесконечная лесть придворных не могли не ока-

зять своего влияния на юную цесаревну. Она привыкла считать себя выше остальных людей.

Это было серьезным препятствием для заключения брака. Ни один из претендентов не устраивал ее императорское высочество, кандидатуры многочисленных немецких герцогов даже не рассматривались, неженатых венценосных особ на данный момент не было. Русская императорская чета была в полной растерянности.

Прошли годы. Кому вверить судьбу своей любимицы, в семье так и не могли решить. Ясно было лишь одно — следует продолжить семейную традицию Романовых, то есть использовать дочь во благо династических и политических амбиций императорского дома.

Но в 1873 году помолвка великой княжны все-таки состоялась. Счастливым избранником стал герцог Эдинбургский Альфред — второй сын английской королевы Виктории. Они познакомились осенью 1868 года в Гейдельберге, где оба гостили у родственников. Первоначально великой княжне принц не понравился из-за своей напористости и бесцеремонности: он лично сделал ей предложение руки и сердца на третий день знакомства. Марии тогда удалось уклониться от прямого ответа, сославшись на стремительность столь серьезного решения.

В 1871 году они снова встретились в Дармштадте. На сей раз русская красавица была более снисходительна и даже обнадежила своего

почти тридцатилетнего обожателя. Но ее смущали многочисленные сплетни о бесконечных интрижках герцога Эдинбургского, которые тогда были на устах всей Европы.

Как сын монарха, принц Альфред получил при рождении титул Его Королевское Высочество. В момент рождения он был вторым в линии наследования британского престола после старшего брата Эдуарда, принца Уэльского.

В 1856 году Альфред вступил в Королевский военно-морской флот Великобритании. Он первым из всех членов британской королевской семьи посетил Австралию, Новую Зеландию, Британскую Индию и Гонконг. А еще принц увлекался филателией, даже был избран почетным

*Мария
в детстве*

директором Филателистического общества Лондона («Philatelic Society»; в дальнейшем — Королевское филателистическое общество).

Но общих интересов у будущих супругов так и не нашлось. Мария терпеть не могла путешествий, поскольку в них была лишена привычного комфорта, а уж увлечение герцога марками вообще считала смешным чудачеством и пустой тратой времени. Альфред, в свою очередь, был равнодушен к светским раз-

влечениям и ненавидел придворную суету.

Император Александр был не против брака обожаемой дочери, но заметил, что не стесняет своих детей в их выборе, только позволил герцогу приехать в Петербург. Летом 1873 года Мария Александровна неожиданно для всех согласилась стать его женой.

Но это решение было принято, скорее всего, под мягким, но упорным давлением родителей с обеих сторон.

*Мария
с отцом —
императором
Александром II*

*Мария
с матерью —
императрицей
Марией Алек-
сандровной*

В начале 1873 года королева Виктория обратилась к императрице с официальным письмом по поводу брака сына, но получила ответ, что выбор по-прежнему остается за великой княжной. Английской королеве пришлось сделать над собой серьезное усилие, так как она была не в восторге от выбора сына.

В письме дочери, прусской королеве Виктории, она писала:

«Это не то, чего я хотела, ты же знаешь — религия, политика, взгляды двора — и сама нация... Все это так отличается от нашего, и я предвижу множество сложностей. Но я приму Марию со всей любовью и расположением, и если она смо-

жет изменить его тяжелый, эгоистичный, изменчивый характер, то станет истинным благословением для нашей семьи, и я первой признаю это. Но пока я не могу радоваться».

Королева не скрывала своего недовольства, что ее сын, как она считала, женится, принимая довольно унижительные условия, продиктованные русским императорским домом. Ей даже не была предоставлена возможность поозна-

комиться с будущей невесткой, хотя с такой просьбой Виктория обращалась к своим «русским родственникам». Ею было высказано пожелание, чтобы Александр II привез дочь в Осборн, где королева в то время находилась.

Об этом сообщили императору, который, услышав о столь «дерзкой воле», попросил передать Виктории, что он «очень занят» и, к сожалению, не может, воспользовавшись случаем, погостить в Осборне.

*Мария
с Анной
Тютчевой*

Александр II решил, что суверенный монарх не должен ездить «на поклон» к другому монарху, да к тому же без официального приглашения.

Мать невесты, императрица Мария Александровна, предложила Виктории встретиться на нейтральной территории, например, в Кельне. Этим она вызвала негодование привыкшей к особому почитанию британской королевы.

Своей дочери в Берлин Виктория написала:

«Ты, вероятно, уже слышала, а может быть, еще нет, что императрица России в среду самым холодным образом телеграфировала мне, что могла бы завтра увидеть меня в Кельне. Я считаю это бесстыдством. Она знает, что в такую жару я не могу ехать, и даже если бы я могла: кто я, правительница и дама, чтобы в течение нескольких дней бегать за ней? Я хочу еще сказать, что страшно огорчена и не в меньшей степени шокирована поведением Алисы (дочь королевы, мать по-

следней российской царицы Александры Федоровны), потому что она встает на позицию русских... и ведет себя, словно она русская, а не британская принцесса».

23 января 1874 года в Большой церкви Зимнего дворца в Санкт-Петербурге состоялось бракосочетание великой княжны Марии с Его Королевским Высочеством принцем Альфредом, герцогом Эдинбургским, сначала по православному, а затем по англиканскому обряду. Согласно брачному договору, рожденные в их браке дети должны были воспитываться в англиканской вере, однако Марии Александровне позволялось остаться православной.

По случаю бракосочетания русской великой княжны и английского принца в столицу приехали высокие особы из разных стран. Мать жениха, королева Виктория, приехать не пожелала.

Александр II дал в приданое дочери неслыханную по тем временам сумму в 100 000 фунтов, и сверх того ежегодное пособие в 20 000 фунтов.

В честь принца был назван русский крейсер «Герцог Эдинбургский». Кроме того, название Эдинбург получил дачный поселок под Ригой, с 1922 года носящий название Дзинтари.

Впервые в истории британский монарх стал близким родственником русского императора. Этому родственному союзу сразу стали приписывать большое политическое значение. Считалось, что брак дочери

русского царя с британским принцем поможет России и Англии преодолеть взаимную враждебность, сохранявшуюся со времен Крымской войны.

Уезжая из России, великая княгиня была очень озабочена, оставляя свою мать в печали. После смерти восемь лет назад старшего сына Николая императрица так и не смогла оправиться.

Родной брат Марии, будущий наследник престола, великий князь Николай Александрович, умер, когда ему был двадцать один год. Цесаревич скончался в апреле 1865 года в Ницце, где в то время находилась его мать-императрица. Многие часы Мария Александровна проводила у постели больного сына, но материнская любовь не смогла остановить неизбежный конец.

Смерть цесаревича была страшным ударом для всей императорской семьи. Очень переживала эту трагедию и двенадцатилетняя тогда великая княжна Мария. Она опасалась за здоровье императрицы-матери, которая, отдавая себя целиком в течение всей своей супружеской жизни воспитанию детей, безгранично страдала. Мария также была свидетельницей переживаний матери, когда та узнала, что у ее молодой фрейлины, княжны Екатерины Долгорукой, родился сын, отцом которого был любимый супруг-император. И царская семья, и, конечно, двор, узнав о рождении ребенка, были потрясены. Мария Александровна, спрятав обиду

на мужа глубоко в сердце, стала с тех пор молчаливой и замкнутой. Ощущая на себе сочувственные взгляды и слыша за спиной соболезнующий шепот, она очень страдала. Здоровье ее стало резко ухудшаться.

Когда год спустя возлюбленная Александра II родила еще одного ребенка — дочь Ольгу, Мария Александровна опять же молча терпела. Ни с кем, а тем более со своей единственной дочерью, она не обмолвилась ни единым словом, обвиняющим мужа. Но молодой девушке и так было понятно, какой страшный удар нанесен самолюбию ее матери-императрице как женщине.

Герцог и герцогиня Эдинбургские прибыли в Лондон 12 марта.

Муж Марии — принц Альфред, герцог Эдинбургский

*Венчание
Марии
и Альфреда*

Лондонское общество сочло невесту слишком надменной. Правда, сама королева тепло встретила новую невестку — однако со временем их отношения стали крайне напряженными, в основном, по вине Марии.

Главной причиной конфликтов были споры о положении Марии при королевском дворе. По английским правилам ей отводилось седьмое место в иерархии принцесс — после жены наследника престола, а также

пяти дочерей королевы. Марии, привыкшей к высочайшему статусу при петербургском дворе, было трудно смириться с таким понижением. Она и не смирилась, хотя на отношениях с новой родней это сказывалось не наилучшим образом.

Недовольна она была и положенным ей обращением «Ваше Королевское Высочество»: Мария считала, что, будучи дочерью русского императора, она заслуживает

*Виктория —
королева
Англии*

упоминания своего императорского происхождения.

В 1874 году Александр II приехал в Англию с неофициальным визитом и воспользовался моментом, чтобы убедить королеву пойти на уступки в отношении его дочери. Уговоры русского царя подействовали, и с позволения Виктории к Марии отныне обращались так: «Ваше Королевское и Императорское Высочество». Правда, любви к ней со сто-

роны общества это опять же не прибавило.

Герцогиня Эдинбургская обижалась на то, что принцесса Уэльская Александра, дочь датского короля Кристиана IX, предшествует ей, дочери русского императора. Королева Виктория, в конце концов, дала ей первое место после принцессы Уэльской в обход собственных дочерей.

Возможно, император смог повлиять на королеву благодаря их

давнему знакомству: 35 лет назад молодой Александр уже был в Англии, и тогда между ним и Викторией едва не завязался роман. В своем дневнике 20-летняя Виктория оставила восторженные записи о молодом русском цесаревиче. Впрочем, в 1874 году она отзывалась об Александре совсем по-другому:

«Как он изменился. Он постарел, погрузнел и измучен».

Виктория, по-видимому, не осознавала, насколько она сама изменилась за эти годы. Вместо юной, тоненькой, восторженной девушки Александр увидел грузную, одетую в траур, не слишком разговорчивую матрону. Тем не менее, память о юности растрогала их обоих.

В целом Мария недолго любила Англию. Родным она признавалась, что ее лондонская резиденция кажется ей мрачной, сам Лондон — ужасным, английская кухня — отвратительной, местный климат — мерзким, а постоянные визиты к свекрови — донельзя скучными. Видимо, ей плохо удавалось скрывать свою неприязнь от окружающих: в британском обществе герцогиню Эдинбургскую считали англофобкой.

К счастью, жить в Англии ей пришлось недолго. 1880-е годы Мария провела на Мальте, где ее супруг командовал Средиземноморской эскадрой.

Все это не мешало герцогине исправно рожать детей — практически ежегодно, а это не могло не радовать ее многодетную свекровь.

Через год после свадьбы родился сын Альфред, затем — дочери: Мария, Виктория Мелита, Александра и Беатриса.

А в 1893 году судьба сделала резкий поворот: Альфред унаследовал титул герцога Саксен-Кобурга и Готы. Предыдущий правитель герцогства, Эрнст II, был дядей Альфреда и старшим братом мужа королевы Виктории. Поскольку Эрнст умер бездетным, титул должен был перейти старшему сыну Виктории, однако тот, будучи наследным принцем Англии, вынужден был отклонить наследство, поэтому титул достался Альфреду.

Альфред отказался от британского пособия в 15 000 фунтов в год и мест в палате лордов и внутреннем совете, но сохранил за собой 10 000 фунтов, получаемых для содержания его лондонского поместья Кларенсхаус. После того как он взошел на герцогский трон, Мария стала именоваться герцогиней Саксен-Кобург-Готской, сохранив при этом и титул герцогини Эдинбургской.

Таким образом, Альфред и Мария из членов британской королевской семьи превратились в правителей немецкого герцогства, каковых в Европе того времени было множество. Вместе с пятью детьми они переехали в Кобург. Чтобы преодолеть предвзятое отношение местного населения к новым герцогам-англичанам, Мария Александровна всеми силами пыталась влиться в немецкое общество. Детям она наняла

немецких гувернанток, одежду заказывала только у местных портных, а на стол во дворце подавались исключительно блюда немецкой кухни. Также герцогиня много занималась благотворительностью, поддерживала учебные и культурные заведения.

Она, по-видимому, не осознавала парадокса: немка по крови желала стать немкой по духу, считая себя при этом урожденной русской принцессой.

Основное внимание родителей всегда было обращено на воспитание и образование сына. Мария считала, что образование нужно только мужчинам, а женщинам необходимы лишь хорошие манеры и умение вести себя в высшем свете, поэтому ее дочери получили, как принято было говорить, типично британское воспитание. Их детство прошло в парках английских замков, а юность на великосветских балах. На семейных фотографиях можно видеть милых девочек в скромных платьях и элегантных шляпках, чинно рассажённых за традиционным чаем рядом с бабушкой, повелительницей Британской империи.

Мария Александровна свою главную задачу все эти годы видела в удачном замужестве повзрослевших дочерей. Русская невестка английской королевы, хотя прожила в Англии два десятка лет, была не слишком расположена к этой стране. По воспоминаниям современников, она была против брака своей старшей

дочери с одним из многочисленных кузенов, внуков свекрови-королевы. Поэтому, вопреки пожеланиям английской бабушки, свою дочь Марию, славящуюся редкой красотой, в 1893 году она выдала замуж за наследного принца Румынии, принца Гогенцоллернского Фердинанда. (Через год Мария подарила матери первую внучку.)

Три другие дочери покинули британский остров вместе с родителями. Уже в апреле 1894 года в Кобурге состоялась свадьба восемнадцатилетней принцессы Виктории с герцогом Эрнестом Людвигом Гессенским, на которой присутствовали родственники не только из Германии, но также из Англии и России. Даже бабушка, королева Виктория, прибыла в Кобург. Примечательно, что именно на этих свадебных торжествах было объявлено о помолвке будущего царя Николая II, племянника Марии Александровны, с гессенской принцессой Алике, родной сестрой герцога.

Ровно через два года Мария Александровна выдала замуж третью дочь, Александру, за князя Эрнста VII Гогенлоэ-Лангенбургского. А в 1896 году родительский дом покинула и младшая — Беатриса. Она вступила в брак с принцем Орлеанским Альфонсом, инфантом Испании, и переехала в Мадрид.

До 1917 года правящая королевская династия называлась Саксен-Кобург-Готская. После начала Первой мировой войны Георг V отказал-

Мария

ся за себя и за свою семью от всех немецких титулов и званий, а также от родового имени. Английский король принял фамилию Виндзор — по названию Виндзорского замка.

В июне 1880 года Мария Александровна узнала о смерти своей мно-

гострадальной матери. Нервные потрясения усилили болезни императрицы, они стали прогрессировать, не вызывая сопротивления ослабленного организма. Как стало известно, умерла она тихо, без мучений, в полном одиночестве. Никто

Альфред

не был с ней в момент смерти. Дочь очень переживала, что не могла присутствовать при последних днях жизни матери. А когда она узнала, что отец, не дождавшись окончания срока траура, обвенчался с Екатериной Михайловной Долгорукой (к тому

времени она была матерью трех его детей), то отправила Александру II из Лондона резкую телеграмму:

«Я молю Бога, чтобы я и мои младшие братья, бывшие ближе всех к мамá, сумели бы однажды простить Вас...»

По каким-то непонятным причинам, скорее всего, из-за сложности политической обстановки, присутствовать на погребении матери ей не удалось, о чем герцогиня сожалела всю оставшуюся жизнь.

Прошло всего девять месяцев после смерти матери, и вновь произошла трагедия: в Петербурге бомба террористов, брошенная под ноги императору, буквально растерзала его. Это случилось 1 марта 1881 года, когда Александр II возвращался в Зимний дворец после церемонии смотра развода караулов. К счастью, императрице Марии Александровне, которая, несмотря ни на что, не переставала любить своего супруга, не довелось пережить этот ужас.

Потеря любимых родителей была страшным потрясением для великой княгини, вынужденной жить за пределами своей родины, вдали от близких людей. Но на похороны отца она не поехала и в этот раз не испытывала никаких сожалений: некогда обожаемого отца она так и не простила за его вторую семью.

Но связей с Россией Мария Александровна не обрывала. Летом, когда все семейство Романовых находилось за пределами Петербурга, в Петергофе, Павловске или Стрельне, приезжали обычно и родственники из Европы.

«Одной из самых частых гостей, — пишет великая княгиня Ольга Александровна в своих мемуарах, —

Слева:

*Мария и Альфред
с дочерью,
Королева Виктория
с дочерьми*

*Мария и Альфред
с дочерью*

была герцогиня Эдинбургская, единственная сестра Александра III. Приезжала она часто, у нее постоянно были нелады с ее свекровью. По словам отца, королева Виктория была противной, во все сующей свой нос старухой, а та считала его (брата Марии, императора Александра III) грубияном. Я любила тетю Марию; не думаю, чтобы она была счастлива. Но в Петергофе она отдыхала от всех забот».

Правление герцога Альфреда в Саксен-Кобурге и Готе продлилось недолго. В 1900 году он скончался от рака горла. За год до этого умер и его единственный сын: по официаль-

ной версии — от туберкулеза согласно другим данным, молодой человек совершил самоубийство. Титул герцога Саксен-Кобург-Готского перешел племяннику Альфреда, Карлу Эдуарду, герцогу Олбани.

Вдовствующая герцогиня Мария осталась проживать на вилле «Эдинбург» недалеко от Кобурга: занималась садоводством, принимала гостей и периодически сама навещала родственников по всей Европе.

Трехэтажное здание виллы, в котором находилась и домашняя церковь с иконами и убранством походной церкви Александра II, стало ее домом. (Позже великая княгиня

подарила эту виллу дочери Виктории.) В гостиной висели большая картина, изображающая всех дочерей великой княгини еще юными принцессами, и портрет самой Марии, написанный вскоре после ее замужества.

Знаменательная вилла «Эдинбург» была для герцогини и еще одним воспоминанием. Будучи наследником престола, Николай II был так влюблен в гессенскую принцессу Алике, что хотел вступить в брак только с ней. Поскольку основные законы Российской империи требовали, чтобы невеста наследника русского престола приняла православие, необходимо было заручиться ее согласием. Но принцесса относилась к своей религии очень серьезно и считала недопустимым перемену веры. Окончательный ответ на предложение сына русского императора она долго оттягивала.

И вот в Кобурге во время торжеств по случаю свадьбы Виктории, с которой в то время гессенская принцесса была дружна, Алике приехала на виллу «Эдинбург» за советом к ее матери, герцогине Марии Александровне, к которой относилась с большим уважением и доверием. Кузина императора Александра III постаралась убедить будущую императрицу Александру Федоровну, что переход в православие — это не измена своей вере, а неизбежность, связанная с высоким положением жениха. Таким образом, брачный союз состоялся.

За последующие 14 лет безмятежное существование вдовы омрачалось разве что семейными скандалами. В 1901 году ее дочь Виктория Мелита развелась со своим супругом, великим герцогом Гессенским Эрнестом Людвигом, и вскоре вышла замуж за своего двоюродного брата, русского великого князя Кирилла Владимировича.

Император Николай II объявил, что не признает брак законным и лишает Кирилла прав на российский престол. Причин тому было множество: и близкое родство между супругами, и предыдущий брак Виктории Мелиты, и ее нежелание переходить в православие. Впрочем, в 1907 году она, к радости своей матери, все же приняла православную веру. Вскоре Николай II сменил гнев на милость и признал брак законным.

В 1914 году грянула Первая мировая война.

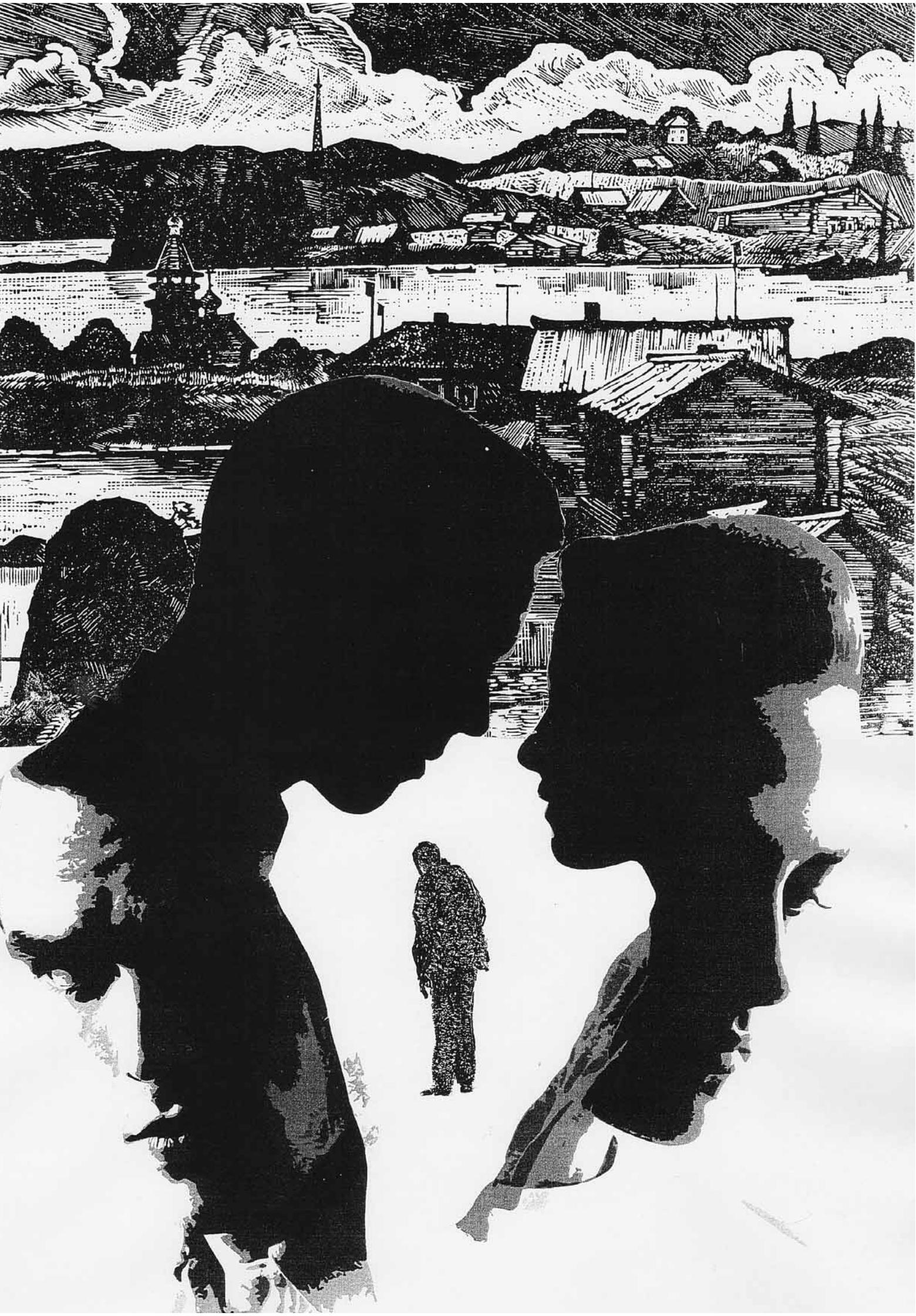
«Никогда не думала, что доживу, чтобы стать свидетелем войны между Англией, Россией и Германией. Как это кончится, и когда?» — сокрушалась Мария Александровна в письме к подруге.

Единственная дочь императора Александра II испытала на себе все перипетии истории. Выйдя замуж за сына королевы Виктории, она оказалась между двух огней в затяжном конфликте между Россией и Англией. Когда ее муж унаследовал титул герцога немецкой земли Саксен-Кобург и Гота, она сделала все, чтобы влиться в немецкое общество,

а оказалось — только для того, чтобы впоследствии с ужасом наблюдать, как Россия и полюбившаяся ей Германия сражаются друг против друга. Последним ударом для Марии Александровны стали революции в России и Германии, за которыми она в ужасе наблюдала в последние годы жизни, когда жила в Швейца-

рии. Туда переехала из Финляндии и ее дочь Виктория с семьей. Но вновь быть вместе им пришлось совсем недолго. 24 октября 1920 года русская великая княгиня Мария Александровна, дочь императора Александра II, скончалась. Ее похоронили в Кобурге, в фамильном склепе герцогов Кобургских. □

МИЛОСЕРДИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Олег Лидин стоял у окна и наблюдал за бомжем. Любопытный персонаж. Вообще-то бомжи в дачном поселке не редкость. Бездомные бродяги давно уже облюбовали брошенную красильню на том берегу реки под «летнюю резиденцию». Но главное не это. Вчера, возвращаясь с вечерней прогулки, Олег столкнулся с этим субъектом у калитки и был атакован неожиданной просьбой: «Хозяин, не поделишься какой старой одежкой и куском мыла? И бритвой, если вдруг завалылась ненужная». Вот так. Ни слова о деньгах, жратве или выпивке.

Заинтригованный Лидин предложил гостю подождать на скамейке у дома и вскоре вынес старый, но почти не надеванный тренировочный костюм, две пары новых носков, нераспечатанные упаковки с нижним бельем, одноразовый бритвенный станок. И теперь вот наблюдал за последствиями своей благотворительности. Нетипичный бомж обложил кострище перед красильней обломками кирпича, запалил костерок, притащил невесть откуда оцинкованную лохань, набрал воды из речки, поставил лохань на огонь, снова нырнул в провал, зияющий на месте снятой двери, и появился с пластиковым ведром. Еще раз спустился к речке, погрузил ведро в воду...

Лидин прерывисто вздохнул. Кажется, он нашел того, кого искал. Человека, побитого жизнью, опустившегося, но не до конца утратившего человеческое достоинство. Небольшая милость судьбы — именно сейчас, когда бедняга, похоже, осознал глубину своего падения и пытается выкарабкаться — он еще может вернуться к нормальной жизни. Ну что ж, Олег готов взять на себя роль судьбы — милосердной и справедливой.

Внутренний голос с чеканными мамиными интонациями требовал, чтобы она прекратила маяться дурью и немедленно ложилась обратно в постель, но Ди продолжала одеваться. Да, да, ей давно пора к психиатру, да, нормальным людям такие сны не снятся. А если снятся, то нормальные пьют пустырник

и засыпают снова, а не вскакивают посреди ночи и не мчатся на первую электричку, чтобы предотвратить неведомую беду, предсказанную приснившимся призраком. Ди все это понимала, и даже готова была сдаться «мозгоправам», но сначала она съездит к бывшему мужу и убедится, что с ним все в порядке.

Странные сны начались у Ди полтора года назад, после того, как объявился покупатель на старый шкаф. Шкаф — громоздкий монстр из мрачных тридцатых — был маминым врагом номер один на протяжении многих лет, но папа, пока был жив, не позволял избавиться от семейной реликвии, а после его смерти у мамы долго не хватало духу выбросить это чудовище. Не встретить она соблазнителя, скупающего старую мебель, так бы и смирилась с темной глыбой, подавляющей гостей в прихожей. И тогда, наверное, жизнь Ди не поменяла бы так резко свое русло...

Покупатель, разбирая шкаф для транспортировки, обнаружил тайник, а в нем — связку из семи пожелтевших писем, датированных 1916-м годом. Мать не нашла в них ничего интересного и отдала Ди со словами: «Забирай, сценаристка! Может, хоть тебе на что сгодятся». Все послания начинались обращением «родная моя Зоинька», заканчивались подписью «твой Дмитрий» и, судя по содержанию, были написаны офицером русской армии, сражавшейся на Юго-Западном фронте. Кем Зоинька или Дмитрий приходились папе, Ди не знала. Шкаф достался ему от прабабушки пролетарского происхождения, а погибший в сорок втором прадед был сиротой: в девятнадцатом году его, трехлетнего неслышленюша, нашел и усыновил путевой обходчик железной дороги.

Ничего поражающего воображение в письмах не было. Темы, связанные с войной, Дмитрий старательно обходил, предпочитая воспоминания о милом сердцу прошлом и мечты о счастливом будущем. Но именно после знакомства с его невинными эпистолами Ди начали посещать сны, которые Олег назвал «абсолютными». А как еще назвать сны, в которых видятся картинки и лица, никогда не виденные наяву? Печь с синими и белыми изразцами, матерчатый абажур с бахромой, круглый стол под длинной вышитой скатертью, цветочный рисунок на бледно-зеленых обоях... Брусчатка узких улочек, вывески с готическими нерусскими буквами, шляпки с вуалетками, костюмы в полоску... Битком набитый грязный вагон, пассажиры, сидящие в обнимку с мешками на полках и на полу, длинная очередь убогих одетых людей с ведрами у колонки на фоне одноэтажного барака...

Олега ее сны заинтриговали до чрезвычайности, он перечитывал письма, выпытывал у Ди и ее мамы подробности папиной семейной истории, строил предположения, объясняющие загадочный феномен, и, в конце концов, набрел на идею сценария семейной саги, в которой шолоховский реализм сочетался бы с магической обыденностью Маркеса, в которой за изломами судеб проступала бы история многострадальной России 20-го века.

Работа над сценарием поглотила его без остатка. Что повлекло сразу три радикальных для Ди последствия. Во-первых, ее смутные подозрения, что

Олег тяготится присутствием молодой жены и жалеет о женитьбе, переросли в уверенность. Во-вторых, в попытках справиться со смятением — смятением влюбленной женщины, обнаружившей, что не нужна любимому, — Ди стала проводить больше времени в обществе Миши, друга детства Олега, и вскоре почувствовала себя окончательно запутавшейся и несчастной. А в-третьих, тогда-то в ее сновидениях и появилась впервые эта дама.

Стрижка «боб», серые глаза, чуть приподнятые к вискам, острые скулы, впалые щеки, нежный подбородок. Сочувственный, понимающий взгляд и слова — ясные, спокойные, убедительные. Тебя закружили эмоции, моя девочка. На самом деле, понять, где любовь, а где химера, очень просто. Спроси себя, от кого из них ты хотела бы иметь детей.

Ответ был настолько очевиден и так легко расставил все по местам, что Ди опешила. Как она сама не додумалась до такой простой мысли? Скольких душевных терзаний можно было бы избежать! Конечно, в жизни легких выходов из сложных нравственных лабиринтов не бывает. Чувство вины так и не оставило Ди до конца, приправляя горечью счастье новой семейной жизни. Иногда горечь пересиливала, и тогда в ее сны снова приходила дама, называющая Ди «своей девочкой». Утешала, ободряла, успокаивала. Ди привыкла видеть в ней своего ангела-хранителя, привыкла доверять ее безмятежной мудрости.

Но этой ночью лицо дамы было каким угодно, только не безмятежным. В серых глазах стояла тревога, голос пресекался от сдерживаемого отчаяния: проснись, детка! Ты должна поехать к Олегу. Может быть, беду еще можно отворотить...

— Счастливчик ты, Хват! — объявил, не скрывая зависти, Сеня Нефедов, коллега, дежуривший вчера по району и выезжавший на убийство в Красильниково в составе следственно-оперативной группы. — Если бы не отпуск, хрен бы я выпустил из рук это дело! Не дело, а мечта лентяя! Обвиняемый под замком, алиби нема, мотивы прозрачны, свидетельница честна как на духу, вещдоки в наличии. Осталось дожидаться заключения экспертов, и все — гуляй, Вася, обмывай новый плюстик в послужном списке!

Хватов уверенности завистника не разделял. Во-первых, под замком не обвиняемый, а задержанный по подозрению. Во-вторых, его алиби, каким бы хлипким оно ни выглядело, еще никто не проверял. В-третьих, вещдок в наличии пока один, и тот станет вещдоком только после заключения экспертов. Или не станет, и тогда зависть Нефедова, который следующие три недели собирается нежиться под ласковым болгарским солнцем, обернется чистым издевательством. В-четвертых, честная свидетельница приходится подозреваемому женой, а покойному — бывшей женой, и такой расклад Хватову очень не нравился. Тем более, что Серега Соломенко, опер, беседовавший вчера со свидетельницей, пока Нефедов писал протокол осмотра места происшествия, по поводу честности этой Веденеевой высказался неопределенно: «Выглядело все

так, будто она отвечает на автомате. Знаешь, как бывает, когда человек захвачен своими мыслями настолько, что не отдает себе отчета, где находится и что делает? Но было это защитной реакцией или умной игрой... Не уверен. Два к одному, если верить моей чуйке».

Чуйка у Сереги работала профессионально, и треть шансов, отведенная ею под возможность, что Диана Павловна Веденева, обнаружившая тело бывшего супруга ранним утром вчерашнего воскресенья, ведет свою игру, здорово портила Хватову настроение. Потому что ставила под сомнение стройную версию Нефедова и сулила Хватову лишнюю головную боль. С другой стороны, шансы на искренность Веденевой, по Серегиной оценке, вдвое больше, а тогда дело действительно обещает быть простым.

Олег Сергеевич Лидин, 1975 года рождения, был убит на своей даче выстрелом в затылок. Жил Лидин уединенно, на людях появлялся редко, выстрела, прозвучавшего где-то на рассвете, никто из соседей не слышал, и кормить бы покойнику мух невесть сколько времени, если бы не сверхъестественная интуиция его бывшей супруги. Дурное предчувствие, разбудившее Веденеву той ночью, оказалось настолько сильным, что Диана Павловна не смогла противиться странному порыву немедленно выяснить, все ли в порядке с человеком, которого она оставила годом раньше ради брака с единственным близким другом Лидина, Михаилом Шуховым. Впрочем, отношения сторон в этом треугольнике были странными с самого начала.

Веденева и Лидин познакомились в Институте истории культуры и искусства, где она обучалась, а он преподавал сценарное мастерство. По правде говоря, институт этот — областная шарашкина контора из числа расплодившихся за последние годы вузиков, которые за умеренную плату врачуют раненую гордость юнцов, не сумевших поступить в престижные творческие академии. И преподаватели в этом ИИКИ соответствующие — бывшие библиотекари и музейные работники, художники местного значения, актеры и режиссеры самостоятельных театров. На этом фоне Лидин, успешный сценарист, приложивший руку к созданию многих популярных телесериалов, выглядел несомненной звездой. Не удивительно, что двадцатилетняя студентка по уши влюбилась в мэтра. И в том, что Лидин, очарованный хорошенькой ученицей, позвал девушку замуж, тоже не было ничего удивительного — такое случается сплошь и рядом. Удивительное началось позже.

Где-то через полгода совместной жизни счастливый молодожен вдруг обнаружил, что общество любимой жены отвлекает его от создания очередной нетленки. Недолго думая, маэстро переселился на дачу, поручив заботу о супруге другу детства, живущему в соседнем доме. Друг отнесся к поручению столь ответственно, что Диана вскоре не только перестала тосковать по мужу, но и решила сменить его на заботливого Шухова. А мэтр на их решение не только не обиделся, но чуть ли не благославил спешшую за его спиной парочку.

По словам Веденеевой, Лидин довольно часто звонил и ей и Шухову, наезжая в город, заходил в гости и даже оформил завещание, отписав этим двоим все свое имущество.

Конечно, насчет звонков и визитов Диана Павловна могла и солгать, но означенное завещание, составленное по всей форме и заверенное у нотариуса, в бумагах Лидина нашлось. Вот вам и мотив. Тем более убедительный, что у Шухова, владельца мелкой строительной фирмы «Мастерок», дела в последнее время шли неважно. Молодой, но зубастый конкурент, появившийся на рынке строительных услуг без году неделя, вводил у него из-под носа контракт за контрактом.

Итак, мотив имеется — и у Шухова, и у Веденеевой. По части возможностей они тоже поначалу шли ноздря в ноздю. Она могла застрелить бывшего мужа перед тем, как вызвала полицию, он — незадолго до ее приезда, поскольку ночь провел вне дома. Где именно — пока вопрос. В субботу вечером Шухов вдруг сорвался из дома, сказав жене, что уезжает по делу и вернется не позднее вечера воскресенья. Объяснить, по какому именно делу, обещал по возвращении. Но вернуться к жене ему не дали сотрудники полиции, прихватили в подъезде. На вопрос, где он был, Шухов ответил крайне неохотно и неубедительно. В пятницу ему в офис якобы позвонил некий аноним, сказавший, что в «Мастерке» завелась «крыса», сливающая конкуренту инфу. Убедиться, что аноним не врет, а заодно узнать личность «иуды», Михаил Вадимович сможет, если понаблюдает в выходные за дачей конкурента из недостроенного дома, стоящего прямо напротив дачи. И Шухов, промаявшись больше суток в сомнениях, в конце концов, все же поехал караулить «крысу».

Подтвердить его слова, по понятным причинам, было некому, тайных врагов выслеживают тайно. А даже если бы свидетель и нашелся... От дачи конкурента до дачи Лидина ночью на машине можно добраться минут за сорок, если не за полчаса. Так что возможности у Шухова и у Веденеевой имелись. И его, и ее Лидин впустил бы в дом среди ночи. И к нему, и к ней не побоялся бы вернуться спиной. Но главное — пистолет. Вальтер ППК калибра 7.65 Лидин и Шухов нашли в конце восьмидесятых. Играли в выселенном под снос частном доме, проломил — то ли случайно, то ли нарочно — подгнившую половицу и наткнулись на жестянку с пистолетом, утопленном в смазке. Там же, под половицей, обнаружили две коробки с патронами. О том, чтобы сдать находку в милицию, у мальчишек, ясное дело, не возникло и мысли. Перепрятали, паршивцы, на чердак лидинского дома: выковыряли из заложенной за ненадобностью печной трубы несколько кирпичей и устроили себе сейф. Пользовались с оглядкой и редко — только когда появлялась возможность выбраться в лес или другое глухое место, где некому застукать подростков за опасным развлечением. Потом остепенились, но пистолет не сдали и не забыли о нем. Во всяком случае, Веденеевой о своей находке рассказали. Правда, где именно хранился пистолет, она, по ее словам, не знала, но слова — не доказательство, цена им невелика.

И не снял бы никто с Веденеевой подозрения, если бы «сейф», который показал оперативнику и понятым припертый к стене Шухов, оказался пустым. Но вальтер лежал на месте, и из него, судя по запаху, недавно стреляли. У Веденеевой, находившейся с полшестого утра под присмотром полиции, возможности вернуть пистолет в тайник не было. А у Шухова, болтавшегося неизвестно где, была. И основания для задержания Шухова у полиции имелись — не придерешься. Хотя бы за хранение оружия. Теперь дело за медиками и баллистами. Если Лидин был убит именно из этого пистолета, Шухову не отвертеться. При условии, что его жена не ведет свою игру. Допустим, сама она не могла подбросить пистолет на место, но если у нее есть сообщник... Тогда копать Хватову — не перекопать.

Ладно, для начала нужно взглянуть на эту дважды жену. Выписать ей повестку на завтра, когда будут готовы заключения экспертов, и хорошенько надавить. Может, и копать не придется.

Ди не представляла себе, что душевная боль может быть настолько осязаемой. Пелену милосердного бесчувствия, отгородившую сознание от тела и внешнего мира, когда она увидела лежащего на полу кухни Олега, сорвало, как шквалом, от вести, что Мишу арестовали по подозрению в убийстве. Прошло больше полутора суток, и все это время Ди не покидало ощущение, будто у нее в груди поселился садист, который методично обдирает нутро наждаком. Попытки спрятаться от муки за упрямым неверием («Миша? Убийца? Что за чушь?!») — раз за разом проваливались, натываясь на безжалостный довод: а кто еще мог воспользоваться пистолетом, о котором знали только трое? И если раньше у Ди была надежда на злосчастное случайное совпадение, то теперь она разлетелась вдребезги.

— Вы уверены? — выдавила она через силу. — Ваши эксперты не могли ошибиться?

Следователь только неприятно усмехнулся. Он вообще был неприятным, этот Василий Кириллович. Глаза-буравчики, рыжие усы, упорно наводящие на мысль о тараканах, гадкие вопросы с подтекстом. И, что ужаснее всего, Ди сама виновата. О чем она думала, когда откровенничала с тем парнем? В том-то и дело, что ни о чем. Не в состоянии была думать. А расплачиваться за ее бездумие Мише, который не виноват вовсе. Не мог Миша... вообще не мог убить, а уж Олега... чушь! Но как быть с пистолетом?.. Мамочки, как же ей плохо! А следователь выстреливает вопрос за вопросом, и каждый жалит, как шершень...

Когда она в последний раз общалась с Олегом? О чем они говорили? Он жаловался на что-нибудь? На плохое самочувствие, подозрительные происшествия, людей, которые ему досаждают? Вообще никогда не жаловался? Тогда, может быть, жаловалась она? Скажем, на нехватку денег, деловую несостоятельность нового мужа, мрачные финансовые перспективы? Когда и в какой форме Олег сообщил ей о завещании? Ей не показался странным его поступок?

Здоровый, далеко не старый мужчина вполне мирной профессии вдруг озадачивается вопросом, кому оставить имущество после своей смерти, и оставляет его бывшей жене и другу, к которому она ушла. Он дал какое-нибудь объяснение? И оно ее удовлетворило? Ничего не насторожило ее, не встревожило? Она не пыталась расспросить бывшего мужа подробнее?

Ди сдерживалась из последних сил, и только мысль о том, что следовательно нарочно выводит ее из себя, давала ей силы не сорваться. Но, наверное, она все-таки сорвалась бы, если бы ее мучителю не позвонили. Взглянув на мобильник, этот гад досадливо поморщился, поколебался, принимать ли звонок, но потом все же попросил Ди выйти в коридор и подождать. Она вскочила, забыв про лежащую на коленях сумочку, кое-как впихнула обратно выпавшие оттуда мелочи и вылетела за дверь.

Спасительная передышка помогла ей взять себя в руки. Что бы он понимал, этот Хватов! Мыслит в примитивных категориях обывателя, а Олег был идеалистом. Материальный мир и люди с их отношениями интересовали его только с точки зрения идей. Смысл, свобода, ответственность, совесть, справедливость, разные уровни бытия и связи между ними занимали его куда больше житейской «суеты сует». К смерти он относился не как к страшному концу, мысли о котором надо гнать от себя до последнего, а как к шагу в неведомое. Если Ди и удивило сообщение Олега о завещании, то не потому, что он вдруг задумался о смерти, о которой размышлял часто, а потому, что имущественные вопросы прежде его не волновали. И его объяснение: «Не хочу радовать своей смертью папашину родню, которая ни разу не проявилась с тех пор, как папенька бросил жену с годовалым младенцем. Это не отвечает моему представлению о справедливости мироустройства» — не показалось ей неубедительным. Другое дело, что решение Олега назначить наследниками ее и Мишу не отвечает общепринятым представлениям о справедливости, включая представления самой Ди. Но Олег только отмахнулся от ее попытки протеста, как отмахнулся в свое время от их с Мишей попытки выпросить прощение.

— Стоп! — Оборвал он их на первой же фразе, когда они явились к нему на дачу с видом нашкодивших щенков. — Избавьте меня от патетики. Мишка говорил мне, что я веду себя, как последняя скотина, Ди. Я подумал и понял, что не должен был жениться, но не знал, как об этом сказать, чтобы тебя не обидеть. Вы исправили мою ошибку, и все на этом. Все поют и танцуют, конец индийского кино. А теперь валите отсюда, пока у меня рабочий настрой весь не вышел!

Ди не сомневалась в его искренности. Олег вообще никогда перед ней не притворялся, даже из добрых побуждений. Но как растолковать это предубежденному следователю?

Растолковывать ничего не пришлось. Позвав ее в кабинет, Хватов переключился на вопросы о пистолете и месте его хранения, на которые она не могла ответить, потом на вопросы о Мишиных конкурентах и недоброжелателях,

о которых она знала мало, а потом вдруг вцепился клещом, выпрашивая о каких-то Узуневе и Самариной, о которых Ди вообще никогда не слышала. Но следовательно всем своим видом демонстрировал неприязненное недоверие и довел Ди до такого состояния, что, получив разрешение идти, она взвилась, как подброшенная, снова уронила сумку и усеяла содержимым пол по всему кабинету.

Предчувствия Хватова не обманули: завистник Сеня сглазил-таки его удачу. А как славно все складывалось! Веденева нажиму поддавалась, уже и слезы были на подходе, наверняка удалось бы дожать до потери контроля, если бы не звонок опера, который разбирался с информацией на компьютере Лидина. Ничего сенсационного Петров не нарыл: в социальных сетях покойный не развлекался, личных писем по мылу не писал, электронный дневник не вел. Но один факт Хватова заинтересовал: судя по деловой переписке и датам рабочих файлов, последние восемь месяцев Лидин занимался только сценариями для популярного мелодраматического сериала «Хозяйка гостиницы».

— А как же сценарий века, ради которого он удрал от женушки? Эпическая семейная сага с мистическим уклоном? Веденева утверждает, будто бы Лидин работал над ней, не вылезая из-за компьютера ни днем, ни ночью.

— Есть там папка «Щербатовы» с материалами, подходящими под ваше описание, но последний файл в ней — от тридцатого августа.

— Выходит, Лидин бросил работу над своим гениальным детищем всего через два месяца после развода? И ради чего, спрашивается, было дрова ломать?

Тут на мобильник пришел сигнал, известивший Хватова о звонке от Соломенко, которому было поручено узнать о состоянии банковских счетов Лидина.

— Привет, Василий Кирилыч! У меня для тебя плохая новость. Гуцин резал сегодня два трупа из Климовска и передал Сан Палычу пули, которые из них извлек. Так вот, похоже, они из нашего вальтера.

Климовск — городок в часе езды от областного центра — присылал свои криминальные трупы сюда, потому что собственной криминалистической лаборатории у них не было. А Сан Палыч Леонтьев был тем самым баллистом, который делал заключение по пуле, убившей Лидина.

— Дьявол! — расстроился Хватов. — Теперь придется устанавливать связь Шухова с климовскими трупами. Выходит, застрелив Лидина, он покати туда? Или наоборот? Что говорит Гуцин про время их смерти? И кто они, вообще, такие?

Серега мог назвать только фамилии климовских покойников — Узунев и Самарина. Время смерти, по оценке Гуцина, — примерно полдень воскресенья. Лидина застрелили восьмью часами раньше.

Еще Соломенко сообщил, что на счету Лидина лежит немногим больше двух миллионов рублей, и что за три недели до смерти он снял ровно полмиллиона. Наличными, которые заказал в банке заранее.

Хватов поручил Сереге связаться со следователем в Климовске, выяснить подробности убийства Узунова и Самариной, узнать, все что можно, о жертвах, а потом пробежаться по знакомым Шухова, порасспрашивать их на предмет его связей с покойниками, а заодно поинтересоваться, не выплатил ли он недавно срочный долг размером в «пол-лимона».

Новости выбили Хватова из колеи, и дожать Веденееву у него не получилось. Что окончательно испортило ему настроение.

Ноги донесли Ди до парка, а дальше объявили забастовку. Упав на ближайшую скамейку, она расплакалась, полезла в сумку за платком и обнаружила, что диктофон, который она всегда носила с собой на случай, если вдруг услышит любопытный разговор или в голову придет удачная мысль для сценария, включен на запись. Механически, почти не думая, что делает, она переключила его на воспроизведение последнего записанного файла. И услышала голос следователя.

В первый момент Ди даже не поняла, что произошло. Потом сообразила: уронив сумку в первый раз, она не заметила отлетевший под стол диктофон, который включился от падения, и подобрала его только после второго падения сумки. Вот ведь рояль в кустах! Задумай Ди такой фокус нарочно, у нее наверняка ничего не вышло бы.

Точного содержания телефонных разговоров следователя по его репликам было не восстановить, но главное Ди уловила. Застрелив Олега, убийца поехал в соседний Климовск и прикончил еще двух человек — тех самых Узунова и Самарину, о которых пытал ее Хватов. Последний убежден, что убийца — Миша, и теперь направит все силы на поиски связи между ним и новыми жертвами. Связи, которой нет и никогда не было, в этом Ди абсолютно уверена. Доказывать Мишину невиновность никто не собирается, а значит, этим должна заняться она сама. Именно должна, это, можно сказать, дело чести. Ведь Мишу арестовали по милости Ди...

Прошлой ночью она уснула, только приняв снотворное, а этой не спала вообще. Чтобы доказать Мишину невиновность, нужно хотя бы приблизительно представлять себе, что могло произойти, а у Ди ничего не складывалось.

О том, где лежит пистолет, знали только Олег и Миша. Свой секрет они берегли. Миша, помнится, был очень недоволен, когда Олег рассказал Ди историю их мальчишеской находки.

«Ты еще объявление повесь — с указанием точного местонахождения. Чтобы нам светила статья не только за хранение, но и за применение. Говорил я тебе, что нужно его сдать...»

«Ага, чтобы нам выпили всю кровь, отняли пару недель жизни на заполнение бумажек, а то и посадили. Брось, Мишка! Ди не станет болтать, да она и не знает, где мы храним игрушку. А случайно вальтер никто не найдет, мы качественно его спрятали».

Если Миша пистолет не брал (а он точно не брал), получается, взял Олег. Скажем, для защиты. Кто-то ему угрожал, или он узнал что-нибудь этакое... опасное, решил подстраховаться и забрал пистолет из тайника. А убийца каким-то образом завладел его оружием. Допустим. Но как убийца попал среди ночи в дом? Не Олег же его впустил! Перелез через забор и открыл дверь отмычкой? И Олег, который в это время был внизу, на кухне, ничего не услышал? А пистолет, выходит, лежал на виду? Чушь какая-то...

Или, допустим, убийца залез в дом, когда Олега не было. Залез, обшарил все, нашел пистолет. Что мешало ему дождаться Олега? Зачем возвращаться ночью, снова возиться с отмычками, лишний раз рисковать?

Но, предположим, причина была. Тогда остается главный вопрос. Зачем убийце, оставившему за собой три трупа — один в Красильниково и два в Климовске, — везти пистолет в областной центр и возвращать его в тайник, устроенный когда-то Олегом и Мишей? Откуда он вообще знал про этот тайник?

По всему выходит, что Олег кому-то о нем рассказал. Именно Олег, не Миша. Миша, узнав о смерти друга, не стал бы покрывать убийцу, сказал бы полицейским, кому проговорился про тайник и пистолет...

Но на Олега это не похоже. Он был одиночкой, социализированным вариантом гессевского Галлера. Кроме рано умершей матери, Миши и Ди близких людей у него не было. А с неблизкими Олег не откровенничал. Нет, бирюком его никто не назвал бы, он мог обаять любого собеседника и поддержать любой разговор, только не позволял разговору касаться тем, которые не хотел обсуждать. А нелегальный пистолет — не самая подходящая тема для обсуждения со случайными знакомыми. И даже не случайными.

Остается единственная возможность. Олег за этот год с кем-то сблизился. И этот кто-то оказался убийцей или сообщником убийцы. Нужно ехать в Красильниково и расспрашивать соседей. Возможно, они вспомнят что-нибудь, о чем не рассказали полиции в воскресенье.

В поселке Ди долго не везло: большинство дач по будням пустовали, хозяйева все больше приезжали на выходные, а те, кто уже заселился на лето, с Олегом только здоровались при встрече и насчет его гостей ничего сказать не могли. Только в одиннадцатом по счету доме соседи оказались более осведомленными.

Игорь Ильич и Любовь Андреевна, супруги-пенсионеры, переехали на дачу в конце апреля. Через пару дней после приезда Игорь Ильич выносил мусор и встретил около контейнера Олега. Они немного поболтали на обратном пути — о здоровье, погоде, дачно-огородных делах, а у калитки их перехватила Любовь Андреевна и затащила отнекивающегося соседа на чай.

— У Любаши аж сердце прихватило, когда нам сказали... Она — большая поклонница Олега, — вздохнул старик. — Журнал выписывает с анонсами телепрограмм, все фильмы по его сценариям обводит красным, чтобы не пропустить...

В тот вечер Олег был, как всегда, мил и любезен, рассказывал о своих задумках про героев сериалов, которые смотрела Любаша, расспрашивал хозяев о детях и внуках. Но ответы, похоже, слушал не слишком внимательно.

— Про Марьяну два раза спросил, какой она класс заканчивает, зятя Павлом назвал, а он Петр... Любаша поняла, что человеку не до нас, перестала доносить его разговорами. А Олег помолчал, да вдруг сам разговор завел. Про милосердие и справедливость. Спрашивал, как мы считаем: противоположности это или две стороны одной медали. Милосердно ли милосердие без справедливости, есть ли абсолютная справедливость, или она у каждого своя. Долго мы тогда проговорили, чуть не до полуночи засиделись. А больше, считай, и не общались. Так, перекинулись пару раз словечком при встрече. Он каждый вечер гулять ходил мимо нашего дома. Нет, всегда один. Гостей у него мы ни разу не видели.

Ди вышла за калитку и подумала, что больше разговоров сегодня не выдержит. Постояла, посмотрела на оставшиеся до конца улицы дома, потом на тропинку в сторону станции... И обомлела. По тропинке ей навстречу двигалась женщина с испытанным лицом, сальными, наполовину седыми патлами. Но поразила Ди не ее внешность, а яркая «олимпийка» неповторимой сине-желто-красной расцветки. «Цвета румынского флага, — прозвучал у нее в голове насмешливый голос Олега. — Носить стесняюсь, а выкинуть не поднимается рука, мне этот костюм еще мама подарила». Ди кинулась женщине наперерез.

— Простите, откуда у вас эта куртка?

— А тебе чего? — агрессивно просипела та.

Но, увидев сотенную бумажку, смягчилась и объяснила, что костюм, а также спальник и еще пару годных шмоток оставил после себя чудик, который жил до них в старой красильне. Нет, чудика они не видали, только шмотки. Нет, на той неделе они ночевали в городе, в подвале с отоплением. А приехали позавчера, как потеплело.

Ди добралась до дома полумертвая от усталости и расстройства. Найти бродягу, бросившего «олимпийку», нереально, это ясно. Судя по тому, что он исчез, бросив «годные шмотки», смерть Олега на его совести. Хотя, может быть, он только свидетель и сбежал, испугавшись убийцы, который его видел. Так или иначе, без бродяги невиновность Миши ей не доказать. Она, конечно, сообщит о куртке в полицию, но полиция исполняет поручения следователя, а следователь уверен, что убийцу они уже поймали. Что же делать?

«Подскажи мне, — мысленно обратилась Ди к призрачной даме, приходящей к ней в снах. — Ты знала, что Олегу грозит беда, и, наверное, можешь узнать, кто его убил. Помоги мне, прошу тебя!»

Чем дальше, тем отчетливее Хватов понимал, что дело против Шухова не складывается. Доказательная база зияла дырами, и заткнуть их никак не получалось. Следов крови, пороха, ружейной смазки на одежде или в машине

Шухова эксперты не нашли, образцы почвы, выковыренные из подошв его ботинок и протекторов шин его «Гранты», оснований для заключения, что Шухов побывал на даче Лидина, не давали. Конечно, он мог добраться туда другим транспортом, предусмотрительно надеть запасную одежду и обувь, которая теперь валяется где-нибудь на мусорной свалке, но дыр это соображение не заделывало.

Никаких свидетельств того, что Шухов наделал долгов и сидел в глубокой финансовой яме, Соломенко не обнаружил. Да, дела у «Мастерка» в последнее время не блестящи, конкурент увел у них два муниципальных заказа и нескольких клиентов рангом пониже, но Шухов никогда не жил на широкую ногу, и его накоплений пока хватало, чтобы удерживать фирму на плаву. Деньги, снятые Лидиным с банковского счета, погоды в этом смысле не делали. Да и не всплыли они нигде, эти проклятые «пол-лимона».

Сам Шухов выглядел подавленным и потеряннным, но при этом твердо стоял на своем: сутки с вечера субботы по вечер воскресенья он провел в недостроенном доме напротив дачи конкурента, вальтер из тайника не брал, не видел его много лет и никому, включая жену, про тайник не рассказывал.

Но хуже всего, что оперативникам не удалось связать Шухова с климовскими покойниками. Если все остальное еще не исключало его виновности в убийстве Олега Лидина, то отсутствие связи между Шуховым и Узуновым с Самариной превращало обвинение в нелепицу. Даже больной на всю голову маньяк, застрелив друга, не помчится в соседний город убивать совершенно незнакомых людей. Шансы же, что они знакомы, судя по всему, близки к нулю.

Узунов, азейрбаджанец по отцу и русский по матери, родился в Баку, в Климовск переехал десять лет назад. Приобрел овощной ларек, торговал фруктами-овощами, которые привозили ему из Азейрбаджана родственники отца, а жил поначалу у родственников матери. Потом сошелся с Самариной, которая жила в Климовске с рождения и торговала на том же климовском рынке, выкупил долю квартиры у ее бывшего мужа-алкоголика, там и поселился. Бывший муж купил себе в деревне с двумя старухами халупу, вместе с которой сгорел по пьяному делу минувшей зимой. Можно представить себе (хотя и с трудом), что у него нашелся кореш или родич, посчитавший Узунова и Самарину виноватыми и решивший отомстить. При богатом воображении можно допустить, что торговля фруктами служила Узунову прикрытием для криминального бизнеса, или что Самарина делала авансы кому-то из горячих соотечественников сожителя, или даже что конкурентная борьба во фруктово-овощной коммерции Климовска приняла уродливую кровавую форму. Но как ни напрягал Хватов воображение, ему не удавалось придумать, где могли пересечься дорожки владельца строительной фирмы в областном центре с рыночными торговцами в Климовске, в котором у Шухова, по словам его знакомых, не было никаких дел.

«Пойду проветрюсь, — решил Хватов, — на ходу легче думается». Но не успел он встать, как на столе зазвонил телефон.

— Василий Кириллович? Это Родимцев, следователь из Климовска. Мы нашли свидетельницу, которая видела в воскресенье человека, выходящего из подворотни дома, где проживали Самарина и Узунов. Время подходящее, примерно половина первого. Невысокий, русый, возраст около сорока пяти, шел быстро, заметив свидетельницу, отвернул голову. Но она успела заметить, что он похож на бывшего мужа Самариной, Виталия. Очень похож. Она бы поклялась, что это Виталий и есть, если бы тот прохожий не выглядел таким франтом. Костюм, туфли, портфель — все новое, свежая стрижка, лицо выбрито. Самаринто все больше в рванье ходил, не брился неделями, стригся раз в год. А с портфелем его вообще никогда не видели, в лучшем случае — с авоськой.

— Думаете, зимой в деревне сгорел кто-то другой? Или все-таки родственник?

— Не знаю, — вздохнул Родимцев. — Будем проверять обе версии. Но в любом случае с вашим фигурантом этот тип не имеет ни малейшего сходства. Я показывал свидетельнице фото.

— Но как?.. — Хватов осекся, услышав трель мобильного. — Простите, мне звонят по другому телефону. Я перезвоню вам.

— Ты почто свидетелей запугиваешь, Василий Кирилыч? — жизнерадостно наехал на него Соломенко. — Скажи спасибо добрым дяденькам-операм, что запуганные бегут к ним, а не к канадской границе. — И добавил уже без шутовства: — Тут Веденева пришла. Интересные вещи рассказывает. Решай, ты к нам, или мы к тебе?

Ди не помнила, что ей снилось. Она проснулась сразу, без перехода: только что ее не было, и вот она уже есть — сна ни в одном глазу, в мыслях — кристальная ясность. Приходила к ней ночью дама, или сознание, отключившись от раздражителей, свело все данные воедино без посторонней помощи, так или иначе, Ди теперь знала правду. Знание было невероятным, страшным, но не могло быть неверным, потому что в сложившейся картине не осталось ни одного «белого пятна». Зброшенный сценарий семейной саги, ради которой Олег ушел в затвор, завещание, разговоры о милосердии и справедливости, снятые со счета и исчезнувшие полмиллиона, «румынская» олимпийка, брошенная в красильне, легкость, с которой убийца проник в дом, выстрел в затылок, вальтер, оказавшийся в тайнике, — все получило свое объяснение.

— Вы смотрели фильм Кишлевского «Три цвета. Белый»? — говорила она, смахивая промокшим платком слезы, за которые себя презирала, но которые не могла остановить. — Там герой пытается нанять для себя убийцу, потому что не хочет совершать самоубийства, а потом передумывает и устраивает инсценировку якобы своего убийства, чтобы посадить выгнавшую его жену. Олег не передумал, он просто объединил эти две идеи... Наверное, сначала он действительно был рад, что я ушла к Мише. Его всегда больше занимало то, что происходит у него в голове... Он еще шутил: «Настоящему писателю

нет дела до чужих творений, даже если творец — Бог». Но что-то у него разладилось... Он понял, что не может больше писать, и связал это с нашим... предательством. Не знаю, как он нашел того человека, почему ему доверился, ведь Олег не мог его проконтролировать после... смерти. Должно быть, просто положил большую часть денег в тайник, куда тот должен был вернуть пистолет после того, как убьет Олега. Но убийца решил сначала свести свои счета. Если бы не это...

И Ди разрыдалась.

Эпилог

Виталия Самарина задержали через две недели. Вину в убийстве бывшей жены и ее любовника он признал, но от других обвинений отрекся категорически. Пожар, в котором сгорел его дом, случился сам по себе, он спасся только чудом: вышел в сортир и отрубился по дороге. Очнулся от грохота, когда проломилась крыша, так что спасти кореша, с которым вместе пили, он никак не мог. А ушел, потому что был не в себе. Испугался до смерти, даже пить со страху бросил. А как бросил, пришла «белочка», в больнице лежал, с головой было плохо.

А что до психа, который его нанял, так он сам себя порешил. Виталий только позвонил, кому просили, резиновую перчатку снял с руки покойника да подобрал пистолет. А стрелялся псих сам, у Виталия и документ на этот счет имеется.

«Сим удостоверяется, что Самарин Виталий Викторович в моей смерти не виновен. Вознаграждение, размером в 500 (пятьсот) тысяч рублей, будет получено им после уничтожения улик, изобличающих меня в совершении самоубийства. Для введения следствия в заблуждение я намерен выстрелить себе в затылок, для чего заведу руку с пистолетом за голову и нажму на спусковой крючок большим пальцем — дабы максимально увеличить дальность расстояния выстрела. Означенные действия я предпринимаю с целью восстановления мировой справедливости.

P.S. Если сей документ попадет в руки правоохранительных органов, это будет означать, что Создатель мои взгляды на мировую справедливость не разделяет.

P.P.S. Ди, не плачь. Видишь, все закончилось хорошо. □

О. Лидин»

В 6-м номере 2020 года на 62-й полосе в рассказе «Ромашки» ошибочно указана фамилия автора Пегов. Надо читать Пеганов. Приносим автору свои извинения.

Дмитрий Зелов

ПОРХОВ

город белого камня

Да-да, именно так переводится название старинного града Порхова, что на Псковщине.

Сложенные из белого известнякового камня стены древней крепости, как и много веков назад, отражаются в своенравных водах Шелони, тихо и величаво несущей свои прозрачные воды по реке Времени.

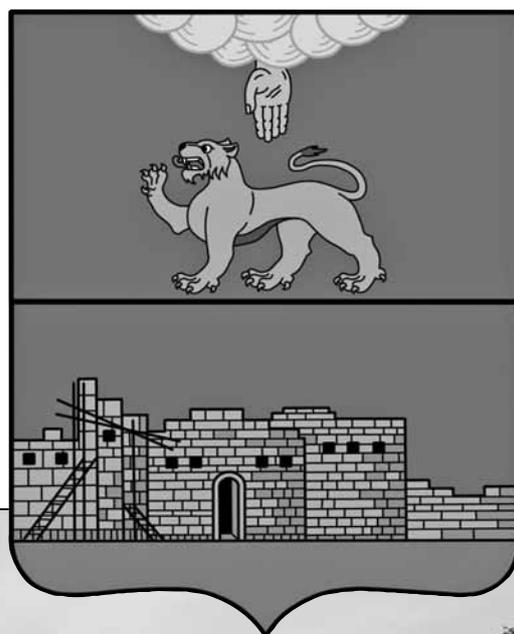

Порхов был основан в 1239 году новгородским князем-наместником Александром Ярославичем. Тем самым, который через год получит прозвище Невский. Правда, та крепость была древо-земляной и стала одним из русских военных блокпостов, который организовал для за-

щиты от неприятеля юный князь по реки Шелони. А вот в камень Порховский кремль оделся спустя полтора века. В 1387 году на правом берегу Шелони, примерно в километре от обветавшей старой, была выстроена новая крепость под началом знатных новгородцев Фатиа-

на Есифовича и Ивана Федоровича. Кстати, последний приходился родным братом новгородскому посаднику Исааку Борецкому, вдова которого Марфа стала символом независимости Господина Великого Новгорода перед падением вечевой республики в последней четверти XV столетия.

По прошествии четырех десятков лет со времени возведения каменного

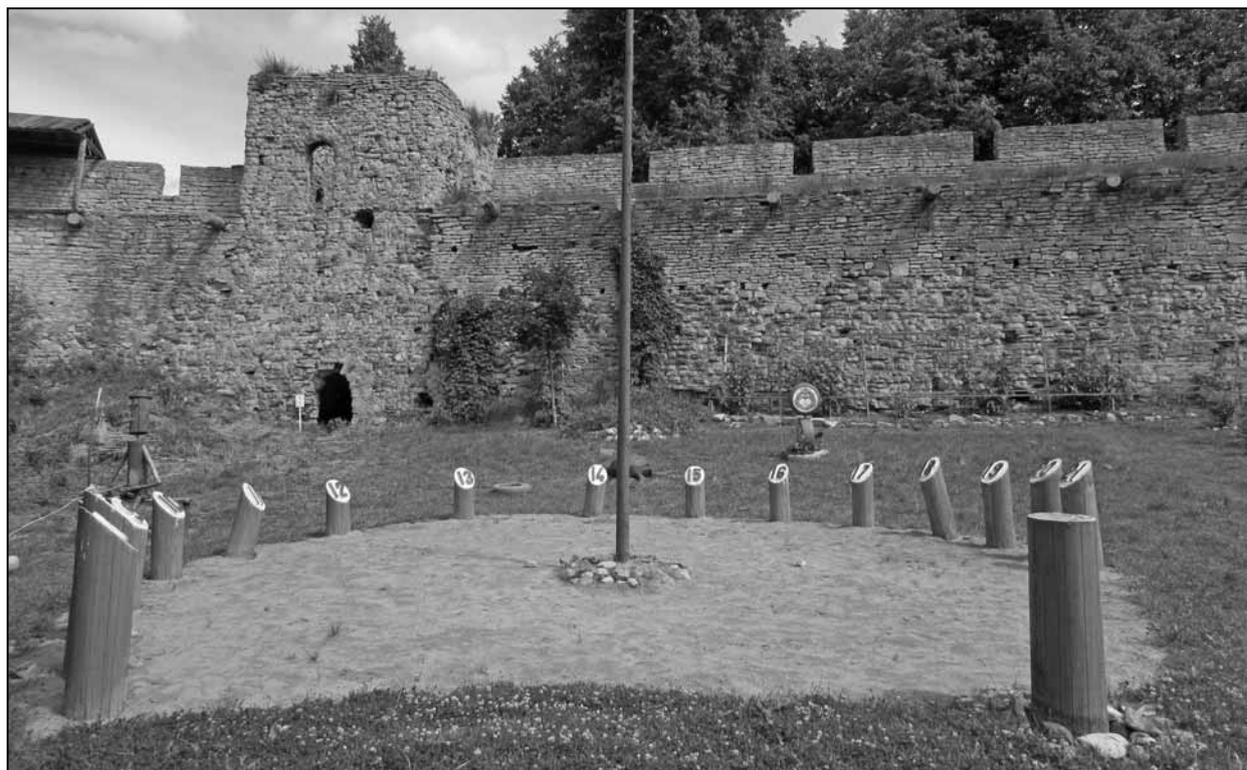
порховского кремля, его массивные стены толщиной порядка полутора-двух метров и вышиною до семи, и башни, имевшие от четырех до шести боевых ярусов, выдержали экзамен на прочность. Осадивший в середине лета 1428 года Порхов литовский князь Витовт так и не смог взять город приступом, несмотря на активное

использование им против русских защитников артиллерии. Среди разнообразных огнестрельных орудий, которые приволок-таки через непролазные гати Черного леса к порховским стенам престарелый литовский князь, была огромная бомбарда «Галка», детище немецкого мастера Николая. Летописец упомянул в сво-

ей хронике, что чудо-пушку «Галку» «везяху на сороце конех до полудне, а другую половину дни на иных сороцех же конех». Она произвела всего лишь один-единственный выстрел. Зато какой! Его разрушительной мощи хватило, чтобы выпущенное из «Галки» ядро обрушило одну из башен порховского кремля, пробило насквозь расположенную в порхов-

всех, кто находился поблизости.

Пораженные последствиями выстрела, защитники Порхова предпочли откупиться от Витовта. Да и у него уже не было ни материальных, ни моральных ресурсов для завершения осады — слишком уж большой урон нанес выстрел «Галки» по его же лагерю, внося в стан осаждавших сумбур и смятение. В итоге, удовлет-

ском кремле церковь св. Николая, разломало зубцы стен на противоположной стороне крепости и закончило свой полет уже в неприятельском лагере, убив несколько десятков осаждавших Порхов, включая полоцкого воеводу. Погиб и сам создатель «Галки» — его адская машина разорвалась на части, уничтожив

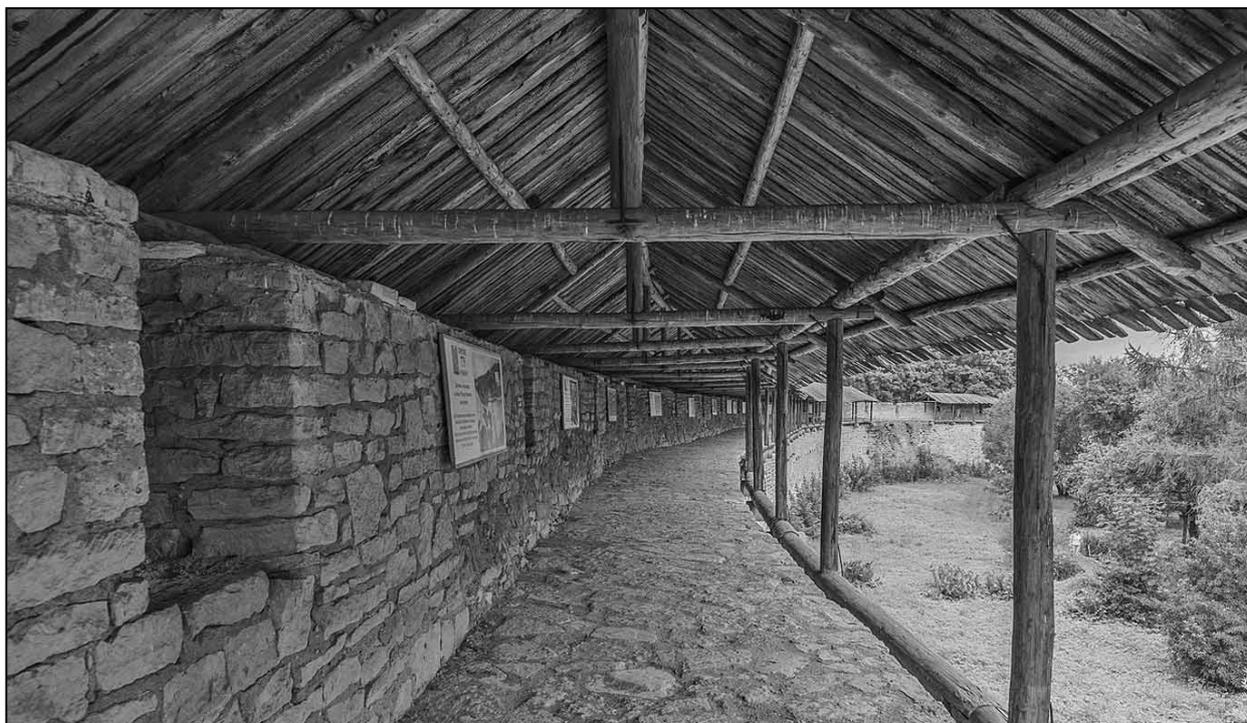
ворившись колоссальной данью в 13 тысяч рублей серебром, которую экстренно собрали со всей новгородской земли (по 10 рублей с человека!), литовцы убралась восвояси.

Спустя пару лет в крепости были произведены значительные фортификационные работы для восстановления прежней боеспособности пор-

ховского кремля. Наученные горьким опытом литовской осады, едва не закончившейся взятием Порхова, его защитники нарастили толщину порховских стен практически вдвое, до четырех с половиной метров. А заодно приспособили крепостную стену для пушечного боя, растесав узкие наружные прорезы бойниц до 40–50 сантиметров. Так порховская твердыня стала первой из северных рус-

ти главных крепостей российской державы.

В тяжелые годы Смутного времени крепость не раз переходила из рук в руки: в городе устанавливалась то власть шведских ставленников, то царя Василия Шуйского, а то и польских гусар под началом ротмистра Яна Кренозицкого, выступавших на стороне «тушинского вора» Лжедмитрия II. Однако по

ских крепостей, предназначенных для установки на ее стены пушек, в основном затинных пицалей.

С присоединением новгородских земель к Москве в 1478 году, порховский кремль продолжал оставаться важным форпостом на северо-западных рубежах Руси, войдя в ожерелье счастливой дюжины двенадца-

Столбовскому миру 1618 года, положившему конец затяжной русско-шведской войне 1610–1617 годов, Порхов в итоге остался все-таки за Россией.

В восемнадцатом веке стратегическое значение порховской крепости стало неуклонно падать. Зато ее символическое изображение

попало на герб города, учрежденный в 1781 году указом матушки Екатерины Великой: «В голубом поле древний, много претерпевший от осад замок, начинающий возобновляться, как по истории значится». В верхней же части порховского герба было изображение герба Пскова — знак того, что Порхов входит в состав Псковской губернии, учрежденной российской

и башням крепости можно совершить увлекательную прогулку.

...Современный Порхов — небольшой городок Псковской области. Здесь не бывает толп туристов, и оттого тихо и уютно. В этом уединении свое очарование, своя неповторимая прелесть. Бег времени скоротечен: шагая по древним камням порховской твердыни, столько видевшим и помнящим, прикосаясь

императрицей за пять лет до этого, в 1776 году.

Несмотря на кульбиты и зизгази истории, до наших дней со времен средневековья порховский кремль с четырьмя мощными башнями сохранился практически полностью. Сейчас на его территории действует краеведческий музей, а по стенам

к векам русской истории, гуляя и медитируя на тропинках разбитого на территории крепости ботанического сада с лекарственными растениями, начинаешь лучше ощущать не только сиюминутность нашего бытия, но и свою сопричастность к судьбам Отечества, к истории своего народа и своей Родины. □

Лариса Лужина

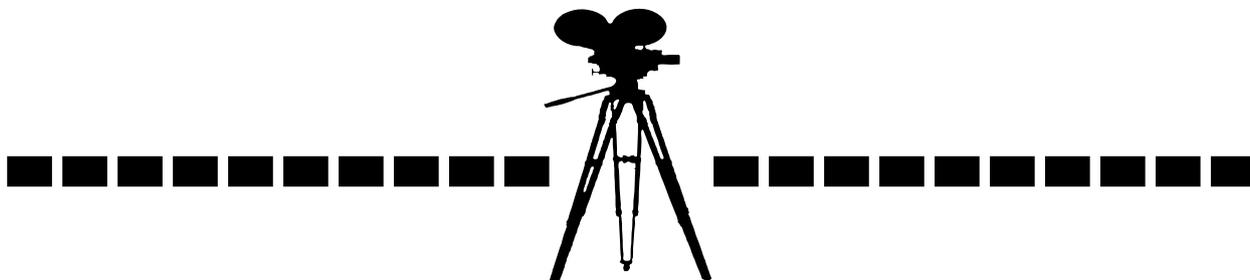
Лариса Лужина родилась 4 марта 1939 года в Ленинграде, на ее детство выпали страшные блокадные годы Великой Отечественной войны. Девочка чудом осталась жива, а после окончания войны переехала с мамой в Таллинн. Огромные глаза, точеная фигура — до карьеры актрисы она работала манекенщицей, а в 1959 году поступила на актерский факультет ВГИКа. Первый успех к ней пришел еще во время учебы, после съемок в картине «На семи ветрах» Станислава Ростоцкого. Впоследствии Лариса Лужина создала галерею романтических образов (главные роли в «Тишине» Владимира Басова, «Вертикали» Станислава Говорухина и других

«Самые трудные годы для меня — это блокадные...»

фильмах). Она стала одной из знаковых фигур советского кинематографа, ей посвящали песни Владимир Высоцкий и Булат Окуджава.

Актриса выходила замуж четыре раза, но, по признанию, до сих пор не знает, испытывала ли настоящую любовь...

— Лариса Анатольевна, говорят, в детстве гадалка предсказала вам успех в будущем, которого вы действительно добились. В чем, на ваш взгляд, заключаются слагаемые успешной творческой судьбы?

— По-моему, историю с гадалкой придумала мама. Никто и не предполагал, что я стану актрисой, тем более что мама — из простой семьи, а папа был моряком. Хотя я с детства об этом мечтала и еще в детском саду пела, читала стихи на праздниках. Помню, в 44-м году мы были в эвакуации — в конце блокады Ленинграда нас эвакуировали с мамой в Ленинск-Кузнецк, — и тогда за прочтение стихотворения «Исповедь танкиста» Александра Твардовского я получила первую свою награду — котлету! Для блокадного ребенка это был огромный подарок. К тому же именно этот случай в 4-хлетнем возрасте заложил во мне желание выходить на сцену, читать стихи, петь. Последнее, правда, не очень

получалось, потому что у меня не такой хороший слух, как хотелось бы. Я, можно сказать, по природе своей немного фаталистка, что тебе предназначено от роду — так оно и будет. Но при этом у каждого человека есть свое представление о жизни, каждый о чем-то мечтает, поэтому надо поставить перед собой цель и стремиться достигнуть ее. А для этого нужно много трудиться, иметь силу воли, ну, и немного везения, конечно, не помешает...

— Вы четыре раза были замужем. Поделитесь опытом, что для вас главное в семейной жизни?

— Доверие друг к другу, терпение и умение уступать. Любовь со временем переходит в спокойное чувство, идет на убыль та страсть, которая возникает вначале. Но эту любовь надо уметь поддерживать с помощью терпения и доброты. Это самое главное в семейной жизни, с этими «ингредиентами» можно сохранить

семью. Если каждый считает себя самым главным в семейной жизни, то ничего не получится. Лидерства не должно быть.

— А если оба в паре — лидеры по натуре? Как быть в таком случае?

— Мне кажется, каждый человек, даже если по природе он лидер, должен уступать другому лидеру, который рядом с тобой. Тогда не будет никаких ссор, озлобления и размолвок, никакой злости и зависти. Потому что зачастую творческие семьи распадаются из-за того, что кому-то из супругов кажется, что он больше

работает, или у него больше славы, и тогда даже среди очень близких людей возникает зависть. А этого не должно быть, в семье необходимо сохранять доброту и чистоту отношений.

— В одном интервью вы сказали, что, несмотря на четыре замужества, вы ни разу не испытывали настоящей любви, «когда задыхаешься, когда мозги вылетают, когда ради любимого можно пойти на любые жертвы»...

— Мне всегда казалось, что любовь — это невозможность жить без человека, тебе настолько плохо без

«Вертикаль»

него, что тебя аж разрывает. Жизнь на разрыв аорты — вот такого чувства я не испытывала. Хотя у меня, кажется, все же было подобное, если вернуться к воспоминаниям первого замужества с Алексеем Чардыниным, который, увы, уже ушел из жизни. Сейчас я часто вспоминаю о нем, значит, что-то нас с ним связывало, наверное, это все-таки была любовь. Помню, как я его ревновала, какая была боль при нашем расставании. Но именно разлука нас и разъединила...

— Лариса Анатольевна, чего, на ваш взгляд, не хватает современному кинематографу?

— Ничего плохого о нынешнем кинематографе не могу сказать. Мне приходится бывать на кинофестивалях в составе жюри, и есть очень хо-

рошие фильмы, много талантливых режиссеров. Я не согласна с теми, кто кричит, что кинематограф умирает! Наоборот, он как раз растет! Единственное, что меня не устраивает — это современные фильмы на военную тему. Почему-то не волнуют, хотя я вижу, как там все крепко сделано, и хорошие артисты играют, но... Думаю, дело в том, что раньше фильмы снимали люди, которые сами прошли войну, такие, как Чухрай, Росточкин, Озеров. Они пропускали через свое сердце все, что потом воплощали в своих лентах. Недавно мне позвонили и сказали, что на одном из телевизионных каналов будет показан фильм «На семи ветрах», и я посмотрела его вновь. Казалось бы, наивный фильм, но он такой трогательный, что до сих пор вызывает слезы и щемящее чувство

«На семи ветрах»

доброты, которое от него исходит! Именно этого мне не хватает в современных работах о войне — духовности, души, теплоты. Хотя есть, конечно, и очень хорошие картины. Например, фильм «Солдतिक». Такой трогательный! Он сделан очень талантливым человеком — режиссером Викторией Фанасютиной. Фильм о войне, о маленьком мальчишке, который стал сыном полка. Он меня очень тронул, настолько все в нем потрясающе, чувствительно!

— Лариса Анатольевна, вы были близко знакомы с Була-

том Окуджавой, Владимиром Высоцким, вам посвящали они свои песни. Чем вам запомнились эти барды?

— Это были талантливые люди и настоящие поэты, и Володя, и Булат Шалвович, и Галич, и Визбор. Взять любого поэта того времени — они сочиняли, опять-таки пропуская все через собственное сердце и душу. Чем они жили, как чувствовали — все это вкладывали в свои песни и стихи. Посмотрите фильм «Белорусский вокзал», где Нина Ургант поет песню Окуджавы про «Десятый десантный батальон». Тебя сразу же как клещами хватает за душу! Та-

лант, который был у Окуджавы, проявляется и в других его песнях — «Виноградная косточка», «Ваше благородие, госпожа удача». Причем, написано все просто, и ты понимаешь, ради чего это написано. Так же было и у Володи Высоцкого — каза-

лось бы, нет ничего заумного и непонятного, абстрактного! Все настолько точно и доступно, что доходит до каждого человека. Наверное, потому их до сих пор любят, и они остаются бессмертными в своих песнях и в нашей памяти.

— Коллеги и зрители восхищаются вашей красотой и обаянием. А сами вы как бы сформулировали секрет женской привлекательности?

— Я вовсе не считаю себя красивой. Может быть, просто симпатичной. Как говорила Фаина Раневская: «Красота — это страшная сила, но, к сожалению, с каждым годом она становится все страшнее и страшнее». Поэтому я отношусь к этому так же, как Раневская.

— Вы как-то сказали, что, если бы не стали актрисой, то стали бы поварихой...

— Это я в шутку сказала, потому что люблю готовить! Обычно, когда

приходят гости, я готовлю суточные щи из квашеной капусты с черносливом и грибами. Еще люблю гречневую кашу с жареным луком плюс любые грибы, можно шампиньоны, заправленные сметаной.

— У вас трое внуков. Расскажите, пожалуйста, чем они занимаются?

— Старший внук находится в Москве на самоизоляции, он заканчивает МГУ, факультет глобальных процессов, у него сейчас экзамены, и он сидит дома, сдает их по Интернету. С остальными мы находимся на даче в изоляции вот уже второй месяц, внук-старшеклассник тоже дистанционно сдает работы. А третий внук

в третьем классе. Он занимается музыкой, мама, моя невестка, у него строгая, «не слезает» с детей. Хорошо, что мы на воздухе, по крайней мере, не в «четыре-х стенах» сидим. Все-таки на участке можно и цветы посадить, и другой физической работой заняться — у ребят тут есть баскетбол и настольный теннис, поэтому им здесь лучше, чем старшему внуку, который находится в Москве.

— Лариса Анатольевна, а лично вы как проводите свой досуг? Любите читать?

— Сейчас я в основном читаю детективы, за серьезную литературу в данный момент не беру. Есть та-

кой Михаил Март, который пишет ретро-детективы, и в них немало философских мыслей, можно даже кое-чему поучиться. Еще у моей невестки здесь, на даче, целое собрание сочинений Донцовой, я вдруг стала ее читать. Я не очень люблю иронический детектив, мне всегда казалось, что это нечто поверхностное. Но начала читать, и оказалось, что и в ее книгах можно много почерпнуть для своей жизни.

— Наша страна и весь мир сейчас переживают непростые времена. А для вас какое время в вашей жизни было самым тяжелым?

— Все-таки блокада, хотя я ее не очень хорошо помню, была тогда совсем маленьким ребенком. Но я думаю, что для моей мамы, поскольку мы с ней остались вдвоем, это было крайне тяжело. Моя старшая сестренка умерла от голода, папа умер от истощения, бабушку убило осколком во дворе. Поэтому для нас самые трудные годы — это блокадные. Сейчас мы находимся в приближенной ситуации. К примеру, когда мы приехали на дачу, выяснилось, что не хватает дров, а май выдался прохладный. И мы стали сжигать все, что здесь было — сгнил какой-то забор, мы его распилили, табуреточки тоже пошли в огонь. Я обратилась за помощью к Первому каналу, и мне привезли дрова, а то я как в блокаду себя ощущала, но это я говорю в шутку, на самом деле с продовольствием все нормально. А в блокаду был настоящий голод, это — страшное бедствие. Повторюсь, когда мне подарили котлету — для меня это был самый дорогой подарок, который запомнился на всю жизнь.

— В годы Великой Отечественной войны вы были маленьким ребенком, но, может быть, что-нибудь запомнилось из 41–45 годов?

— Запомнилось, когда мы ехали в теплушке, и нас везли обратно к Ленинграду, это был 45-й год, июнь месяц. Лето было, очень тепло. Двери теплушки раздвинулись, влетел молодой лейтенантик со словами: «Подъезжаем к Ленинграду! Прихо-

рашивайтесь!» И женщины, помню, когда он выскочил, и поезд тронулся, стали лихорадочно развязывать свои узелки, чтобы достать самое красивое, что у них еще сохранилось. Всем хотелось вернуться в родной город красивыми...

— Как вы обычно отмечаете День Победы?

— Праздник есть праздник. Раньше мы всегда были заняты — или был спектакль, или мы уезжали на фестиваль, много было выступлений в парках Москвы, где проходили встречи с ветеранами. Часто ездила в Волгоград, чтобы побывать на Мамаевом кургане. Но в этом году, как видите, все закрыто, никуда не поедешь, отмечать можно только дома. И потом, я уже третий год принимаю участие в Бессмертном полку. Как и все россияне, обязательно отмечаю этот великий день. Для меня это святой праздник, и он останется святым. Это всегда праздник со слезами на глазах.

— Что бы вы пожелали нашим читателям?

— Конечно, здоровья, чтобы было как можно больше хороших, светлых и теплых дней. Чтобы солнце светило в радость, чтобы дождь лил в радость. Чтобы не испытывали того горя, которые испытали мы, дети войны, и вообще вся страна в годы Великой Отечественной войны, чтобы это больше не возвращалось никогда... □

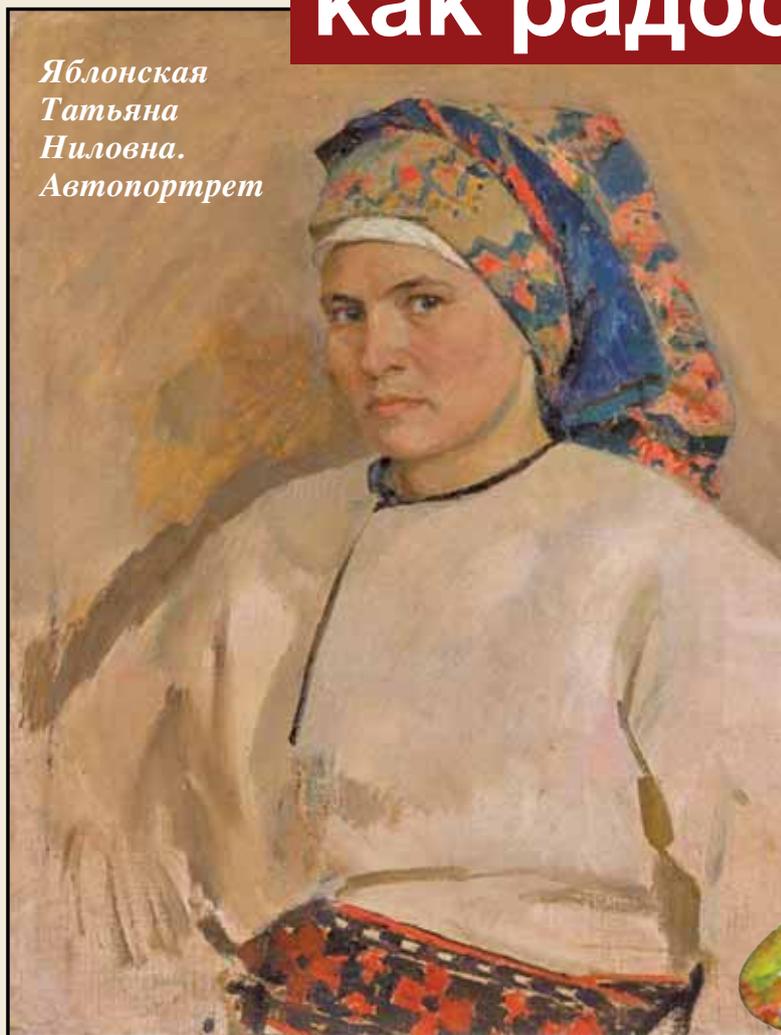
Беседовала *Дарья Парчинская*

ЖИВОПИСЬ

Виктор Ом

как радость бытия

Яблонская
Татьяна
Ниловна.
Автопортрет

«Природа или интерьер, любой объект, вдруг как бы покроется какой-то невидимой поэтической прозрачной пеленой, как бы запоет что-то внутри. Какое-то волшебное поэтическое состояние разольется... и обычный кусок двора озаряется изнутри каким-то божественным сиянием. Это, наверное, и называется вдохновением...»

Татьяна Яблонская

...Репродукция выпала из старой папки с надписью — «СССР — оплот Мира!» Потускневшая, с налетом охристой желтизны, фоторепродукция очень известной картины советской художницы Татьяны Яблонской «Утро»... А на ней стройная, пластичная, очень красивая девчужка, раскинув изящные ручонки, точно птица, делает утреннюю зарядку на фоне окна, залитого утренним светом. Эта известная, но почти забытая картина, взбудоражила память, как и бывает,

когда в сознание врывается вдруг «энергия припоминания полузабытого!» И в памяти вмиг обнажается глубинный пласт жизни — детство, отрочество, юность — словом, «заря жизни!» А для меня это — безмятежная радость и робкие, самые первые шаги к искусству — живописи, рисованию, краскам, упоительным потокам цветов и несказанным радугам спящего солнца!

Я оторопел на мгновение, забыл, что искал, захваченный нежданной встречей с промелькнувшим прошлым... таким невозвратно-далеким...

Удивительная история, связанная с этой жизнерадостной картиной, всплыла сама собой. Я знал ее давно...

На картине Татьяна Ниловна написала свою дочь Леночку, которой в то время было 13 лет.

И так случилось, что работа Яблонской сразу имела ошеломительный успех. Ее репродукцию напечатали в журнале «Огонек», в те времена выходящий миллионными тиражами. И картина «вихрем» разлетелась по всей территории Советского Союза...

А в столице Казахстана жил мальчик Арсен, которому очень понравилась репродукция из-за очаровательной фигурки девчушки, делающей утреннюю зарядку. Мальчуган мгновенно, по-детски еще, влюбился в изображение девочки, вырезав репродукцию из журнала, повесил ее на стене в своей комнате и именно тогда принял судьбоносное для себя решение — стать художником!

Прошли годы... Арсен не отступился от своей мечты — поступил в знаменитое Строгановское художественно-промышленное училище в Москве. Будучи студентом, познакомился с прелестной девушкой, тоже студенткой — Отроценко Еленой. Молодые люди чуть ли не с первого взгляда влюбились друг в друга. И вот в каникулы Арсен привез Лену в Алма-Ату, чтобы познакомить ее с родителями и родственниками.

Лена увидела в комнате Арсена все ту же пожелтевшую от времени репродукцию с картины ее мамы — Татьяны Ниловны Яблонской. Она никогда никому не говорила, что знаменитая художница Яблонская — ее мать, и что на картине «Утро» изображена она. Здесь все и открылось ошеломленному Арсену и его родне...

После окончания Строгановки Елена Отроценко стала женой Арсена и уехала жить в столицу Казахстана. Она занималась иллюстрацией книг, работала мультипликатором на киностудии «Казахфильм», а еще много времени отдавала работе над гобеленами. У них с мужем родился сын Зангар, который тоже стал художником.

Репродукция картины «Утро» Татьяны Яблонской на период того времени

«Утро», 1954 г.

из обыкновенной жанровой «картинки» превратилась в образ советского времени, даже в символ эпохи — самого гуманного общественного устройства в мире!

Неисчислимые репродукции этой картины мне доводилось видеть в самых неожиданных местах — в городах и поселках, в палатках геологов и вагончиках нефтяников, в школах и важных чиновных кабинетах...

Популярность этой картины была феерической! Остается только изу-

мляться и задавать один и тот же вопрос — почему? Ведь абсолютно ничего там не изображено необычного? До смешного все очень буднично ...

Столь популярны еще были только репродукции везде узнаваемых работ — «Утро в сосновом лесу» Ивана Ивановича Шишкина и «Золотая осень» Исаака Ильича Левитана. Их репродукции также висят повсюду на необъятной территории России, от простой чайной на Севере — до Дворца культуры в столице...

«Хлеб», 1949 г.

И хотя «творцы» отмахиваются и с ехидцей ухмыляются, что эта популярность идет от «темноты» и прочее, но молчаливому своему «Я» каждый сознается, что хотел бы «прихватить» хотя бы частицу этой всенародной известности. И рассуждений всяческих, с неизменным оттенком превосходства, мне приходилось слышать предостаточно, но на «шедевре» Яблонской это не отражалось... Он только множил своих поклонников, не обращая никакого внимания на злобные «бормотания в себя» никому не известных «гениев»...

А доводов было не счесть, и главный — что это абсолютно фотографическая ситуация, скопированная, не выходя из квартиры. Стало быть, прием у Яблонской прост, как банальное «что вижу — то и рисую!» Это же «отстойный соцреализм» — о чем тут говорить? И никакого обоб-

щения, ни мысли... Изображено лишь то, что попало на глаза... Как в анекдоте про певца-туркмена, который едет на ослике и поет о том, что видит... Вот и у хваленой Яблонской тот же принцип работы... Так что... не о чем и говорить... Просто — но это не искусство, а раболепское копирование, гимн натурализму! Есть все — но нет автора, его почерка и своего стиля!

Этим полемики о работе украинской художницы и заканчивались.

Но вопрос оставался — как же эта картина осталась навсегда в истории изобразительного искусства, впитав в себя свой, ни с чем не сравнимый аромат убежавшего времени?

Удивительно то, что и в других работах, которых художница оставила вероятно много, так же пульсирует, бурлит, бьется, словно горячее сердце, властительница всего сущего — сама жизнь!

«Хлеб» — картина Яблонской 1949 года — из собрания Государственной Третьяковской галереи. Широко известный холст художницы. Он просто залит жарким зноем солнечного дня и огненными рефлексамии упоительных красок пшеничных зерен, похожих на разливы золотых потоков...

Эти работы не требуется описывать — их нужно смотреть! Так ярко выхвачено все из каждодневности бытия, и так явственно написано, что кроме глаз их восприятие ничем не заменить... В картины Татьяны Ниловны Яблонской нужно вглядываться. Отсчитать положенные 5 минут, пока не делая ни каких выводов, а просто заинтересованно смотреть. Дать возможность потоку эмоций, красок, впечатлений и мыслей влиться в душу, проникнуть в сердце, и только после этого формулировать оценки, и ...всяческие соображения...

Лично для меня творчество художницы — это гимн радости бытия!

В каждом этюде, в каждом наброске, в картине и портрете чувствуется, как «плещется» дух художницы в упоительном изобилии красок, в непостижимой радости существования! И Яблонская отдается этой стихии творчества всей душой, силами своего сердца, которое поет у нее нескончаемую симфонию любви ко всему существу в этом чарующем мире!

Сама собой пришла простая мысль, что современное искусство растеряло этот непосредственный эмоциональный взгляд на мир и людей. Теперь «творения» художников так многосложны по замыслам, в них «бравивируется» главное

качество — концепция!.. И в потоках этих умозрительных, часто насильно «притянутых за уши» соображений нивелировалась главное — чувство!

«Чувство — вот главное» — сказал мудрый Гете. И нет оснований не доверять мастеру, всю жизнь отдавшему искусству. Чувства, эмоции различных оттенков — и есть стихия подлинного искусства. Думается, поэтому так живоительно вспыхнувшее чувство радости, восторженности от потока жизни в полузабытых работах советской художницы, и, просматривая красочные, очень живые картины жизни, совсем расхотелось «фасовать» их в какое-то течение или направление. Ну, никто не думает об этом, когда картина захватывает сознание, будоражит, дает импульс радости в душе! Музыка красок, словно аккорды музыкальной симфонии, вливается в душу, и творится то, что мы называем эстетическое наслаждение!..

Подобные импульсы мгновенно возникают у работ Яблонской, причем так же непосредственно, какой является и сама жизнь...

Как у всех больших художников, человеческая судьба Татьяны Ниловны складывалась непросто. Было много горестей, потерь, много трудов и разочарований, но все воссоединяло в ее душе Великое Святое Искусство! Оно удерживало страсти, воспитывало и учило, давало силы для жизни и вдохновение для творчества. Оно стало ее сердцебиением, дыханием, устремлением и преодолением!..

Хотя Яблонская и считалась в советское время украинской художницей,

«Весна», 1950 г.

родилась она в городе Смоленске. В историческом 1917 году, когда свершилась Октябрьская революция! День ее рождения — 24 февраля, и Татьяна Ниловна, смеясь, говорила, что немножко прожила даже при царе...

Да, она была ровесницей Советского Союза, и даже пережила его.

История ее творческой жизни — образчик того, как настоящий ищущий художник всегда подвергается метаморфозам успехов и провалов. И ее судьба тому подтверждение: всесоюз-

ная слава, награды, потом многолетняя опала — резкая нетерпимость и злобная критика. Но и это не останавливало Яблонскую. В каждом новом поиске она оказывалась независимым и уникальным живописцем. Каждый этап был многозначнее, глубже и интереснее предыдущего. И в каждом художника была безоглядно искренней и уверенной в своей правоте.

Особенно ярко и наглядно это проявилось в послевоенное время. Всех тогда захватила волна счастливого

воодушевления и надежд.... Татьяна Яблонская в эти годы пишет масштабные полотна, посвященные тому радостному жизнеутверждающему времени. В своих поисках она всегда на стороне света и добра, радости, любви к жизни и людям своей страны! И всегда в поиске новой изобразительной правды, в тех же... таких условных принципах соцреализма...

Родители Татьяны категорически не приняли революцию! Отец сразу стал искать возможность навсегда поки-

нуть Россию, поэтому всю семью повез в Одессу, надеясь на то, что оттуда легче будет покинуть охваченную революционным хаосом страну. Но — в Одессе не получилось... Тогда решился попробовать эмигрировать с западных границ. И в 1930 году Нил Яблонский с семьей приехал в Каменец-Подольский... И здесь судьба оказала яростное сопротивление — уехать не удалось. Он нашел нужных людей, которые пообещали помочь и переправить в Европу морем. Под покровом ночи привез на телеге полусонных детей и жену в лес, но никто так и не появился. Сделка оказалась обманом, и пришлось возвращаться обратно.

Боясь кривотолков по поводу своих хаотичных метаний, отец Татьяны решил уехать в Луганск. И хотя во внешней жизни семьи было все неопределенно и тяжело, внутри между ними царили любовь и взаимопонимание. Дети издавали семейный журнал «Сверчок», где сами писали статьи и стихи, рисовали иллюстрации и просто рисунки. Отец и мать уделяли им много времени. Рассказывали о великих художниках, поэтах и композиторах, словом, вводили их в чарующий мир искусства. Причем проделывали это с тайным умыслом выявить у детей их интересы и таланты.

Отец Татьяны Ниловны был страстным поклонником изобразительного искусства, сам много занимался и даже учился, но тяжелые обстоятельства жизни, беспокойное и трудное время, забота о троих детях не позволили ему реализовать свои мечты и желания — стать профессиональным художни-

ком. Он все же окончил исторический факультет университета и после посвятил себя преподавательской деятельности. Но преподавал не только историю, но и рисование...

В луганской школе Татьяна окончила семилетку. Впоследствии вспоминала: «В школе я увлекалась математикой и биологией, но все же, когда на вечернем небе «падала звезда», я старалась как можно быстрее пробормотать только одно желание — «хочу быть художником». Ведь оно обязательно исполнится, если успеть его высказать, пока звезда еще не погасла...»

К экзаменам в киевский Художественный институт Татьяну готовил сам отец. Она поступила с первой попытки. Ее учителем в институте стал известный украинский художник — заслуженный деятель искусств Украины, профессор Федор Григорьевич Кричевский. Один из основателей киевского художественного института и его первый ректор.

Училась студентка Яблонская, как говорится, «взахлеб»! Для нее это была не просто учеба, а исполнение заветной мечты! Ее успехи ошеломляли. В методическом фонде института остались академические рисунки Татьяны, которые, как говорят, показывают вновь поступившим студентам уже много лет подряд... А еще она оказалась единственной студенткой, которая удосужилась высокой чести — персональной выставки в стенах родного института! Словом, успех невиданный. Затем последовали защита диплома, первая любовь и заму-

жество, ожидание первого ребенка... Вот как много успела влюбленная в жизнь и искусство еще совсем молоденькая Татьяна Яблонская до начала Великой Отечественной войны.

А в военные годы Татьяна и ее сестра Лена оказались под Саратовом в эвакуации. Работали в колхозе. Там у Татьяны и родилась дочь. Мужья сестер были на фронте.

Работать приходилось очень много... Сестры Яблонские и мешки таскали, и косили, и скирдовали... Рабочий день длился с восхода солнца до ночи. Так трудились в колхозе все. К тому же у Татьяны был маленький ребенок, поэтому на занятия живописью у нее просто не оставалось физических сил. Единственное, что делала — рисовала по просьбам женщин-колхозниц по фотографиям портреты их погибших мужей. В подобных просьбах Татьяна отказать не могла...

Но «все проходит...» — как сказал один мудрец. И в 1944 году Татьяна Яблонская вернулась, наконец, в родной, только что освобожденный Киев и сразу же приступила к преподавательской деятельности в Художественном институте. В том же году ее приняли в Союз художников Украины.

Истосковавшись по любимому творчеству, она с ненасытной жадой принялась за работу. Большой перерыв в занятиях живописью не мог не отразиться на качестве мастерства, поэтому художнице пришлось потратить немало времени для того, чтобы вновь настроить себя и как можно быстрее

«Скоро сенокос», 1960 г.

достичь хотя бы довоенных профессиональных навыков мастерства...

А вокруг яркими красками бурлила радость послевоенной жизни! То был такой естественный всплеск эмоций радости и счастья, после страшных военных лет, и Татьяна Ниловна как истинный художник мгновенно творчески отреагировала своими работами на устремления и чаяния народа. Вскоре она была награждена двумя Сталинскими премиями, а репродукции ее значимых картин «Утро» и «Хлеб» были напечатаны в школьных учебниках и даже — в букварях.

Художница могла бы продолжать создавать успешные картины, пожиная эту плодоносящую ниву успехов, если бы в стержне души Яблонской не было беспокойного азарта поиска. Она не могла без созидания новых форм, новых идей и не собиралась останавливаться на достигнутом. Характер! Это и звало вперед и вперед!

Именно творческая жажда позвала ее в путешествие по Закарпатьяю. Шел 1961 год, и Яблонская с коллегами-художниками уехала в творческую командировку. Вскоре они оказались

«Над Днепром», 1954 г.

в западноукраинской глубинке, почти у границы с Румынией. Сама Татьяна Ниловна обозначила эту творческую экспедицию как путешествие за стариной... И вскоре увидела так много неожиданного, своеобразного и чудесного, что была очарована. И архитектура, и уклад жизни, и образы природы и людей... Диковинный мир, одним словом. И над всем тем горным миром властвовали потаенные мотивы давних времен — чарующая культура подлинной исторической старины. Это был переворот в душе художницы! Именно здесь она обогатила себя как живопи-

сец-колорист, как мастер — «цветовик». На десять долгих лет хватило творческого вдохновения, нескончаемой душевной цветомузыки, захватившей ее в Закарпатье. Но здесь Татьяну Ниловну уже подстерегла нежданная опала. Она так поверила в свои творческие силы, обрела настоящую веру в них и нашла духовную опору в тех идеях, которые с живописными восторгами воплощала на холстах, что чиновные окрики слышались ей не приговором, а причудой непонимания...

Но — увы! Многие работы закарпатского цикла ей теперь придется пря-

тать в мастерской от посторонних глаз, а для приезжающих кураторских комиссий из Академии художеств СССР доставать те, которые были написаны до поездки в Закарпатье. Как она ни скрывала новые работы, всевидящее око цензуры узрело их. И картина «Жизнь продолжается» была отправлена в запасники на целых пять лет, как работа с признаками формализма и, стало быть, чуждая «духовной составляющей советской живописи».

Это было так странно... ведь работа с огромным смыслом. Емко, образно, но при этом просто она говорит нам о вечной цепочке жизни и смене череды поколений. Здесь художница взглянула на ситуацию обобщенно, как говорят философы — «мысля сутью»!

А тираж книги подарочного издания поэта Ивана Драча, проиллюстрированной работами Яблонской, был уничтожен прямо на выходе из печати. Спасти удалось лишь 4 экземпляра...

Все же Яблонская как известный художник занимала весьма заметное место в изобразительном искусстве Украины, и после пяти лет опалы чиновники от искусства решили реабилитировать мастера. Ведь уже были написаны все главные знаковые работы Татьяны Ниловны: «Перед стартом» (1947 г.), «Над Днепром» (1954 г.), «Свадьба» (1963 г.), «Май» (1965 г.), «Безымянные высоты» (1969 г.), «Юность» (1969 г.), «Жизнь продолжается» (1970 г.), «Вечер. Старая Флоренция» (1973 г.), «Лен» (1977 г.) и многие другие — все невозможно перечислить...

Ей вручили третью Государственную премию СССР, а чуть позже направили

на Всемирную Венецианскую биеннале. Она внимательно осмотрела все павильоны, но осталась совершенно равнодушной ко всяким авангардистским выкрутасам. Ошеломили ее, сразили, захватили в плен итальянские мастера Раннего Возрождения! И это страстное увлечение сразу нашло отклик в ее работе, написанной там же, в Италии — «Вечер. Старая Флоренция»...

1991 год принес Татьяне Ниловне много несчастий из-за случившегося инфаркта. И беда эта лишила ее главного в жизни — писать! Врачи не позволяли ей двигаться, и она вынуждена была рисовать виды из окна своей квартиры, работать в мастерской теперь не могла физически...

К сожалению, это несчастье оказалось не последним. В 1999 году случился инсульт. Ее парализовало, почти отнялась речь, поэтому она вынужденно молчала... Сидя в коляске, часами слушала музыку и стихи самых любимых поэтов, которые читала ей дочь Гаяне. И, конечно, нестерпимо страдала из-за того, что не могла писать и рисовать, так как у нее отнялась правая рука... Но! У нее ведь был бойцовский характер, и просто смириться со своей беспомощностью она не смогла. Стала учиться рисовать левой рукой и довольно быстро с этим справилась: брала легкий материал — пастель, и рисовала, замирая от радости и абсолютного счастья!..

Больше всего изумляют в судьбе художницы эти последние годы. Это — подвиг в искусстве! Очень похоже на то, что одолел и знаменитый Илья Репин, когда у него от непомерных каж-

додневных трудов усохла правая рука... Усилиями воли он «переучил себя» и стал писать левой!

Теперь Татьяна Ниловна вынужденно проводила большую часть времени в коляске. Стоит ли говорить, насколько это было мучительно для нее... Всю жизнь она много путешествовала по стране, ездила в творческие командировки, бывала за рубежом, и такая жизнь была для нее нормой бытия. И вдруг — комната, коляска и... вынужденное одиночество...

Но Яблонская была человеком крепкой закалки и выдержки. Нашла силы продолжить творить и в этом неприглядном состоянии. И — победила!

Работать над большими холстами ей не позволяли физические силы, поэтому она стала работать пастелью, соз-

давая небольшие по формату работы. Но по мастерству и яркому свежему взгляду работы эти — потрясают! В них столько любви к жизни, страсти к цветовым решениям, артистичного азарта в исполнении! Эта удивительная женщина даже несчастье обернула целым направлением в своем многогранном творчестве. Не произошло бы с Татьяной Ниловной беды, наверное, не появились бы эти изумительные пастели!

Так случилось, что вокруг Яблонской образовался целый родственный союз художников, чему она была только рада. Ее сестра Елена тоже была художницей, старший брат Дмитрий — архитектором. Художницами стали и дочери Татьяны Ниловны — Елена Отрощенко и Гаяне Атаян. Да и первый муж Татьяны Ниловны, Сергей Отрощенко, и второй муж, Армен Атаян, также были художниками. Эту династическую когорту продолжили и внуки...

Остается только изумляться, как Татьяна Ниловна наряду с активнейшей творческой деятельностью так много времени уделяла и общественной работе, являясь депутатом и занимая руководящие должности в сфере культуры. И это — помимо активной педагогической деятельности в ее «альма-матер» — киевском Художественном институте. А ведь она была еще и женой, и матерью, и бабушкой...

Удивительно сильная, сверхталантливая женщина! Она была яркой и бескомпромиссной личностью. Умела отстаивать свою позицию, не боялась честно высказываться перед властью, не поддаваясь предрассудкам, если это касалось

Слева:
*Авто-
портрет*

«Цветок», пастель

жизненно важных проблем творческой, да и просто — справедливой жизни! За эти смелые выпады она часто оказывалась в опале. Но сломить ее было невозможно. Она все равно оставалась на стороне правды и добра — и в творчестве, и в обыкновенной жизни!

За свою большую и многогранную творческую жизнь Яблонская удостоилась многих наград, которые порой трудно даже перечислить... Народный художник СССР, лауреат двух Сталинских премий и Государственной премии СССР, действительный член Академии художеств СССР и УССР, лауреат Национальной премии им. Тараса Шевченко и даже «Герой Украины»!

В 1958 году за картину «Хлеб» ей была вручена бронзовая медаль Всемирной художественной выставки в Брюсселе.

ЮНЕСКО объявило 1997 год — годом художницы Татьяны Яблонской, а в 2000-м году в Кембридже ее назвали — Женщиной года!

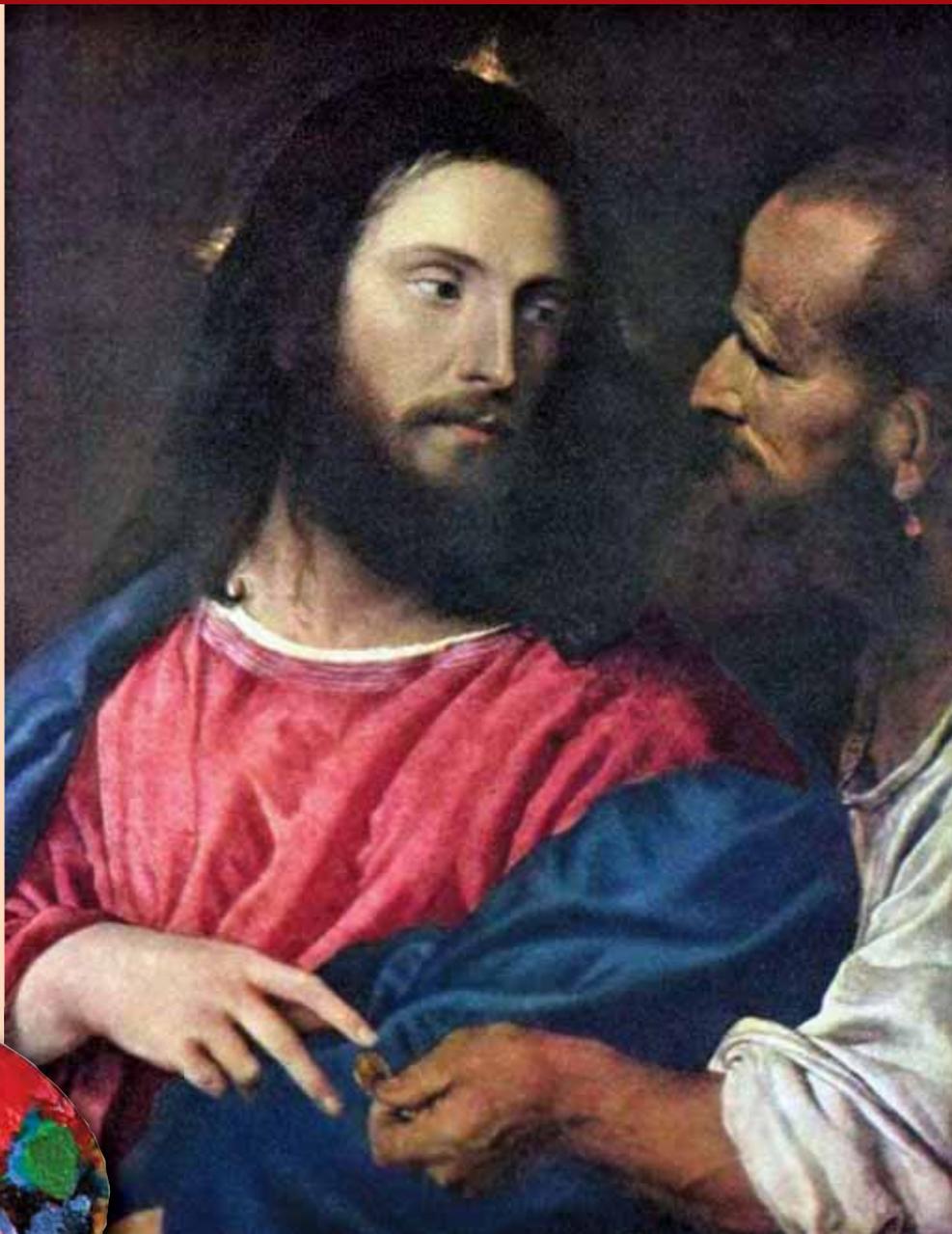
Татьяна Ниловна прожила долгую жизнь и до конца своих дней продолжала любить и саму жизнь, и людей, и, конечно, живопись, которой посвятила всю себя. Последнюю свою картину она написала за день до своей смерти... Скончалась Татьяна Ниловна Яблонская 17 июня 2005 года в Киеве, ей было 88 лет. □

Ирина Опимах

ТИЦИАН

«Динарий кесаря»

Эта небольшая по размеру картина, 75х56 см, — настоящий шедевр. Творение Тициана, созданное художником в 1516 году, в период расцвета его таланта, ждала сложная, а порой и поистине драматичная судьба.

*«Богу — богово,
а кесарю — кесарево»*

Герцоги д'Эсте, правители Феррары, а потом Модены, всегда отличались любовью к искусству и охотно покровительствовали художникам. В Ферраре с XV века работали выдающиеся мастера — Козимо Тура, Франческо дель Косса, Эрколе де Роберти и Доссо Досси. Привлеченные прекрасной архитектурой города и слухами о щедром меценатстве герцогов, Феррару посещали и иностранные художники — например, в 1450 году, по дороге в Рим, побывал здесь великий фламандец Рогир ван ден Вейден. С большим вкусом собирали герцоги свою коллекцию живописи, и в ней были творения лучших художников Италии и других стран.

В 1505 году на феррарском троне воцарился Альфонсо д'Эсте (1476–1534).

Это был очень незаурядный человек. Отважный, последовательный, умевший любить и ненавидеть и осмелившийся взять в жены саму Лукрецию Борджа, дочь папы Александра VI, самого порочного папы в истории Ватикана, о которой что только тогда не говорили — интриганка, отравительница, распутница... Однако, с точки зрения политической, союз этот оказался весьма успешным — Лукреция родила герцогу 8 детей, из которых четверо выжило, неплохо управляла герцогством, когда Альфонсо уходил на войну, и собрала при своем дворе блестящих поэтов и художников, с удовольствием посвящавших ей свои творения.

Жил герцог Альфонсо в очень непростое время — время заговоров,

предательств, захватнических войн, но, несмотря ни на что, он сумел сохранить свое небольшое государство от посягательств Ватикана и других не менее могущественных врагов. Недаром папа Юлий II в 1510 году отлучил Альфонсо от Церкви — уж очень он был строптив, этот герцог. Более того, его армия внесла большой вклад в победу французов над армией стран Священной Лиги при Равенне (1512 год). И все последующие годы правления Альфонсо I были наполнены борьбой с Ватиканом. Альфонсо никак не хотел подчиняться папской власти, главным для него было сохранить независимость своего маленького государства.

Как и его предшественники на феррарском троне, Альфонсо был известным ценителем прекрасного. Благодаря ему в городе трудились выдающиеся архитекторы и художники того времени. В 1514 году Джованни Беллини, один из лучших художников Венеции, написал для него картину «Пиршество богов», а позже герцог пригласил к своему двору и другого венецианца, Тициана Вечеллио, ставшего после смерти Беллини лидером венецианских художников и назначенного официальным художником Венецианской республики. (Тициан сохранял этот почетный титул 60 лет, до конца своих дней.) По заказу герцога Альфонсо Тициан и написал (наряду с другими великолепными творениями) картину «Динарий кесаря» — возможно, как говорит Вазари, она украшала дверцу шкафа в одной из комнат феррарского дворца.

*Тициан.
Авто-
портрет*

Вазари так рассказывает об этой работе: «Там же (во дворце на дверце шкафа) Тициан написал чудесную и великолепную погрудную картину Христа, которому злой еврей показывает императорскую монету. Эту голову вместе с другими, выполненными в той же комнате, наши лучшие ху-

дожники восхваляют как превосходнейшие и наилучшим образом удавшиеся из всех, которые когда-либо писал Тициан».

Сюжет этой картины был явно выбран не случайно. Он отвечал мыслям Альфонсо о том, как должен быть устроен мир. В этой евангельской

притче о Христе и коварных фарисеях четко устанавливались границы божественного и мирского. Христос говорил своим последователям: Богу (и его заместителям на Земле) не нужны деньги, материальные блага, Ему нужно нравственное совершенство, моральная чистота. А деньги — деньги нужны земным правителям...

В Евангелии от Матфея (22:16-23) рассказывается такая история. Фарисеи, недовольные тем, что Иисус открыто говорил об их продажности, ханжестве и подлости, решили его погубить. Посовещавшись, они задумали поймать Его на каком-нибудь неосторожном высказывании. Фарисеи подослали к Нему человека, который должен был задать Христу провокационный вопрос — платить иудеям налоги римским властям или нет. В те времена Рим требовал от иудеев платить налоги, чего тем делать совсем не хотелось. Если Христос скажет, что платить нужно, он восстановит народ против себя. Если же скажет, что нет, не нужно, римские власти, узнав об этом, его жестоко накажут — непременно арестуют и бросят в тюрьму. И вот фарисеи отправили к Христу «лукавых людей», которые притворились благочестивыми, и спросили Его: «Учитель! Мы знаем, что Ты справедлив и наставляешь воистину на путь Божий, что Ты не лицеприятен и никому из людей не угождаешь. Так скажи нам: должны ли мы платить подать кесарю или нет? Как Ты думаешь?» Но Иисус, уразумев коварство их, ответил: «Вы истываете Меня, лицемеры? Покажите-ка Мне монету, кото-

рой платится подать». И когда они подали Ему динарий, Иисус спросил у них, чье это изображение и надпись. «Кесаря», — последовал ответ. Тогда Он говорит им: «Отдавайте же кесарю кесарево, а Богу — богово». Услышав это, они удивились и, оставив Его, отошли.

Вот и Альфонсо был уверен — римским папам он был готов отдать незыблемую веру в Господа, а свои земли, свои «динары», хотел оставить себе. Не случайно слова «Отдавайте кесарю — кесарево, а Богу — богово» были отчеканены на феррарских монетах.

Христос на картине Тициана — идеал человека, он прекрасен и физически, и внутренне. Все это видно в выражении его лица, в глазах, в которых — мудрая печаль, понимание природы человеческой, ее низости и ее высоты. Его образ спокоен, светел, благороден. Зато в облике фарисея, задающего вопрос Христу, — и корысть, и лицемерие, и суэта, и вульгарность, и — способность предать. Темная рука, жилистая, грубая, горбатый нос, морщинистое лицо, в ухе — серьга. Тициан не оставляет нам сомнений: на картине сразу видно, кто воплощение греха, средоточие самых гнусных качеств, а в ком высота духа, чистота помыслов и деяний. Об этом говорят чисто живописные приемы великого мастера — и композиция, и краски, которыми написаны Христос и фарисей. Христос написан светлыми, тонкими красками, а фарисей — коричневыми, темными... Тут не просто встреча Христа и фарисея, библейских персонажей, тут — встре-

ча двух противоположных миров, двух совершенно разных пониманий жизни, прекрасного, возвышенного идеала и реальной действительности, в которой столько подлости, гнусности, неправды. И недаром фарисей крепко держит в руках монету, этот символ земной власти и богатства. А Христу она не нужна, у него совсем другая власть — власть духовная.

Когда Тициан писал эту картину, ему было всего 40 лет. Впереди была долгая творческая жизнь, создание множества великолепных картин, работа для самых могущественных правителей Европы, успех, материальное процветание... И в его душе тоже всегда боролись два начала — корысть, честолюбие, жажда признания и невероятная преданность своему делу, искреннее служение искусству. В этом человеке было столько энергии, столько творческой мощи, что сломить его, казалось, было невозможно. Но это удалось чуме — он умер, когда ему было 90 лет, заразившись от своего сына.

Долгие годы эта небольшая, но великолепная картина украшала кабинет герцога Альфонса.

А между тем противостояние Феррары и Ватикана продолжалось, и в 1598 году войска папы Климента VIII все-таки вошли в Феррару. Тогдашний ее правитель герцог Чезаре д'Эсте был изгнан из своего города — он бежал в Модену, которая пока еще принадлежала д'Эсте. Замок же в Ферраре с большим энтузиазмом разграбили доблестные воины папы. Многие

сокровища, собранные когда-то Альфонсо и хранившиеся в его знаменитых Алебастровых комнатах, отделанных великолепными мраморными рельефами Антонио Ломбардо, ушли в Рим, к кардиналу Пьетро Альдобрандини. Какие-то картины Чезаре все-таки удалось увезти с собой в Модену. Позже в Модену перевезли и оставшуюся в Ферраре часть коллекции — скульптуры, семейные портреты. К счастью, в Модену попал и тициановский «Динарий кесаря».

В начале XVIII века благодаря потомкам Альфонсо д'Эсте, унаследовавшим его любовь к искусству, герцогская галерея в Модене славилась как одно из лучших художественных собраний в Европе. Но в 1733 году герцогом д'Эсте стал Франческо III, который предпочитал искусству военное дело. Озабоченный трудным политическим положением своего небольшого государства — ему угрожали австрийские Габсбурги, мечтавшие завладеть его землями, — он заключил союз с Испанией и, чтобы укрепить свою армию, решил распродать часть семейной коллекции, с таким тщанием и старанием собиравшейся многие десятилетия его предками. Союз с Испанией не спас д'Эсте — в 1740 году австрийцы все-таки овладели Моденой. Франческо, вынужденный покинуть родину, отправился в Венецию, где занялся восстановлением своей армии, изрядно потрепанной военными неудачами, для чего решил продать еще 100 картин. Он выставил цену в 100 000 цехинов — эта сумма, по тем временам не очень

внушительная, позволяла ему сделать то, что он хотел. Узнав о распродаже коллекции д'Эсте, саксонский курфюрст Август III тут же принял решение приобрести ее. 14 июля 1745 года соответствующие документы были подписаны, и картины феррарских герцогов отправились в Дрезден. Уже в октябре 1746 года они заняли приготовленное для них место, став основой ныне всемирно известной Дрезденской галереи. Август III был счастлив, зато Италия тогда лишилась выдающихся произведений искусства. Урон ее национальному достоянию был огромен.

В начале XIX века демократические идеи овладевали не только умами прогрессивных кругов — коронованные персоны тоже были не чужды такого рода настроений. Вот и саксонские курфюрсты полагали, что их собрание, прежде всего, принадлежит народу, а потому в 1831 году оно было национализировано и с тех пор доступно для всех любителей искусства. Дрезденская галерея стала в Европе первым из королевских собраний публичным музеем.

В апреле 1867 года в галерею появился ничем не выделявшийся из обычной толпы туристов посетитель. Его звали Федор Достоевский. Уже были написаны многие его великие произведения, («Село Степанчиково..», «Записки из Мертвого дома», «Дядюшкин сон», «Преступление и наказание»), но главные его романы — «Идиот», «Братья Карамазовы», «Бесы» — были еще впереди. Дойдя до картины Тициана «Динарий кесаря»,

Достоевский остановился и долго рассматривал ее. В своем дневнике жена писателя А. Г. Достоевская писала, что писатель приравнивал эту картину к «Сикстинской мадонне» Рафаэля, которую ставил в живописи превыше всего и признавал за «высочайшее проявление человеческого гения». Что же так поразило Достоевского в «Динарии кесаря»? Краски, композиция? Блестящая передача сюжета евангельской притчи? Или же выходящий за рамки ее темы глубокий философский смысл? Скорее всего, тонко понимавший живопись, Достоевский не мог не почувствовать в картине великолепно выраженное Тицианом вечное противоборство в душе человека — темного и светлого, низкого и высокого, корысти и благородства. Что победит? Что будет определять жизнь человека? И наверное, как полагают многие исследователи творчества Достоевского, именно об этом шедевре мировой живописи вспоминал писатель, когда создавал свою знаменитую легенду о великом Инквизиторе в романе «Братья Карамазовы», когда размышлял о конфликте добра и зла, Христа и Антихриста. Достоевский, словно глядя на картину Тициана, рассказывает о встрече Инквизитора и Христа. И «Инквизитор ... долго всматривается в лицо Его ... ни на мгновение не отрываясь взглядом от своего пленника». И как у Тициана, у Достоевского в этом столкновении побеждает Христос.

В 1939 году Европу захлестнула самая страшная за всю историю че-

ловечества война — Вторая мировая. Немцы хорошо понимали ценность дрезденского собрания, а потому в 1942 году было принято решение надежно спрятать шедевры, собранные саксонскими курфюрстами. Поначалу их вывозили недалеко, в замки местной знати, а в 1944 году, по приказу имперского комиссара обороны 4 военного округа гауляйтера Мартина Мучмана, многие шедевры, а вместе с ними и «Динарий кесаря», были перевезены подальше, к западу от Эльбы, и спрятаны в заброшенных известняковых штольнях. И это было не зря — Дрезден подвергся мощной бомбардировке американской авиации, множество зданий и церквей было разрушено, пострадало и здание галереи. К счастью, картин там уже не было. Укрытия, выбранные немцами для дрезденских сокровищ, были с отоплением, освещением и вентиляцией, однако, когда эти хранилища обнаружили солдаты Советской армии, все это уже не работало, в штольнях стояла вода. Картины пролежали там, в этих ужасных условиях, несколько месяцев! «Динарий кесаря» валялся в дальнем конце штольни. На поверхности доски, впитавшей в себя влагу, на всем красочном слое были глубокие длинные шрамы. Найденные сокровища были отправлены в Москву, в Музей изобразительных искусств имени Пушкина. «Многие картины из собрания были в очень плохом состоянии, — вспоминала Ирина Антонова, президент ГМИИ им. Пушкина. — Их потом привезли в Россию и некоторые в буквальном смысле

слова спасли: они отсырели, красочный слой испортился. Я прекрасно помню свою первую встречу с Дрезденской галереей в Москве в августе 1945 года: как распаковывали ящики, вынимали картины... В очень тяжелом состоянии находился тициановский «Динарий кесаря» — доска промокла. И некоторые другие произведения итальянского Ренессанса находились на грани гибели...»

В Москве картинами занялась команда лучших реставраторов страны во главе с замечательным художником и опытным реставратором Павлом Дмитриевичем Кориным. Топольная доска, на которой был написан «Динарий кесаря», была вся пропитана водой, и ее пришлось сушить два с лишним года. Реставрировал тициановский шедевр сам Корин — долго, тщательно, по кусочкам.... Павел Дмитриевич блестяще справился со сложнейшей задачей. «Динарий кесаря» снова ожил, творение Тициана было сохранено для потомков!

В 1955 году картины Дрезденской галереи (1240!), отреставрированные советскими мастерами, были отправлены в Дрезден. Советское правительство в знак доброй воли все-таки решило вернуть Германии (Германской Демократической республике, ГДР) эти бесценные военные трофеи. 3 июня 1956 году первые посетители галереи, восстановленной после страшных бомбежек, смогли вновь увидеть ее сокровища. И вновь встретиться с тициановским Христом, вновь пережить неизбежную победу Добра над Злом... □

ОБЫКНОВЕННАЯ БОГИНЯ

Не так много найдется в мире людей, которым при жизни установили памятник. Однако наша героиня удостоилась такой чести, причем сразу в двух городах — Санкт-Петербурге и Стокгольме. Она и сама была сродни этим городам — с виду холодная, не улыбкающая, но исполненная безмерной внутренней красоты, грации и достоинства. Алексей Толстой называл ее «обыкновенной богиней», а Сергей Прокофьев — «гением русского балета». Все это — о Галине Улановой.

Ей, родившейся в семье артистов балета Мариинского театра, едва ли можно было выбрать другой путь. Родители были людьми трудолюбивыми, но другой карьеры, кроме балета, не представляли. Когда, в силу возраста, пришлось оставить сцену, отец Галины, Сергей Уланов, стал театральным режиссером, а мать — хореографом и наставником юных воспитанниц балетного училища. Именно мать, Мария Федоровна Романова (поистине царское имя), привела девятилетнюю дочь в начальный класс Петроградского хореографического училища. Поначалу она сама преподавала у Галины, но затем «передала» ее другим учителям, чтобы никто не мог сказать, что дочери она уделяет больше внимания.

Маленькой Гале заниматься балетом отчаянно не нравилось. Отец ждал сына, а не дочь, и потому все детство ребенок был увлечен рыбалкой, выкапыванием червячков, стрельбой из лука и прочими мальчишескими забавами. Она часто плакала и просила забрать ее домой. Впоследствии вспоминала: «Нет, я не хотела танцевать. Непросто полюбить то, что трудно. А трудно было всегда, это у всех в нашей профессии: то болит нога, то что-то не получается в танце».

Однако Галя привыкла слушаться мать, а та говорила ей: «Если ты не станешь заниматься, ты будешь ничем, у тебя не будет даже профессии, ты будешь никчемной балериной... Надо, надо работать!»

К чести родителей Галины Улановой нужно сказать, что и сами они

себя не жалели. В трудные годы подрабатывали за пайку хлеба, танцуя в кинотеатрах перед сеансами. Через весь Петербург, в любую погоду, шли в холодные кинотеатры, взяв с собой маленькую дочь, которую не с кем было оставить. Мария Федоровна перепархивала из валенок в атласные туфельки и бежала танцевать. В перерывах, пока показывали фильм, грелись в кабине киномеханика, и Галя смотрела там фильмы. Еще одно выступление — и домой. Девочка к тому моменту уже обычно спала, и отец — так же, через весь город, — нес ее домой на руках.

В последних классах училища Уланова занималась у самой Агриппины Вагановой, чье имя впоследствии стало носить учебное заведение. Уланова выросла на петербургской школе балета, чуть холодноватой, строгой, менее размашистой, чем московская. (Это потом аукнется балерине, когда ей придется переехать в столицу.)

В возрасте 18 лет Галина Уланова окончила училище. Выпускным спектаклем была «Шопениана», где она танцевала партию Сильфиды. Сразу же после этого девушка была принята в труппу Ленинградского государственного театра оперы и балета. Позже театр стал носить имя Сергея Кирова, а затем вернул себе историческое название — Мариинский.

Немногословная, избегающая больших компаний, Галина Уланова не была и красавицей. Однако в ней чувствовалась твердость духа и настоящее достоинство. Ког-

да она выходила на сцену, зал замирал...

«Это была балерина не улыбка-вая, — говорил руководитель балетной труппы Кировского театра Федор Лопухов, — лишённая даже тени кокетства, желания нравиться». Это было в новинку, ведь раньше образ балерины представлял собой весе-

лую и кокетливую девушку. Уланова же была полной противоположностью. Даже мать, стоя за кулисами, умоляла: «Галя, ну улыбнись, ради Бога, улыбнись, хоть разочек...»

Однако Галина не следовала этому совету. Она существовала в танце по-своему, как только она умела и могла. Уже тогда было понятно,

Режиссер Юрий Завадский

что в мире балета появилась новая звезда.

И это сразу заметили — и руководство театра, и критики, Через год после прихода в театр ей предложили партию Одиллии-Одетты. Затем последовали «Жизель», «Щелкунчик», «Бахчисарайский фонтан» и многие другие спектакли, где она неизменно блистала. Незадолго до войны Галина станцевала заглавную партию в балете Прокофьева «Ромео и Джульетта». И до сих пор ее исполнение юной Джульетты считается во всем мире эталонным.

В 1944 году Улановой пришлось перейти в Большой театр. Слово «пришлось» здесь кажется наиболее уместным, ведь покидать родной Ленинград она не хотела. Однако это решение было ей «спущено сверху»,

и вопрос стоял так: или она танцует в Москве, или не танцует вовсе.

Говорили, что решение о «переводе» Улановой было принято лично Сталиным. Это был не первый случай, когда ей приходилось менять свои планы из-за вождя. Однажды во время выступления в балете «Эсмеральда» Галина Сергеевна попала в сложную ситуацию: *«В нашем па-де-де Дианы и Актеона есть такое движение, когда я как бы пускаю стрелу из охотничьего лука — стрелы нет, но лук у меня в руках, и я его натягиваю, как для пуска стрелы, — и как раз в то направление, где лежала Сталина. Но разве можно в его сторону воображаемую стрелу направить?»* — рассказывала она балетному критику Сании Давлекамовой. В итоге, чтобы спасти ситуацию, Улановой пришлось «не совсем прямо держать лук».

Были, однако, в переезде в Москву и свои плюсы. Именно с Большим Уланова впервые выехала на гастроли за границу. В Вене ей аплодировали стоя, а в Лондоне триумф превзошел все ожидания. Британские журналисты писали, что такого успеха русская балерина не имела со времен Анны Павловой. (Кстати, Улановой на момент этих гастролей было уже за сорок.)

Карьеру балерины Уланова завершила в пятидесятилетнем возрасте — тем же спектаклем, который был ее выпускным, — «Шопенианой». Будучи чрезвычайно строгой к себе, в последние годы она оставляла в репертуаре только то, в чем бы-

ла безупречной. Как-то ей задали вопрос, почему она перестала танцевать «Лебединое озеро», которое удавалось ей так замечательно. Она ответила просто: «Я не могу танцевать хуже, чем Уланова».

Театр, однако, Галина Сергеевна покидать не стала — осталась в нем балетмейстером-репетитором. Среди ее учеников Николай Цискаридзе, Екатерина Максимова, Нина Семизорова, Ирина Прокофьева и другие звезды балета.

Воспитанникам Улановой совершенно точно не грозила «звездная болезнь», ведь после спектакля она всегда устраивала честный «разбор полетов», не забывая при этом, правда, и похвалить за успехи.

Несмотря на внешнюю строгость, Галина Уланова была женщиной страстной и влюбчивой. Начать стоит с того, что в семнадцать лет она ушла из родительского дома, чтобы жить с концертмейстером и преподавателем музыки хореографического училища Исааком Меликовским. Он был гораздо старше ее, невысок ростом, лысоват, но, тем не менее, пользовался необыкновенным успехом у женщин. Именно из-за его постоянных романов они через несколько лет расстались.

Следующим возлюбленным балерины был дирижер Мариинского театра Евгений Дубовский, который был старше ее на 12 лет. Эта привычка — выбирать мужчин, значи-

тельно превосходящих ее по возрасту, останется с ней на всю жизнь.

Но самой сильной любовью балерины стал художник Николай Радлов, с которым она познакомилась на Селигере в 1938 году.

Любившая природу, рано утром она отправлялась на прогулку на лодке, взяв с собой патефон и несколько пластинок. Радлов был очарован этой ее привычкой, и, хотя сам он был избалован женским вниманием, все же начал присматриваться к юной балерине. А чуть позже между

ними завязался бурный роман. Ей было 28, ему — 49. Снова огромная разница в возрасте, но Уланова неожиданно для себя поняла, как дорог ей этот человек.

По возвращении домой она стала писать ему письма, слать телеграммы. Будучи женатым, Радлов оказался не готов к такому проявлению чувств девушки. Он не собирался менять свою жизнь и расстался с ней в письме, прося больше не писать и не звонить. Она избавилась от этой любви, великолепно станцевав

«Жизель»

Справа:

*«Бахчисарайский
фонтан»*

Джульетту и выйдя замуж... В 1942 году стало известно, что Радлов погиб, но Галина уже почти не отреагировала на это известие — она похоронила его раньше.

Официально замужем Уланова была всего один раз — за театральным режиссером Юрием Завадским. Они поженились перед войной, ради этого брака Завадский оставил жену — актрису Веру Марецкую. Вместе супруги пережили войну и эвакуацию, но к концу сороковых годов их брак не столько распался, сколько постепенно сошел на «нет». Они расстались, но до конца жизни оставались добрыми друзьями: Завадский не пропускал почти ни одного выступления Улановой, часто приходил в гости. Многие общие знакомые гово-

рили, что и в годы брака они были скорее близкими друзьями, нежели мужем и женой.

Вторым мужем (хотя брак и не был зарегистрирован официально) стал тоже человек из театральной среды — актер Иван Берсенев. Он настолько влюбился в балерину, что переехал к ней, даже не разведясь с женой Софьей Гиацинтовой. Эти отношения прервались со смертью Берсенева через несколько лет. На похоронах Уланова стояла рядом с Гиацинтовой.

Последним гражданским мужем Улановой был художник Большого театра Вадим Рындин. Однако его подкосила вечная болезнь русских мужчин — он очень много пил. Привыкшая к дисциплине и порядку, Га-

Иван Берсенеv

лина Сергеевна терпеть этого не стала, и они расстались.

Ни от одного из мужей у балерины не было детей — мать с детства внушила ей, что или дети, или балет. Балет стал очевидным выбором.

Уже в немолодом возрасте Уланова осталась одна в своей огромной четырехкомнатной квартире в доме на Котельнической набережной. Удивительно, но обставлена она была мебелью, которую Галина Сергеевна перевезла из ленинградской квартиры своих родителей. За долгие годы она не нажила ни дач, ни машин, а единственной настоящей ценностью считала своих учеников.

«Ромео и Джульетта»

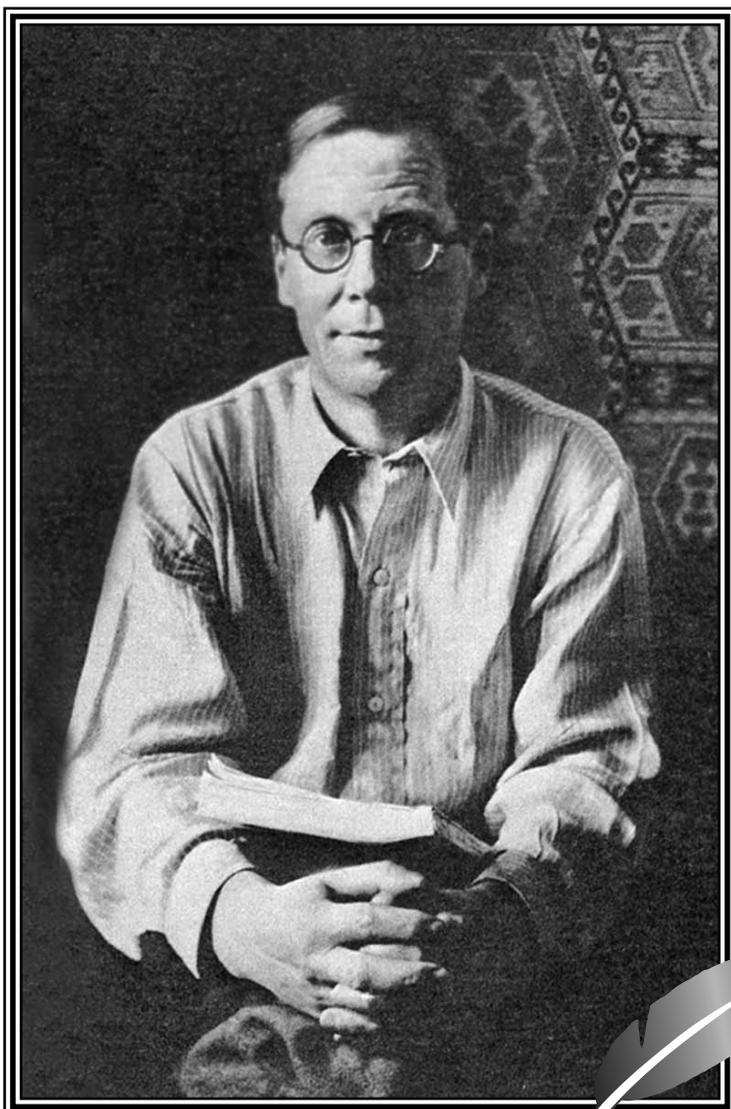
Уланова трудно сходилась с людьми. Показателен один случай. Однажды после долгой болезни балерина появилась в театре, где коллеги устроили ей теплую встречу. Растроганная Галина Сергеевна стала думать, как ей ответить на это. И вместо произнесения речи, как ей советовали, заказала в цветочном магазине маленькие букетики, и на следующий день на пюпитре каждого музыканта, на гримировальном столике каждого актера лежали цветы от Улановой.

Судьбе было угодно скрасить одиночество ее последних лет. Журналистка Татьяна Агафонова снимала многосерийный фильм о балерине, и в процессе съемок они подружились. Через некоторое время Татьяна переехала к Галине Сергеевне, чтобы помогать по дому и разделять общество немолодой женщины. Правда, хотя она была моложе Улановой на 20 лет, ушла из жизни раньше — в середине 90-х Татьяна умерла от рака. Было ли это желание все же иметь дочь, которой балерина не имела, или же действительно женщин связывала крепкая дружба, теперь уже не узнать. Но оставшиеся годы после смерти Агафоновой Галина Сергеевна прожила одна.

Она по-прежнему была строга к себе и не начинала дня без часовой гимнастики, в которую входили и танцевальные па. По-прежнему весила 49 балетных килограммов, была подтянута и элегантна.

Галина Сергеевна Уланова ушла из жизни 21 марта 1998 года в возрасте 88 лет. Говорили, что незадолго до смерти она начала писать автобиографию, однако в ее квартире не было найдено ни записей, ни дневников. Казалось, она сделала все, чтобы о ее личной жизни никто ничего не узнал. В квартире в высотке на Котельнической набережной и сегодня находится музей балерины. □

Юрий Осипов

«Я нашел
в себе силы
остаться
в живых»

Стихи, как известно, переживают своих создателей. Конечно, если это настоящие стихи. Такие, как у Николая Заболоцкого. Поэта негромкого, не рвавшегося в «первый ряд», однако оставшегося в этом ряду навсегда.

Его сформировала революция, а дальше он прошел сложный путь исканий и опытов, порой далеко удаляясь от «первоисточника» своего творчества, пока не приобрел широту звучания, неброскую оригинальность и глубокое дыхание большого мастера.

Он был исключительно талантлив и оказал заметное влияние на развитие советской поэзии. С годами профиль лирического героя его стихотворений делался все более четким, ясным и завершенным. Причем подобные бурлящим ручьям стихи Заболоцкого ранних лет в зрелый период творчества сравнимы со спокойной полноводной рекой.

Его первые неизгладимые впечатления от окружающей природы связаны с фермой под Казанью, где отец служил агрономом, а затем — с глухим селом Сернур в Вятской губернии, где прошли школьные годы будущего поэта. Там он начал писать стихи. «Свою сознательную жизнь я почти полностью прожил в больших городах, — вспоминал Заболоцкий, — но чудесная природа Сернура никогда не умирала в моей душе...»

Он не пошел дорогой отца, не стал, подобно матери, учителем, хотя и окончил Педагогический институт имени А. Герцена в Ленинграде. Его влекла поэзия, певучее слово. Вначале он пробовал себя в подражаниях Маяковскому, Блоку, Есенину. Но это были просто упражнения для освоения различных форм стиха. Собственный стихотворный рисунок, свой отличительный поэтический голос придет к Заболоцкому позднее, когда он начнет зорко приглядываться к действительности.

Поначалу он видел в ней только доживавших последние дни мещан-нэпманов да преуспевающих предпринимателей, которые причудливой толпой вошли на страницы его ранних произведений, и тех, что составили знаменитый сборник «Столбцы». Острыми, резкими строками еще тяжеловатого стиха с заслоняющей замысел громоздкой образностью бичует автор этот пестрый торгашеский мирок. И — оставляет его вместе со стихотворными изысками позади на пути к большим темам преобразования мира, к пафосу созидания Советской России. В нем он черпает вдохновение, не изменяя при том высокому предназначению поэта.

*Тот, кто жизнью живет настоящей,
Кто к поэзии с детства привык,
Вечно верует в животворящий,
Полный разума русский язык.*

Николай Алексеевич Заболоцкий родился 27 апреля 1903 года вблизи старинной купеческой слободы пригорода Казани под сенью Введенского мужского монастыря. Отец, Алексей Агафонович, целыми днями пропадал на вверенной его попечению ферме. Мать, Лидия Андреевна (урожденная Дьяконова), учила детишек в сельской школе. Типичная

трудовая русская семья земских интеллигентов.

Когда Коле исполнилось семь лет, семья переехала в Уржумский уезд Вятской губернии (ныне район республики Марий Эл). В третьем классе местной сельской школы мальчик начал издавать рукописный журнал и помещать в нем свои стихи. Потом было реальное училище,

где будущий поэт неожиданно увлекся историей, химией и рисованием.

Стихи он продолжал писать, переливая в них любовь к природе родного края и переживания деревенского пацана, органически связанного с крестьянским трудом. В то же время в этих ученических стихах отражались мысли, чувства и образы, возникавшие в душе пытливого подростка под влиянием беспорядочно прочитанных книг, среди которых господствовала поэзия символистов и акмеистов. В этой блестящей плеяде Николай особо выделял Блока.

ренек в очках, с хитроватым крестьянским лицом. К тому времени у него уже накопилась объемистая тетрадь «плохих стихов» (как он сам их характеризовал). Четыре года учебы пролетели незаметно. В студенческих спорах, веселых вечерних посиделках по общечитиям, в волнующих поэтических открытиях и первых любовных переживаниях.

На следующий год после окончания института Заболоцкого призвали в армию. Ему повезло. Служил он в Ленинграде, на Выборской стороне,

Первая же, очень значительная поэтическая книга Заболоцкого «Столбцы», вышедшая в Ленинграде в 1929 году, сразу вызвала литературный скандал и негативные отзывы в прессе. К счастью, это не повлекло за собой «оргвыводов», которые могли стоить поэту литературной карьеры

Октябрьская революция, сменившая Февральскую, отшумела где-то вдали, круто изменив тихую уездную жизнь. В столицу Николай Заболоцкий попал только в 20-м и поступил сразу на два факультета Московского университета — медицинский и историко-филологический. На том не успокоился и вскоре оказался в Петрограде, где поступил в Педагогический институт имени Герцена на отделение языка и литературы.

С фотографий тех лет на нас смотрит скромный худощавый па-

и в 27-м уволился в запас. Но и этот короткий воинский опыт дал ему необходимую физическую и духовную закалку. «Вывернутый наизнанку» (его определение) мир казармы сыграл роль своеобразного творческого катализатора. Не случайно сразу после армии Заболоцкий выступил в печати с настоящими стихами, которые привели молодого поэта-авангардиста к участию в создании ОБЭРИУ, культурного ленинградского литературного объединения конца двадцатых-начала тридцатых годов.

Расшифровывалась эта аббревиатура следующим образом: Объединение Реального Искусства, которое включало в себя таких именитых мастеров слова, как Д. Хармс, А. Введенский, К. Вагинов, Н. Олейников, И. Бехтерев, Е. Шварц и другие. ОБЭРИУты декларировали отказ от традиционных форм искусства, настаивали на необходимости обновления методов изображения действительности и культивировали гротеск, алогизм, поэтику абсурда.

Ядро будущего объединения в лице Д. Хармса, Н. Заболоцкого, А. Введенского и И. Бехтерева начало складываться в 1926 году. Тогда возникла группа «Левый фланг», которая год спустя взяла название «Академия левых классиков», а затем переименовалась в ОБЭРИУ. Нападки со стороны официальной критики и вследствие этого невозможность печататься заставили некоторых членов объединения (Хармс, Введенский, Владимиров) переместиться в дозволенную им «нишу» литературы для

детей и юношества. В дальнейшем многие ОБЭРИУты и их родственники были репрессированы, некоторые погибли в заключении. Хлебнул лагерной доли и Николай Заболоцкий.

Он тоже на время нашел пристанище в отделе детской книги ленинградского ОГИЗа, которым руководил выдающийся детский поэт и литературный переводчик Самуил Маршак. Сатирическое изображение обстановки последних лет НЭПа становится главной темой ранних стихов Заболоцкого. Главной, но не единственной. Новизна и многомерность — вот что отличает его произведения того периода. Поэт создает гротесковые картины мещанского быта, нивелирующего человеческую личность. И одновременно обращается к своему внутреннему миру, размышляет над парадоксами бытия.

*О, с каким трудом наблюдаю
Земные предметы,
Весь в тумане привычек,
Невнимательный, суетный, злой!..*

Молодой Заболоцкий стремится, как говорил когда-то Жуковский, «выразить невыразимое», объять стихом всю противоречивую действительность, небо над головой и землю под ногами. В знаковом стихотворении «Вчера, о смерти размышляя...» он пишет:

*И все существованье, все народы
Нетленное хранили бытие,
И сам я был не детище природы,
Но мысль ее! Но зыбкий ум ее!*

В этих строках, в их смысловом подтексте слышны отзвуки философской лирики Батюшкова и Баратынского, с их сходными предощущениями вечности и торжества человеческой мысли, проникающей, разгадывающей «зыбкий» ум природы с целью утверждения в мире царства разума. Великое переустройство мира, в истинность которого свято верил Николай Заболоцкий, станет большой философской темой его дальнейшего творчества. Пока же первая, очень значительная поэтическая книга Заболоцкого «Столбцы», вышедшая в Ленинграде в 1929 году, сразу вызвала литературный скандал и негативные отзывы в прессе.

Автора обвиняли в издевательствах над коллективизацией. К счастью, однако, эта «враждебная вылазка», как окрестила сборник печать, не повлекла за собой прямых «оргвыводов», которые могли бы стоить поэту литературной карьеры. При поддержке маститого Николая Тихонова ему удалось завязать плодотворные отношения с одним из ведущих ленинградских толстых журналов «Звезда», напечатавшим около десятка стихотворений Заболоцкого. Они вошли во вторую (неопубликованную) редакцию «Столбцов» и обозначили новое направление в его творчестве.

В стихотворении «Меркнут знаки зодиака» Заболоцкий обращается к трагедии Разума, и нерв этих напряженных, подчас мучительных исканий увеличивает удельный вес фило-

софской лирики поэта. Он вживается своим индивидуальным сознанием в загадочный мир бытия, который представляется ему бесконечно более широким и богатым, нежели все умозрительные построения и философские системы, знакомые Заболоцкому по трудам крупнейших мыслителей. Читал он и приобретающую популярность в 20-х годах «Теорию относительности» Эйнштейна, и самобытную «Философию общего дела» Николая Федорова.

В 1931 году Николай Алексеевич познакомился с работами Циолковского. Они произвели на него неиз-

Фраза о «ненапечатанных» произведениях не случайна. Уже набранный в типографии сборник «Стихотворения 1926–1932» так и не был подписан в печать. Публикация новой поэмы «Торжество земледелия», созданной в какой-то мере под влиянием хлебниковского «Ладомира», вызвала очередную волну травли автора в прессе. Звучали угрожающие обвинения Заболоцкого в формализме (тогда это был опасный жупел), мистике, юродствовании, примитивизме, физиологизме, идеализме и прочем. Вся эта дикая вакханалия убеждала поэта в том, что ему не дадут,

В 1938 году Заболоцкий был арестован и осужден по делу об антисоветской пропаганде. Срок он отбывал в Кулундинских степях Алтайлага. «Я нашел в себе силы остаться в живых», — напишет он в одном из своих поздних стихотворений

гладимое впечатление. Ведь Циолковский отстаивал идею разнообразия форм жизни во Вселенной, которая была очень близка Заболоцкому. Привлекала его и ключевая мысль калужского затворника о насущной необходимости для людей освоения космического пространства. Между ними завязалась переписка. В одном из писем Циолковскому Заболоцкий писал: «Ваши мысли о будущем Земли, человечества, животных и растений глубоко волнуют меня... В моих ненапечатанных поэмах и стихах я, как мог, разрешал их».

не позволят утвердиться в советской литературе со своим оригинальным направлением.

Последовали разочарование и творческий спад, охватившие середину 30-х годов. Помогли исповедуемые им принципы честности, твердости и упорства в противовес ударам судьбы, вера в целительную силу труда. И он продолжал неустанно трудиться в области детской литературы, сотрудничая с журналами «Еж» и «Чиж», которые патронировал Маршак, писал для детей стихи и прозу (в том числе, пересказал

«Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле). Эта работа обеспечивала достаточно скромные средства к существованию.

И вот, словно в награду за стойкость, судьба улыбнулась ему. Его положение в писательских кругах северной столицы постепенно укрепилось. Появились хвалебные отзывы на редкие журнальные публикации подборок стихов Заболоцкого, а в 37-м вышел долгожданный сборник его стихотворений под названием «Вторая книга». На рабочем же столе Николая Алексеевича кроме переводов грузинских поэтов лежали рукописи начатого поэтического переложения «Слова о полку Игореве» и собственной поэмы «Осада Козельска», посвященной героическо-

му сопротивлению жителей одного из городов древней Руси татаро-монгольскому нашествию.

Увы, наступившее благополучие оказалось недолгим и обманчивым.

19 марта 1938 года Заболоцкий был арестован, а затем осужден по делу об антисоветской пропаганде. В качестве обвинительного материала в его деле фигурировали злопыхательские критические статьи и клеветническая обзорная рецензия, тенденциозно освещавшая, а вернее искажавшая само существо и идейную направленность творчества поэта.

От смертной казни Николая Алексеевича спасло только то, что на допросах он не признал обвинения

в создании контрреволюционной организации, куда якобы должны были входить поэты Н. Тихонов, Б. Корнилов и ряд других. Но все же топор повис над его шеей, когда по запросу НКВД критик Н. Лесючевский накатал отзыв, в котором указал, что «творчество Заболоцкого является активной контрреволюционной борьбой против советского народа, против социализма».

«Первые дни меня не били, стараясь разложить морально и физически. Мне не давали пищи. Не давали спать. Следователи сменяли друг друга, я же неподвижно сидел на стуле перед следовательским столом — сутки за сутками. За стеной, в соседнем кабинете, по временам слышались чьи-то неистовые вопли. Ноги мои стали отекают, и на третьи сутки мне пришлось разорвать ботинки, так как я не мог переносить боли

в стопах. Сознание стало затуманиваться, и я все силы напрягал для того, чтобы отвечать разумно и не допустить какой-либо несправедливости в отношении тех людей о которых меня спрашивали...»

Перед нами отрывок из мемуаров Заболоцкого «История моего заключения». Этот поразительный по силе духа и человеческому достоинству документ впервые был опубликован в 1981 году за рубежом на английском языке и только в 1988 году — в Советском Союзе. Таким образом, автор, всю жизнь беззаветно преданный идеалам социализма, невольно оказался в роли диссидента.

Срок Николай Алексеевич отбывал с февраля 1939-го по май 1943 года в системе Востоклага, поблизости от Комсомольска-на-Амуре, а затем — в Кулундинских степях Алтайлага. Первое время его гоняли

Слева:

*Николай
Заболоцкий
в Комсомольске-на-Амуре*

*С женой
Екатериной
Клыковой
и дочерью
Натальей*

на работы по добыче озерной соли, в результате чего он попал в лазарет с болезнью сердца и был назначен чертежником. «Я нашел в себе силы остаться в живых», — напишет Заболоцкий в одном из поздних стихотворений. Частичное представление об его лагерной жизни дают письма к жене и детям.

Женился Николай Алексеевич в 1930 году на Екатерине Васильевне Клыковой, женщине яркой и неординарной. До встречи с Заболоцким она пережила кратковременный, но бурный роман с замечательным писателем Владимиром Гроссманом, автором романной эпопеи «Жизнь и судьба». Ее брак с Заболоцким был счастливым, и, тем не менее, случилось так, что Екатерина Васильевна ненадолго уходила к тому же Гроссману, а потом вернулась к Заболоц-

кому и уже не расставалась с ним до самой смерти поэта.

Он же временное расставание с горячо любимой супругой переживал крайне тяжело, хотя и сошелся в тот период с Натальей Роскиной, дочерью известного советского литературоведа, детского писателя и театрального критика. По мнению близко знавшего Заболоцкого Корнея Чуковского, уход жены усугубил проблемы со здоровьем, и без того подорванного тюрьмой и лагерем. В 1955 году он перенес первый инфаркт, через три года — второй и в октябре того же 58-го скончался.

Для Гроссмана их нашумевший в тогдашней Москве «любовный треугольник» тоже не прошел бесследно, наложив горестный отпечаток на его дальнейшую жизнь.

*С Натальей
Роскиной*

В октябре 44-го Екатерина Васильевна получила разрешение приехать с двумя детьми к мужу в село Михайловское на Алтае. Она привезла с собой начатую им еще в 1938 году рукопись перевода «Слова о полку Игореве». Этот перевод стал лучшим в ряду аналогичных опытов видных русских поэтов. И он же помог Заболоцкому добиться освобождения, а затем, в 1946 году, перебраться в Москву.

Общепризнанный авторитет в области поэтического перевода Корней Чуковский писал, что перевод Заболоцкого «точнее всех наиболее точных подстрочников, так как в нем передано самое главное: поэтическое очарование подлинника, его своеобразие, его прелесть». Сам же Заболоцкий описывал тот трепет, который испытывал в работе над переводом «Слова»: «Сейчас, когда я вошел в дух памятника, я преисполнен величайшего благоговения, удивления и благодарности судьбе за то, что из глубины веков донесла она до нас это чудо».

С весны того года вплоть до 48-го семья обитала в подмосковном дачном поселке писателей Переделкино, где Николай Алексеевич редактировал привезенный из Караганды перевод «Слова», другие переводные вещи и начал, наконец, снова писать стихи.

*Два крыла, как два огромных горя,
Обняли холодную волну
И, рыданию горестному вторя,
Журавли рванулись в вышину.*

Он многое пересмотрел в себе, и его поэзия тоже изменилась. Сделалась более ясной, открытой, сердечной. В ней появились новые, исповедальные ноты, новые темы и образы. Она начала опираться на твердую почву реальной действительности.

Еще до ареста, совершенствуясь в поэтическом творчестве, Николай Алексеевич увлекся живописью Филонова, Шагала, Брейгеля, научился видеть мир глазами живописца, и это умение осталось у него на всю жизнь. Он дружил со многими художниками, бывал у них в мастерских, и они частенько навещали к нему в гости на угол Беговой улицы и Хорошевского шоссе. Там, в квартире, заставленной книгами, он прожил остаток жизни. Иногда — спокойно и благополучно, порой — в мучительных переживаниях, в разладе с самим собой и с советской реальностью.

Два первых года хрущевской оттепели — 1956–58-й — стали последними просветленными годами жизни большого советского поэта: Николай Алексеевич за эти последние два года жизни создал около половины всех своих поэтических произведений.

В 1957 году в Москве вышел наиболее полный прижизненный сборник стихотворений Заболоцкого. И он продолжал «наращивать» их новый смысловой потенциал, предлагая читателям несвойственную ему ранее душевную открытость и автобиогра-

фичность («Слепой», цикл «Последняя любовь»), а кроме того обостренный психологизм («Жена», «Неудачник», «Некрасивая девочка» и др.) и даже злободневные политические мотивы («Противостояние Марса», «Где-то в поле возле Магадана», «Казбек»).

койно, а любовная драма добавила сердечных мук.

Наталья Роскина, с которой на время ухода жены сошелся Николай Алексеевич, вспоминала, что, уговаривая ее связать с ним свою жизнь, он со слезами на глазах повторял: «Если бы вы знали, как я одинок!»

Несмотря на участившиеся недомогания, Николай Алексеевич много выступал на литературных вечерах, ездил по стране с писательскими делегациями, старался вести жизнь «выдающегося советского поэта», каким его теперь стали величать. Ему вручили орден Трудового Красного Знамени, у него брали интервью газеты и радио, появился, наконец, материальный достаток, но на душе по-прежнему было очень беспокойно...

При этом Заболоцкий успел еще за эти два года сказать свое веское слово в переводах грузинских поэтов, включая классический шедевр — «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели. Несмотря на участившиеся недомогания, он много выступал на литературных вечерах, ездил по стране с писательскими делегациями, старался вести жизнь «выдающегося советского поэта», каким его теперь стали официально величать.

Ему вручили орден Трудового Красного Знамени, у него брали интервью газеты и радио, появился материальный достаток. Однако на душе у Заболоцкого было очень неспо-

А однажды, в минуту «душевной смуты» признался ей: «Я только поэт и только о поэзии могу судить. Я не знаю, может быть, социализм и в самом деле полезен для техники. Искусству он несет смерть». И это признание также отражает неизбывный трагизм судьбы крупного художника, свято верившего поначалу в торжество социалистических идей.

Мудрый сказочник Евгений Шварц и еще несколько человек, близко знавшие Заболоцкого, утверждали, что «поэтическое в нем было гипертрофировано и вытесняло все остальное». Он казался противоречивым. Рассказывали о его щедрости и его скупости, о его высокомерном пре-

зрению к людям и глубочайшем к ним сочувствии; о том, как он мог все понять, и как не понимал простых вещей — нарочно или по неумению... В нем смешивалось трогательное и жестокое, величавое и беспомощное, аскетические и барствянное.

Опубликованный в 1957 году лирический цикл «Последняя любовь» включает в себя удивительное по пронзительности чувства и всем нам хорошо памятное благодаря столь популярной в свое время песне стихотворение, посвященное Н. Роскиной: «Очарована, околдована \ С ветром в поле когда-то повенчана...»

...Екатерина Васильевна вернулась к мужу за пару месяцев до его

смерти. Они успели о многом переговорить и примириться. Николай Алексеевич простил жену. Она в смертный час закрыла ему глаза.

Похоронили поэта на Новодевичьем кладбище. После смерти стихи Заболоцкого стали широко издаваться, переводиться, изучаться литературоведами. И мы вновь и вновь будем открывать для себя их нестерпящее очарование.

*О, я недаром в этом мире жил!
И сладко мне стремиться
из потемок,
Чтоб, взяв меня в ладонь, ты,
дальний мой потомок,
Доделал то, что я не довершил. □*

ИЮЛЬ — макушка лета

Июль — середина лета, его пик.

В народном славянском календаре этот месяц, открывающий вторую половину года, назывался липень.

И действительно, в июле вовсю пышно и ярко цветут липы, разнося по округе свой сказочно-волшебный, тонко-сладкий аромат лета. А еще июль восточные славяне именовали страдником, сенозарником и грозником. Июль — горячее для крестьян время, ведь полевая страда в самом разгаре. С раннего утра, едва только начинало светать, жители сел и деревень сообща выходили на поля косить сено. С той далекой поры до нас дошла поговорка: «Чем росистее трава, тем легче косить». Это был очень тяжелый труд, неда-

ром в русском языке слова «страда» и «страдание» одного корня. К тому же нужно было спешить и торопиться, пока стояла жаркая и сухая погода, ибо июль славится своими грозами с порывистым ветром и дождями, которые внезапно могут сменить погожие летние деньки.

В самом начале месяца, 1 июля, наши далекие предки отмечали Ярилин день — один из самых важных летних языческих праздников восточных славян. Ярило — славянское божество молодого солнца. Его приход символизировал окончание вес-

Всеволод Иванов

ны: лето становится законной хозяйкой времени, вступая в свои права. Кстати, само имя Ярилы сохранилось в славянской топонимике, стоит только внимательно приглядеться. Так, в соседней с Россией Белоруссии есть река Ярынь и Ярыловая роща. В России же имеется Ярилова долина на Владимирщине и Ярилово поле в Костромской области. У тех же костромичей яр в стародавние времена означал пыл и жар, что указывает на древнюю этимологическую связь понятия с солнечным божеством. Да и поле пшеницы в ряде

регионов российского нечерноземья именовалось ярицей.

По народным поверьям, Ярило наделял природу в первый день июля своей живительной силой, и потому жители сел и деревень спешили с самого раннего утра умыться прохладной и чистой росой, которая считалась особенно целебной. Этой же росой старались окропить свои жилища и поля, чтобы придать им силу и мощь Ярилы.

Во второй половине июля, 20-го числа, славяне праздновали День Перуна. Это был необычайно важ-

ный и значимый праздник для всей общины, но, прежде всего, конечно, для ее мужской части, ведь Перунгромовержец был олицетворением мощных и грозных сил самой матушки-Природы. Можно даже сказать, что летний Перунов день был своеобразным мужским «профессиональным» праздником, таким, каким для нас сейчас является праздник 23 февраля.

В Перунов день способные держать в руках оружие мужчины приходили к капищу, на котором размещалось вырезанное из дерева (реже из камня) изображение богагромовержца, и освящали свое оружие: мечи, ножи, доспехи. Поминали и павших на поле боя своих предков и соплеменников. Рядом с капищем волхвы племени возжигали девять ритуальных костров: восемь по кругу и один в середине. В этом огненном круге, посвященном богу Перуну, воины сражались на мечах и кулаках, показывая роду свою молодецкую удаль, силу, выносливость и сноровку. Сражались, конечно же, не насмерть, но зачастую до первой крови. Выйти в такой огненный круг было делом хотя и почетным, но непростым: победитель мог нанести проигравшему весьма ощутимые и болезненные удары. Зато тот из мужчин, кто из-за собственной робости и страха так и не решался вступить в Перунов день в пределы огненного круга и показать всем, на что он способен в бою, подвергался всеобщему презрению и осмеянию.

В Перунов день происходил и обряд посвящения молодых отроков в мужчины. Перед началом трудной череды испытаний волхвы укладывали подростков на землю с закрытыми глазами. С этого момента и до окончания ритуала никто, кроме жрецов, не имел права с ними разговаривать: отроки считались как бы умершими для мира людей, а после успешного прохождения инициации должны были возродиться для племени уже полноправными членами рода.

Первым из череды испытаний было прохождение «огненной реки» — подростки должны были босыми преодолеть полосу из горячих углей шириной в несколько шагов. Для успешного прохождения испытания, чтобы не получить ожогов, им требовалось войти в особое состояние отрешенности — качество, чрезвычайно важное в бою для будущего воина. И кстати, древняя традиция хождения по горячим углям сохранилась в ряде сельских районов славянской Болгарии, неизменно притягивая и завораживая оказавшихся в этих краях туристов.

В ходе второго испытания будущие воины должны были с завязанными глазами найти путь к родовому столбу (или заранее выбранному дереву), удаленному от них на расстояние 30–40 метров. Суть состязания заключалась в умении ориентироваться на местности, используя лишь собственные слух и осязание. На третьем задании его участ-

ники должны были среди россыпи разнообразных вещей отобрать самые нужные для воина в бою и ответить на ряд сложных вопросов-загадок.

Четвертое испытание состояло в том, что молодежь должна была остаться целой и невредимой во время устраивавшейся на них импровизированной «охоты»: испытые-

лых воинов. Ну а затем в поле устраивался роскошный и веселый пир с неизменными хороводами, песнями, и, конечно же, угощением для всех, от мала до велика.

...Как известно, худой мир лучше доброй ссоры. И хотя нашим далеким предкам, как и большинству народов той эпохи, приходилось воевать весьма часто, мирное время,

Всеволод Иванов

мые должны были уйти от погони, незаметно проскользнуть через цепь часовых и вернуться к месту начала состязания, коснувшись листьев священного родового дерева. Только после успешного прохождения всей череды испытаний молодые люди возвращались уже в качестве полноправных защитников рода, сильных и ловких, отважных и сме-

посвященное возделыванию земли, каждодневным трудам и заботам, славяне ценили все-таки больше военных баталий. И, видимо, недаром уже в нашем 21-м веке Организация Объединенных Наций учредила в 2011 году Международный день дружбы, отмечаемый в последний день июля, то есть 30-го числа. □

Алла
Зубкова

Анри Бейль

СТЕНДАЛЬ

Сердцевед

При жизни произведениями этого писателя восхищались Гете, Байрон, Бальзак, Пушкин. Сам себя он именовал «наблюдателем человеческого сердца». В этом не было преувеличения. Анри Бейля, известного миру под псевдонимом Стендаль, по праву можно причислить к величайшим писателям-психологам всех времен. Мировая литература в неоплатном долгу перед ним. Раскольников Достоевского был бы немислим без Жю-

льена Сореля из «Красного и черного», а Лев Толстой сам признавал, что военные сцены в «Войне и мире» не так удались бы ему, если б он не изучал описание Ватерлоо в стендалевской «Пармской обители».

Характер великого француза был соткан из противоречий. Во время наполеоновского похода в Россию он поражал всех своим мужеством и стойкостью, но мог из-за глупенькой, посредственной актриски бросить все и служить в провинциальной бакалейной лавке. Его страсть к мистификациям и розыгрышам стала притчей во языцех в парижском обществе. Ему как будто мало было двух сотен псевдонимов, которыми он подписывал свои письма, он и похоронить себя распорядился под чужим именем.

Анри Бейль появился на свет в Гренобле 23 января 1783 года в семье зажиточных горожан. Отец его, Шерубен Бейль, адвокат местной судебной палаты, был человеком мрачным, алчным, лицемерным, отравлявшим жизнь домашних. С малолетства душевный склад сына был чужд отцу, и близости между ними никогда не существовало. Мать будущего писателя, голубоглазая красавица с волнами золотистых вьющихся волос, была натурой сентиментальной, тонко чувствующей. Она обожала сына. Ей обязан Анри своей страстностью в любви и болезненной, почти женской нервной восприимчивостью. К сожалению, мальчик осиротел не полных восьми лет от роду. Отцу было в тягость возиться с детьми (у Анри были еще две младшие сестры), и к ним переехала незамужняя сестра умершей мадам Бейль, которая под дав-

лением вдовца заняла место в его опустевшей супружеской постели. Мальчика воспитывал дед по материнской линии — почитатель Вольтера, просвещенный гуманист, видный общественный деятель Гренобля. Он руководил чтением внука. Мальчик хохотал, наслаждаясь «Дон Кихотом», обливался слезами над сентиментальными романами Ричардсона, поглощал Корнеля, Мольера и Лафонтена, «Новую Элоизу» Руссо и «Неистового Роланда» Ариосто. В тринадцать полюбил Шекспира и читал «Энциклопедию». Позднее отец поручил воспитание сына аббату-иезуиту, которому удалось одно: вызвать в мальчике равнодушие и недоверие к религии, ненависть к иезуитам и клерикалам. Зато другого своего учителя, талантливого геометра Гро, Анри искренне полюбил и под его влиянием увлекся математикой.

Вскоре он поступил в гренобльскую центральную школу, которую окончил в 1799 году, получив первую награду по математике. Теперь перед ним был открыт путь в Париж, где как раз захватил власть молодой генерал республики Бонапарт, победами которого юный Бейль восхищался так же, как очень многие его современники.

Приехав в Париж, он, однако, не стал поступать в Политехническую школу, как намеревался раньше. Вместо экзаменов посещал театры, увлекался актрисами, начал даже писать комедию, которую, впрочем, скоро бросил. Затем, как и решено было в Гренобле, юноша явился к дальнему родственнику своей семьи — Пьеру Дарю, занимавшему высокий пост в военном министерстве, и тот взял Анри на работу к себе. Канцелярская деятельность, разумеется, не была тем, о чем мечтал горячий юноша, но здесь его ждала удача: Дарю позволил ему принять участие во втором итальянском походе Бонапарта. И вот уже Анри в зеленом с ярко-красными обшлагами мундире сублейтенанта драгунского полка легкой кавалерии совершает переход через Сен-Бернар и почти сразу же попадает на фронт. Офицеры с симпатией отнеслись к пухлому, не очень ловкому семнадцатилетнему юноше. Они по-товарищески обучали его тонкостям верховой езды, показывали, как правильно опоясываться саблей, открывали тайны военного ремесла. Кстати, Анри стал

исключительно метким стрелком. Даже в зрелые годы он был способен, сидя в движущейся коляске, выстрелом из пистолета срезать летящую птицу.

В 1801 году Бейль победителем вступил в Милан, город, которому суждено было сыграть огромную роль в его жизни. Он стал завсегдаем и пожизненным поклонником театра «Ла Скала», с его очаровательными операми Чимарозы и восхитительными певицами. Увы, несмотря на свой огромный палаш и сапоги с отворотами, Анри оставался необычайно застенчивым. Теперь его приятелями были грубые весельчаки, отчаянные рубаки. Смеясь и горланя песни, они переходили с одной артиллерийской позиции на другую, из одной таверны в другую, из одного публичного дома в другой. И везде с ними был Бейль, приобретающий вместе с боевыми навыками военно-холостяцкие замашки.

Боевые действия продолжались, и Анри принимал самое деятельное участие в тридцатидневной кампании, решившей участь Северной Италии. По свидетельству начальства, в дни битвы при Кастель-Франко Бейль в течение многих часов подряд не выходил из линии огня противника, хладнокровно и спокойно выполнял все даваемые ему поручения и непосредственно участвовал в атаках. В нем была та хладнокровная четкость военного администратора, которая впоследствии сделала из него одного из са-

мых серьезных интендантов Великой армии.

Очередной тур наполеоновских войн закончился весной 1802 года Амьенским договором. Но скромному подпоручику мир ничего не сулил. Единственная его надежда — Париж. Выйдя в отставку и вымолив у отца ежемесячное пособие в сто пятьдесят франков, он приехал в столицу. Желая стать писателем, работал по двенадцать часов в сутки, читал Монтеня, Шекспира, Монтескье. И, разумеется, мечтал о славе Мольера.

но пришел к выводу, что кумир, хотя и прекрасен, но непроходимо глуп. Он начал скучать в ее обществе и даже обрадовался, когда контракт Мелани закончился, и она облачком уплыла в Париж.

По протекции все того же влиятельного родственника Дарю Бейль вернулся в армию. Был сначала интендантом императорских владений в Брауншвейге, а затем помощником военного комиссара. Среди треволнений и опасностей он совершенно преобразился. Располагая

Очередной тур наполеоновских войн закончился Амьенским договором. Но скромному подпоручику Бейлю мир ничего не сулил. Единственная его надежда — Париж. Выйдя в отставку и вымолив у отца небольшое ежемесячное пособие, Анри приехал в столицу. Желая стать писателем, работал по двенадцать часов в сутки и, разумеется, мечтал о славе Мольера

На курсах декламации он познакомился с молоденькой актрисой Мелани Гильбер и страстно в нее влюбился. В 1805 году Мелани пригласили в марсельский театр, и Анри, будучи не в силах расстаться с любимой, отправился следом за ней в Марсель и устроился на работу в бакалейную лавку. Однако, снимая копии с коммерческой корреспонденции, выполняя поручения на таможне и бирже, он в свободное время трудился над очередным драматическим шедевром и много читал. Увы, живя с кумиром своего сердца, Анри постепен-

огромной властью, приобрел суровость манер, сдержанность, упругость походки. А однажды проявил истинный пример отваги. Как-то генерал Ларивоньер совершил неосторожный поступок: вывел из Брауншвейга весь гарнизон. Этим воспользовались местные молодые заговорщики, решившие поднять бунт против Бонапарта, и им удалось поднять все население. Их целью было убить военного комиссара, перерезать французов, лежащих в госпиталях, и изгнать оккупантов. Толпа с криками «Смерть комиссару!»

остановила его коляску. Отстреливаясь, Бейль ворвался в госпиталь, кричал на растерявшихся офицеров, превратил госпитальные окна в бойницы, собрал наиболее здоровых и сильных во дворе госпиталя и, первым отрыв ворота, мгновенно разогнал толпу на площади и водворил порядок.

В свободное время военный комиссар по-прежнему не расставался с книгами и пером. В 1808 году он набросал «Путешествие в Брауншвейг», описав свои наблюдения. Однажды судьба привела Бейля в маленький саксонский средневековый городок под названием Стендаль. Дни, проведенные в нем, были полны спокойствия и очарования. Эти впечатления отпечатались в памяти Анри, но прошло еще много лет, прежде чем он стал подписывать свои книги и письма псевдонимом «барон де Стендаль».

Способности его не остались незамеченными, и император назначил Анри аудитором Государственного совета. Он стал близок к верхам и уже всерьез подумывал о баронском титуле. У него были любовница-танцовщица, собственный кабриолет, досуг для размышлений об искусстве, но все-таки он скучал. И тут началась война с Россией. Эта сказочно далекая страна давно манила его. Какая неповторимая возможность взглянуть на Кремль и москвитов, с комфортом проехаться на восток за государственный счет. И мечты Анри сбылись, он получил от императрицы Марии-Луизы объемистый пакет

писем к державному супругу; и ему торжественно вручили полномочия доставить тайную корреспонденцию в Москву, путешествуя в повозках экстра-почты или в санях с теплыми меховыми полостями.

Покинув Париж 23 июля, Бейль 20 августа прибыл в ставку Наполеона под селом Красное. Пробыв несколько дней в охваченном огнем Смоленске, он стал свидетелем Бородинского сражения, а потом вместе с главными силами проделал путь до Москвы. Впоследствии он использовал картины, открывшиеся перед ним, для описания в романе «Пармская обитель» битвы при Ватерлоо, которую он не видел. На Бейля очень сильное впечатление произвел пожар Москвы и поголовное бегство населения из всех занимаемых французами городов. А вскоре, осознав величие подвига русского народа, он написал: «Сожжение Москвы было истинно героическим актом. Ростопчин (главнокомандующий Москвы) — это характер позднего Рима, а вовсе не злодей, каким его изображают. Его действия были вполне целесообразны. Они остановили развертывание операций Наполеона».

В середине октября Анри получил новое назначение — стал Генеральным директором снабжения продовольственным резервом. Эта должность требовала от него напряжения всех сил, огромного самообладания и находчивости: он должен был хоть как-нибудь снабдить провиантом французские войска во время их от-

ступления. Бейль получил от высших чинов командования три миллиона фальшивых русских рублей и приказание во что бы то ни стало обеспечить отступление большей части французской армии. Могилев, Смоленск, Витебск и, наконец, Березина — все это связано с именем скромного военного интенданта, который зачастую забывал о сне, еде, отдыхе. Но зато никогда не забывал ежедневно бриться, пользуясь даже ледяной водой, чинить свое белье и обмундирование. В конце ноября Бейль получил от Наполеона по-

здравление за его снабженческие операции. Гладко выбритый, но истощенный голодом, Анри в кибитке отправился по обледенелым болотным камышам Мазурского края к Балтийскому морю и, едва не попав в руки казаков атамана Платова, достиг, наконец, Кенигсберга.

Он вернулся в Париж никем и никак не награжденный и материально совершенно не обеспеченный. Ему и в голову не пришло обогатиться за счет сотен и тысяч раненых и искалеченных людей. Во Франции ему поручили организацию обороны района

Гренобля. Но Империя уже разваливалась. После потери Парижа Анри Бейль, аудитор Государственного совета, подписав согласие на низложение Наполеона, расстался со своей карьерой и окончательно вступил на путь литературы.

С лета 1814 года по лето 1821-го Анри жил в Италии, изредка покидая ее для Гренобля, Парижа и Лондона. Ему исполнилось тридцать два года, когда в Париже появилась его первая книга — «Жизнеописание Гайдна, Моцарта и Метастазии». Сочинение вышло за подписью Сезара Бомбе. Книга эта — чистейшей воды компиляция, и автора вполне справедливо обвиняли в плагиате. В 1817 году были изданы его двухтомная «История живописи в Италии» и «Рим, Неаполь и Флоренция в 1817 году, господина де Стендаля, офицера кавалерии». Отныне и до конца своих дней Бейль становится Стендалем.

Ему уже исполнилось сорок лет. Он часто бывал в театрах, посещал светские гостиные. Познакомился с совсем еще молодым и очень талантливым Проспером Мериме, будущим автором «Кармен», а также сблизился с друзьями А.С. Пушкина — А.И. Тургеневым, С.А. Соболевским и П.А. Вяземским.

Увы, надежда отдохнуть душой в Италии не оправдалась, и Анри решил вернуться на родину. По возвращении весной 1824 года снова потекла уже обычная парижская жизнь: театры, светские салоны и гостиные столы. Завершались вечера, как пра-

вило, у певицы Паста. Эта итальянка с восхитительным голосом соперничала в славе с гениальным Тальма. Паста выступала в «Танкреде», «Отелло», «Ромео и Джульетте». Любил ли Бейль эту женщину? Быть может! Но он ограничивался, как он сам говорил, лишь строгой и преданной дружбой. И как бы упорно молва ни называла его любовником мадам Паста, документальных подтверждений этого нет. Здесь, наверное, будет уместно привести слова Мериме, который утверждал, что Анри был постоянно влюблен и всегда несчастливо.

Возвращаясь домой, Бейль до поздней ночи сидел за письменным столом. Страница за страницей возникала «Биография Россини», вышедшая в свет в 1824 году и имевшая шумный успех у критики и публики. А еще через два года всего за тридцать один день он написал свой первый роман «Арманс». Друзья объявили этот роман неудачным. Мериме уверял, что в развитии действия нет логики. Исключение составлял лишь Бальзак. Сам Стендаль всегда с удовлетворением перечитывал «Арманс», хотя это произведение выглядит рядом с другими его романами как этюд, а не картина. Написав «Арманс», писатель убедился, что он уже умеет изображать «человеческое сердце».

Осенью 1829 года вышла в свет книга Стендаля «Прогулки по Риму» — два тома чарующих наблюдений большого ума и удивительного сердца. Закончив новеллу «Ванина Ванини», Стендаль усиленно работал

над новым романом, который первоначально назывался «Жюльен», а потом «Красное и черное». Книга дошла до России. Пушкин не мог оторваться от нее. Весной 1831 года он писал Елизавете Хитрово: «Умоляю Вас прислать мне второй том «Rouge et Noir». Я от него в восторге».

Между тем финансовое положение Стендаля было, мягко говоря, незавидным. Обеспечить «верный кусок хлеба» литературным трудом он мог лишь в те годы, когда сотрудничал в английских журналах. Даже куда более плодовитый Бальзак был неоп-

требовал простора во времени, не терпел спешки. Порой, жаловался он, приходилось размышлять 20 вечеров, чтобы рассказать о поступках персонажа в двадцати строках.

Стендаль уже давно хотел поступить на службу, но лишь осенью 1830 года благодаря хлопотам друзей получил должность французского консула в Триесте. Правда, довольно скоро его перевели в Чивитавеккья, небольшой порт в Папской области в шестидесяти километрах от Рима. Став консулом, он по-прежнему не отличался практичностью, жил,

С

тендаль усиленно трудился над романом, который первоначально назывался «Жюльен», а потом «Красное и черное». Увидев свет, книга имела ошеломляющий успех и дошла до России. Пушкин не мог оторваться от нее. Он писал Елизавете Хитрово: «Умоляю Вас прислать мне второй том «Rouge et Noir». Я от него в восторге»

латным должником издателей. Чтобы сводить концы с концами, Стендаль должен был сочинять по два-три романа в год. Писал он быстро, ему удавалось закончить роман и в несколько недель. Но вот следующий созревал в нем не скоро. Жорж Санд способна была, поставив под рукописью слово «конец» в два часа ночи, сейчас же приняться за сочинение другой книги. Стендаль не сочинял. Он мечтал, фантазировал, вынашивал каждый эпизод и лишь потом импровизировал его. Этот стиль работы

по его собственным словам, как «птица на ветке». Но теперь, по крайней мере, располагал окладом в 10 тысяч франков и мог заплатить за обильно расшитый золотом мундир семьсот франков (что было равно почти половине гонорара за «Красное и Черное»).

Чивитавеккья оказалась неприветливой. Стендаль жаловался в письмах на вредоносный климат Тирренского моря, на изнуряющую малярию. Врачи издавна обнаруживали у него чрезвычайную впечатлительность и свя-

занную с ней редкостную нервную возбудимость. Ссылаясь на состояние здоровья, Стендаль просил перевести его в Испанию, а также мечтал о службе в Парижской Королевской библиотеке. В это же время он приступил к работе над романом «Люсьен Левен». Долгое время существовала версия, что Стендаль даже зашифровал роман им самим изобретенным шифром, а затем спрятал рукопись и шифр под половицу. Это не так, просто у него был очень неразборчивый почерк, и чтение его рукописей требовало специальной подготовки. Роман «Люсьен Левен» полностью был опубликован лишь в 1926–27 и 1929 годах

четыре новеллы. Эти и другие небольшие произведения стали фундаментом для нового огромного «здания». 4 ноября 1838 года на улице Гедо-де-Моруа Стендаль начал диктовать текст стенографу. Через 52 дня, 26 декабря, роман был окончен. Так появилась «Пармская обитель», роман, посвященный жизни Италии после падения наполеоновской монархии. Главные герои словно сошли с полотен Леонардо да Винчи, Гвидо Рени, Корреджо. Граф Моска чрезвычайно напоминает самого Стендаля.

Однажды, когда Анри был увлечен описанием битвы при Ватерлоо, его навестил друг Пушкина, князь

А

Анри любил путешествовать и много разъезжал, но при этом не переставал неустанно и ежедневно работать. Изучая старинные хроники, написал четыре новеллы. Эти и другие небольшие произведения стали фундаментом для нового романа «Пармская обитель», посвященного жизни Италии после падения наполеоновской монархии. Образ героя романа графа Моски чрезвычайно напоминает самого Стендаля

под названием «Люсьен Левен» («Красное и белое»).

Весной 1836 года консулу Бейлю удалось, наконец, получить отпуск, и он отправился в Париж, который так любил. Проведя там три года, он много разъезжал и работал с наслаждением, неустанно, ежедневно. Изучая старинные хроники, написал

П.А. Вяземский. На столе писателя лежали планы Москвы и Бородинского боя, а кругом валялись портреты Кутузова и Барклая де Толли. Бейль хотел использовать батальные сцены войны 1812 года для описания картины битвы при Ватерлоо. Этой битвы он не видел, зато был свидетелем Бородина. Не все кри-

тики сразу оценили гениальность этого произведения, но Бальзак почти сразу же разразился статьей, в которой назвал Стендаля «одним из тончайших мастеров литературных идей».

После долгого отпуска Анри вынужден был вернуться в Италию. Он продолжал создавать новые произ-

ведения. Успевал заниматься и археологическими раскопками. Писатель смолodu метко стрелял, вот и сейчас любил побродить по побережью с ружьем в сопровождении двух своих собак, но убивать никого не собирался — пусть живые живут!

А еще любил пофантазировать о несбыточном. О чем же фантази-

ровал почти пятидесятилетний автор «Красного и черного» и «Пармской обители»? «Как много ребяческого сохранилось в этой голове!» — иронически восклицал Стендаль. К примеру, он мечтал превосходно играть в карты, на бильярде, в шахматы и ежедневно находить в своем кармане золотую монету. Едва произнеся слова «Прошу накормить меня», он должен был тотчас обнаружить перед собой два фунта хлеба, бифштекс, жаркое из баранины, бутылку вина, мороженое, фрукты и полчашки кофе. Десять раз в год Анри желал получить возможность переноситься в любое избранное им место на земле со скоростью сто лье в час. Были у него и другие, более реалистичные и даже печальные пожелания, к примеру, умереть от апоплексического удара во сне, без мучений.

Между тем состояние здоровья писателя неуклонно ухудшалось. Его мучали невыносимые головные боли. Он пережил несколько легких ударов. «Я вдруг забыл все французские слова», — сказал он как-то своему близкому знакомому. Стендаль стоически молчал о своих страданиях и не узнавал у доктора, как называется его болезнь, чтобы не думать о ней. Его лечили кровопусканиями. Он опять получил отпуск и через Женеву поехал в Париж. Несмотря на строжайший запрет врачей, неустанно продолжал работать: оттачивал новеллы и хроники, занимался пе-

реработкой любимого детища — «Пармской обители».

22 марта 1842 года по дороге к знакомой Стендаль, внезапно сраженный ударом (инсультом), упал на узком тротуаре Новой улицы Капуцинок. Его отнесли в ближайшую лавку, уложили на скамью между мешков и пакетов, а затем в бессознательном состоянии на руках перенесли на улицу Птишан и вызвали врачей, которые сделали все, чтобы привести его в сознание. Увы, медицина оказалась бессильна. Пульс затихал медленно, и с последним вздохом великого писателя около двух часов ночи 23 марта 1842 года наступило то успокоение, которое никогда не было ведомо этому всегда беспокойному и мятущемуся духу. Бейль сказал однажды, что желает смерти быстрой и неожиданной, и он получил именно то, о чем просил.

На Монмартрское кладбище его провожало всего несколько друзей, среди них были Проспер Мериме и Александр Тургенев, который пятью годами ранее сопровождал убитого Пушкина в Святые горы. На простом каменном постаменте, согласно желанию писателя, была высечена надпись:

Ариго Бейль

Миланец

Жил

Писал

Любил ...

Это была последняя мистификация великого сочинителя. □

Кселена Литвинова

КИНО

Свет проектора льется в окно...
День и ночь — смена действий, не боле:
Я смотрю этой жизни кино,
Я играю в нем разные роли.

Развернулись события в ряд,
Все в прямом происходит эфире...
Сутки, словно секунды, летят
В раскадровке на двадцать четыре...

И командует кто-то: «Мотор!..»
И иду по сценарию дальше...
Как играю! Смотри, режиссер!
Без дублера, повтора и... фальши.

Мой сюжет был задуман Судьбой,
(Как угодно Судьбу назовите...)
В своей жизни я — главный герой,
А в чужой — лишь в массовке и ... зритель...

СОН...

В который раз все то же снится...
Так ясно, словно наяву,
Что я — израненная птица,
Подняться в небо не могу...

Знать бы, что будет:
Грядущее — мутно,
Ждать ли удачи, ждать ли беды...
Все-таки люди —
Послушные куклы
В ловких руках своенравной Судьбы...

ЭТО АНГЕЛ ВЗДОХНУЛ...

Сегодня Ангел мой грустит на крыше...
Он свесил крылья над моим окном
И на стекле дождем осенним пишет
За незаконченным письмом — письмо.

Такой уж я, тебе со мной не просто...
Бывало все — от неудач до бед...
Но зажигал во тьме всегда ты звезды,
Когда надежды не было на свет...

Мои ошибки — птиц крикливых стая...
Тревожат душу, вспоминаю лишь...
Не упрекаешь и не осуждаешь...
Ты просто ждешь, и веришь, и... грустишь.

И пишешь письма: узнаю твой почерк,
А как иначе, ты ведь Ангел мой...
Среди размытых слов, прозрачных строчек
Читаю, как молитву: «Я с тобой...»

Дарья Булатникова

ОХОТА на Елену Прекрасную

Глава тринадцатая

Ментов мы так и не дождались. Когда во дворе немного поутихло, Алекс обратился ко мне с предложением:

— Не хочешь прогуляться к реке?

Шататься по Бляховке и служить кормом злобным кровососам мне совершенно не хотелось. Но надо смотреть правде в глаза — дома нам спокойно пообщаться не дадут, тут на каждый квадратный метр приходится по три индивидуума, склонных к приключениям на свою голову.

— Пойдем, — кивнула я. — Только купальник надену. На берегу полно комаров, зато вода сейчас просто чудесная — самое время окунуться.

По дороге к речке Алекс шептал мне на ухо всякие милые пустяки, и вообще неожиданно повел себя как заправский сердцеед. Самый потрясающий комплимент он изрек, когда мы доковыляли, наконец, до прибрежного ивняка.

— Алисс, ты непременно понравишься моей бабушке! Гарантирую!

— Ты в этом уверен? — удивилась я, так как никогда не задумывалась, какое впечатление могла бы произвести на пожилую английскую леди. По идее, ей должны нравиться девушки совершенно другого типажа.

— Уверен, — подтвердил Алекс и, нежно поцеловав меня, добавил: — Знаешь, почему я согласился поехать в Россию?

Окончание. Начало в №6, 2020.

— Чтобы увидеть родину предков?

— Родину я уже видел — десять лет назад специально приезжал в Москву. И даже дом Моршанских нашел, в нем сейчас банк размещается. — Он помолчал немного и снова заговорил: — Нет, в этот раз я точно знал, что еду, чтобы повстречать в России совершенно необыкновенную девушку. Только не мог и предположить, что она спасет мне жизнь.

— Ты преувеличиваешь, — запротестовала я.

— Нет, тут явно прослеживается рука судьбы — именно в этом месте я должен был найти тебя.

— Только потому, что ушлый пейзажник девяносто лет назад утащил у твоего прапрадеда бювар и гипсовую собачку со статуэткой?

— А что? — хмыкнул он. — Это символично — он потерял, а я нашел.

— Ну, скорее, я тебя нашла.

— Это тоже символично!

Так мы лениво болтали, но Алекс вдруг замолчал на полуслове, вслушиваясь в тишину, и шепнул мне:

— Тс-с-с... Одевайся скорее, там кто-то появился!

— Где?

— Там, где мы лазали днем в подвале и на чердаке.

Только тогда я увидела, что где-то в стороне появился необычный свет, похоже, что за углом того самого дома остановилась машина, и сквозь листву деревьев пробивается отсвет фар. Раньше его точно не было.

Кое-как натянув одежду на мокрое тело и обувшись, мы, стараясь двигаться бесшумно, пошли по дорожке, шепотом споря друг с другом. Алекс требовал вернуться домой и запереться на все засовы, я же хотела посмотреть, что творится во вражеском бастионе, как называл соседний дом Борька.

— Я не пущу тебя туда! — упрямо шипел Алекс, тесня меня вправо. — Ты забыла, на что способны эти типы?

Я не забыла, но надо же было хотя бы краем глаза взглянуть на врагов и услышать, о чем они говорят. Но упрямый англичанин пообещал в этом случае сбегать за моими домочадцами, чтобы поднять шум и вернуть меня в лоно семьи. Вряд ли он осуществил бы угрозу, но тут вдруг первый этаж соседнего дома озарился светом. А так как на окнах не было не то что занавесок, но даже стекол, ярко осветилась и прилегающая территория. Подкрасться незаметно стало весьма проблематичным. Оставался только заросший склон и уже обжитые заросли хрена. Но вряд ли из них я рассмотрю что-то внутри помещений, разве что потолок. А вот подслушать...

— Ну, что там? — внезапно завопил кто-то сверху, как мне показалось, с крыши. — Все тихо?!

— Тихо! — отозвался кто-то снизу. — И не ори так, всех собак перебудешь.

— Тогда поехали, доложим спонсору! — рявкнул тот же голос.

— Да заткнешься ты или нет? Блажишь на всю округу, как труба иерихонская.

С крыши донесся демонический хохот, и все стихло. Мы стояли, навострив уши и затаив дыхание. Через пару минут свет в доме погас, потом раздался звук мотора, свет фар спустился вниз по дороге и скрылся за поворотом.

— Уехали, — разочарованно вздохнула я.

— Вот и хорошо, — обрадовался Алекс, обнимая меня за плечи. — Хватит с нас на сегодня приключений!

— Но одно мы выяснили — у этих типов есть заказчик.

— Спонсор? Это несколько другое понятие...

— Думаю, что в данном случае — одно. Значит, они не по собственной инициативе за нами шпионят и пакостят. Кто-то поручил им это и заплатил денежки. Теперь осталось узнать, кто. Ты спрашивал у бабушки насчет Грегори?

— Спрашивал. Говорит, вроде бы отправился по делам в Гонолулу. Но проверить, где он на самом деле находится, невозможно.

— А кроме Грегори кто еще мог знать о цели вашей поездки?

— Да кто угодно.. Тот же бывший муженек тети Сандры — Питер. Ужасно скользкий и подлый тип. Могла слышать Джейн, горничная, она как раз поливала цветы, когда бабушка давала нам инструкции.

— М-да, подозреваемых пруд пруди... — загрустила я. — Впрочем, для нас это не главное. Наше дело — как можно быстрее найти статуэтку. Тогда посягательства сами по себе прекратятся.

— Хотелось бы верить. В то, что найдем, и в то, что прекратятся. Ну что, продолжим нашу прогулку?

— Вообще-то, нам завтра предстоит куча дел... — Я вздрогнула, чувствуя под сарафаном мокрый купальник. — Может, пойдем домой, а?

— Конечно! — поддержал Алекс. — Ты наверняка устала и хочешь спать.

Как я хочу спать, я поняла, добравшись до своей комнаты. Сил хватило только на то, чтобы влезть в пижаму и заползти под одеяло...

Глава четырнадцатая

На этот раз мне удалось проспять до десяти часов. Что для меня, в принципе, немислимо. Но факт — проспала. Правда, ощущение при пробуждении было таким, словно я провела все это время в муравейнике. Вот они, прогулки с комарами — щеки распухли, веки отекали, ноги чесались. В Доме

было на удивление тихо. Зато со двора слышался гул голосов, словно там шло собрание нашей коммуны.

Ополоснувшись из рукомойника и кое-как продрав глаза, я сварила кофе и с чашкой вышла на крыльцо. Молча постояла, потом вернулась в свою комнату за фотоаппаратом, так как зрелище было достойно увековечения. Во дворе вокруг емкости с хламом на табуретках и ящиках сидели практически все. Только археологов и деда с Макрайстером я не обнаружила. Ну, это понятно — одни в подвале, другие на рыбалке. Все остальные, даже мамуля, старательно копались в барахле, напоминая группу старьевщиков за разделом добычи. Борька руководил процессом, то и дело заглядывая в большие картонные коробки, куда скидывали просмотренное. Туда летели жестяные банки из-под монпансье, драные ботинки, раздавленные картонные коробки и изъеденные молью валенки. А еще... Чего там только не было!

— Я нашла подкову! — похвасталась Сонька. — Это на счастье! И три фотографии усатых мужчин, правда, грязные, но кое-что видно.

— А у меня одно тряпье, — проворчала Аллочка, брезгливо отшвыривая драные портки.

— А еще мы нашли буденовку! — сообщила мамуля, рассматривая помятую алюминиевую миску. — Настоящую.

Я вздрогнула. Сразу вспомнился Мишин рассказ о роли бляховцев во время гражданской войны. Небось, отравили местные душегубы несчастного солдата, а обмундирование присвоили.

— Буденовку отдадим Диме с Денисом. Может, для музея сгодится, — кивнул Кеша.

Солнце стояло уже довольно высоко и ощутимо припекало. За забором со стороны дороги появился любопытный Андреич и поинтересовался, зачем это мы всем табором роемся в мусоре?

— Да вот, сарай расчищаем, — туманно ответил Борис, щелкая ногтем по доньшку древней закопченной сковородки. Думаю, что после такого заявления Андреич счел нас законченными скопидомами и барахольщиками.

Наконец дело явно приблизилось к завершению, хлама осталось на самом дне короба. Аллочка отправилась готовить обед, а я через справочную дозвонилась до фирмы «Мэри Поппинс» и попросила прислать грузовик за мусором и древним, но очень ценным мотоциклом. Девичий голос на том конце явно напрягся:

— В Бляховку? Опять?

— Не опять, в прошлый раз заказывали наши соседи. И нам очень понравились ваши сотрудники. Так пришлете?

— А куда мы денемся, — вздохнула девица и пообещала, что через пару часов машина с грузчиками приедет.

— Ну что? — поинтересовалась я у заметно погрузневшего братца.

Тот в ответ молча пожал плечами. Кеша, пользуясь своим ростом, легко влез внутрь емкости и проверил все оставшиеся там щепки и прочий мусор. Потом крикнул:

— Все, можно засыпать обратно, тут ничего нет!

Итак, титанический труд был проделан напрасно. Никаких следов «Елены Прекрасной» и гипсовой собачки не обнаружено.

— Пошли на речку пыль смывать, — предложила Борису Сонька.

— Вы идите, а я тут еще из сарая всякую фигню потаскаю, пусть заодно увезут. Все дышать легче будет, — отмахнулся он.

— Тогда и я с тобой, — вздохнула я.

Борька подтащил к двери сарая ящик и принялся меланхолично кидать в него пыльные пузырьки из-под лекарств. Я прошла вдоль полок в дальний угол и обнаружила там древний плетеный из лозы сундук. В предвкушении находок откинула крышку. Там лежали брезентовый бушлат, задеревеневший от старости, зипун, кудрявая шерсть с которого наполовину обсыпалась, едва я его вытащила, пять штук кирзовых сапог, причем, четыре из них на правую ногу, и...

— Алекс!!! — заорала я так, что под дощатой крышей заметалось эхо. — Скорее иди сюда!

Перепуганный англичанин примчался с эмалированной кружкой, из которой расплескивался квас. Увидев, что со мной все в порядке, укоризненно покачал головой.

— Смотри, что я нашла! — с торжествующим видом протянула я ему... Нет, угадать ценный предмет в этой заскорузлой, местами прожженной пластине было сложно. Я бы без зазрения совести выбросила ее, если бы не случайно упавший на темную, почти черную поверхность солнечный луч из маленького оконца. Именно он высветил тиснение — почти стершиеся знакомые буквы, вензель, сплетенный из «М», «И» и «О». Только тогда я поняла, что держу в руках сплюсненную кожаную папку.

Алекс осторожно отставил кружку и схватил находку. Пришлось приложить усилие, чтобы разлепить ее, а когда папка раскрылась, стали видны внутренние кармашки и ремешки-прихватки.

— Бювар? — спросил он, словно не веря собственным глазам.

Я кивнула и опять нырнула с головой в сундук. Но там больше ничего не было.

— Ничего, — разочарованно сообщила я Алексу. — Пошли наружу, там рассмотрим.

Мы устроились за столом под яблоней и разложили на нем папку. Когда-то она была, видимо, сделана из хорошей, мягкой кожи. Похоже, у папки или, скорее, футляра были металлические уголки, от которых

теперь остались только рваные дырки в местах их креплений. И такие же дырки в середине — наверное, там крепилась еще какая-то металлическая штука.

С помощью ножа мы осторожно расправили боковины и большой карман, так что футляр с трудом, но приобрел объем. Когда-то он был толщиной с книгу, внутри было место для бумаги и конвертов, а также крепления для мелких предметов, одним из которых наверняка служил найденный под подоконником нож. А вот где все остальное?

Я с уважением смотрела на раритет. Очевидно, попав в крестьянские руки, папка пережила нелегкие времена и использовалась явно не по назначению. Похоже, на нее ставили горячие чугунки и сковородки, проливали воду, да и не только воду. Кожа спеклась и потрескалась, и только внутри сохранила шоколадный цвет и благородную фактуру.

— Я думаю, бабушка будет рада узнать, что эта вещь сохранилась, — улыбнулся Алекс. — Надо ей позвонить.

— А может быть, пока не стоит? — осторожно заметила я. — Вдруг она случайно проговорится о находке тому, кто нанял тут братков для собственных поисков?

— Братков?

— Ну, мелких бандитов — этих Жиру со Стасиком и прочих.

— Тогда я ей сообщу и попрошу больше никому ничего не говорить. Особенно родственникам.

— Ну, что вы тут расселись? — подскочил к нам Борька. — Скоро мусорщики приедут. А это что за дрянь?

— Это не дрянь, а бювар прапрадедушки Алекса, — торжественно сообщила я. — В сундуке лежал. Кстати, там я барахло из него вытрясла, так его можно выбрасывать, а сам сундук не трогай, он еще крепкий.

— Вечно все мной командуют, — разворчался братец, как будто не он недавно сыпал указаниями и раздавал инструкции. — Вот сама и выбрасывай, раз такая умная!

— Вы еще подеритесь! — фыркнула Аллочка, брякая на стол кастрюлю с компотом. — Пусть остывает. А это что за дрянь?!

Оскорбленные в лучших чувствах, мы с Алексом унесли несчастный бювар в Дом и там, засунув в полиэтиленовый пакет, заперли в буфете вместе с монетами и золотым ножом.

Мы успели искупаться в Рузняйке и пообедать до того, как на все той же непрезентабельной «Газели» приехали грузчики. На этот раз — тощий ушастый тип и два молдаванина. Наверное, их в «Мэри Поппинс» подбирают таким образом, чтобы хотя бы друг друга понимали, потому что по-русски они говорили очень скверно и с большой неохотой. Но мамуля все равно принялась с ними общаться и кормить пирожками. Ушастый серди-

то и испуганно посматривал на все это из кабины, видимо, будучи в курсе, как обошлись в нашей милой деревеньке с их коллегами.

Но мне не пришлось наблюдать процесс погрузки хлама, потому что позвонил Миша и передал, что со мной хочет поговорить его мама. О чем, он не знает, мама будет общаться только со мной.

— Хорошо, я сейчас приеду, — вздохнула я. Накрылись радужные мечты о послеобеденном ничегонеделании в гамаке или на травке за сараем.

— Можно мне с тобой? — умоляюще взглянул на меня Алекс, узнав, что со мной желает встретиться одна из бывших обитательниц Дома. — Если что, я могу и в машине посидеть.

— Хорошо, поехали, — кивнула я.

— Сейчас я напишу, что нужно купить, — быстренько сориентировалась мамуля. — Только пусть Алекс тяжести не таскает, ему нельзя!

— Между прочим, по материнской линии у меня в предках были рыцари и разбойники, так что не думаю, что они отлеживались в постелях, получив такую легкую травму. Голова у меня не кружится, в глазах не двоится, руки не трясутся, так что все нормально! — улыбнулся Алекс.

— Кстати, я давно хотела спросить — если у тебя мать англичанка, как ты научился так здорово болтать по-русски, почти без акцента.

— Я жил практически все время с бабушкой, ведь родители ездили в экспедиции. А она из принципа разговаривает дома по-русски — Макрайстер именно поэтому и попал к ней в секретари, у него мать тоже из потомков эмигрантов. Когда был жив дед, его это иногда раздражало, он язык понимал плохо, но бабушку невозможно было переубедить. Мой отец тоже отлично владеет русским, так что ничего удивительного.

Миша ждал нас около подъезда. Увидев Алекса, слегка сник, но ничего не сказал, поздоровался за руку. Синяк на лице обрел желтоватый ореол и начал бледнеть.

Мы поднялись на второй этаж. Квартирка была небольшой, но уютной, пахнувшей сдобным тестом.

— Пошли, Алиссандра, на кухню, поговорим, — предложила Валентина Игоревна, высокая женщина лет сорока, когда мы поздоровались и познакомились.

Налив в чашки чай, она уселась за стол и сразу приступила к делу.

— Мишук рассказал мне, что у вас там, в деревне, не слишком хорошие приключения начались.

— Начались, — согласилась я, рассматривая керамическую сахарницу с цветным орнаментом. — Алекс решил отыскать вещи, которые у его предков пропали в Бляховке. Вот с этого все и поехало.

— Ох, не зря у меня к тому дому душа не лежала. Как вспомню свекра, так вздрагиваю. Тяжелый человек был, самодур и грубиян. Да еще и пьяница

потомственный. О покойных худого говорить не принято, но тут придется. Мы-то сначала у него жили, думали, что Мишке будет в своем доме лучше, чем в общежитии. Но только я быстро поняла, что долго не выдержу. Как только нам комнату в коммуналке выделили, так сразу и убрались оттуда. Убраться-то убрались, но свекор, Семен Михайлович, все не унимался. Скучно ему было, покуражиться не перед кем. Сначала просто обратно звал, потом угрожать Коле начал, мужу моему, дескать, если не вернетесь, наследства лишу. А какое там наследство... Дом да огород. Тогда он написал, что богатство у него есть, большое богатство, от отца и деда осталось. Коля не верил, хотя всякое могло быть — семья-то разбойничья, мы про их прошлые подвиги такого наслушались, пока там жили, что и вспомнить тошно.

— О гражданской войне я слышала.

— Да и в Отечественную не лучше было. Семену в начале войны не то десять, не то одиннадцать лет исполнилось. Отца его, Михаила Матвеевича, на фронт забрали, а вот старый Матвей еще вполне крепок был. Вся порода лаптевская у них такая — кряжистая. Это Мишка у меня хлюпик хлюпиком, не в отца пошел. Так вот, беженцев они на постой брали не просто так — за немаленькую плату. Дом-то у них вместительный, сама знаешь, так что комнат хватало. Думаю, немало добра нажили тогда Лаптевы, только мне такого, на чужих слезах и бедах заработанного, не надо. Да и Николай так думал. Слава богу, отец его к нам не ездил, уже старый был, ревматизмом мучился. Нехорошо, конечно, старого человека одного оставлять, но он сам так решил — жил, говорит, в Бляховке всю жизнь, там и помру. А с ним, повторяю, ужиться даже ангел не смог бы. Он же до самой смерти пил, сколько влезало. Соседи потом Мишке сказали, что и помер нетрезвым, царствие ему небесное... — Валентина Игоревна замолчала, разглаживая на столе ажурную скатерть, а потом, вздохнув, продолжила: — Перед самой смертью он письмо прислал. Николая тогда уже в живых не было, а мне что писать? Года три молчал, ни строчки, ни открытки. Я удивилась, когда конверт увидела, и Мише не показала. Хотя зря, наверное. Все что раньше было, было между нами, а он тут ни при чем. Письмо это я сохранила. Сейчас покажу.

Она встала, порылась в навесном шкафчике и протянула мне пожелтевший и потрепанный конверт. Почерк Семена Михайловича был крупным и корявым, хотя вполне понятным. Вот только грамотность просто ужасала. Знаки препинания и правила грамматики игнорировались напрочь, как и прописные буквы.

Я дважды перечитала послание. В первых строчках свекор звал невестку вернуться в деревню, писал, что сил справляться с хозяйством у него уже не хватает. Потом шли жалобы на то, что в доме прохудилась крыша, и огород не копан. Но самое интересное было в конце. Старик сообщал,

что если после его смерти невестка и внук не продадут дом, то их ждут накопленные родом Лаптевых богатства, которые легко отыщутся, стоит только ремонт сделать. «А хлавное печ там добра мног» — было написано в последней строчке.

— Я ведь после похорон еще раз туда ездила, Мишук об этом не знает. Походила по дому, посмотрела на печь и еще раз убедилась — не надо мне лаптевского добра. Нехорошо мне там, слишком много воспоминаний, и аура тяжелая, давящая. Поэтому я обрадовалась, когда сын сказал, что лучше старый дом продать. Так что вы, если что-то там найдете, не считайте, что это наше. Я вас за тем и позвала, чтобы сказать — ничего нам после Лаптевых не надо, счастья оно не принесет, а беды нам и так хватило. Так что распоряжайтесь сами, дом мы со всем содержимым продали, без возврата.

— Так мы уже нашли, — призналась я. — Монеты золотые и нож. Но у ножа уже хозяин есть — Алекс. А вот остальное...

— Ни-ни-ни! — замахала руками Валентина Игоревна. — Даже знать ничего не хочу! Можешь считать меня суеверной и ненормальной, но только когда Николай заболел, и врачи ничего сделать не могли, я к знахарке с ним поехала. От отчаяния чего не сделаешь... Так вот та колдунья мне сказала, что болезнь мужа — от черного проклятия, а прокляли его в том месте, в котором он побывал за три дня до того, как ему плохо стало. Тогда я вспомнила, что он как раз тогда к отцу в Бляховку и ездил, лекарства ему отвозил. Не знаю, верить в это или нет, но проверять не хочу, вдруг в этом действительно что-то такое есть — свекор ведь любил ругаться, на чем свет стоит, по малейшему поводу мог заявить: «Чтоб ты сдох!» или «Отродье проклятое!» А такие слова от недоброго человека даже в адрес сына могут беды наделать... Вот я и решила держаться от этого как можно дальше, гори они огнем, сокровища нечистые! И письмо это я сегодня же сожгу, чтобы и следа не осталось. И вообще, я бы на вашем месте священника пригласила, чтобы дом освятил, очистил.

Ну, думаю, что до священника у нас дело не дойдет. Энергетика у нашего семейства такая, что любую ауру перешибет. А вот насчет печи информация интересная... Поинтересоваться бы еще о костях и черепе — откуда они могли взяться в подвале. Но боюсь, что напугаю хозяйку, да и вряд ли она что-нибудь об этом знает.

— Валентина Игоревна, — спросила я напоследок, — вы, когда жили в Бляховке, не видели в доме такую собачку гипсовую? Знаете, вроде копилки, но не полую, а довольно тяжелую.

— Не помню... У Семена Михайловича в закромах чего только не было. А на виду вроде не стояла, нет.

— Тогда... металлическая статуэтка обнаженной женщины, небольшая. — Я рукой от стола показала примерную высоту «Елены Прекрасной».

— Да что ты! — махнула она рукой. — Если такая штука и была, то старик ее наверняка прятал — это ж срамота по крестьянским понятиям. Ни за что бы мне не показал. Да ты ешь печенье, я сама пекла. А то заболталась совсем и не угощаю...

Глава пятнадцатая

Из квартиры Лаптевых мы вышли в глубокой задумчивости. Вернее, в задумчивости была я, а Алекс притих за компанию. Сев в машину, поехали в сторону центра. Хотелось узнать, как чувствует себя Стасик, но фамилию его мы так и не выяснили, а без этого нам в больнице вряд ли что-то скажут. Ладно, жив остался, и слава богу, пусть теперь его Жиря навещает.

— Куда мы едем? — поинтересовался Алекс.

— Надо заехать за постельным бельем, — пробормотала я, пытаюсь сообразить, найдется ли дома достаточный запас простыней. — Потом за едой, и обратно в Бляховку. Кажется, прежний владелец нашего Дома спрятал сокровища в «домне».

— В домне?! — перепугался бедный англичанин.

— Домна — это просто печка, ты ее видел, здоровенная такая, — улыбнулась я. — В последнем письме невестке Семен Лаптев сообщал, что его богатство находится именно там. Будем искать!

В родной двор я въезжала с некоторой опаской, внимательно осмотрела все кусты и площадки. Вроде бы, никого нет.

— Пошли, только быстро, — скомандовала я, пулей вылетая из машины и проскакивая мимо беседующих у подъезда соседок. Те замолкли и проводили нас заинтересованным взглядом.

Войдя в квартиру, я сразу начала перетряхивать шкафы и комод. В результате обнаружила массу ненужных штор и скатертей, а вот постельного белья оказалось маловато — на нашу коммуну хватит в обрез. Так что нужно на всякий пожарный случай пару-тройку комплектов докупить.

— Все, поехали в магазин! — сказала я, запихивая белье в чемодан. — Мне не терпится расковырять печь и посмотреть, что там внутри.

В супермаркете повторилась та же история, что и с Сонькой, — мы нагрузились, как верблюды, и в довершение всего Алекс, садясь в машину, умудрился раздавить коробку с пирожными. Пришлось утешить его тем, что продукт не пропадет — месиво запросто слопают ложками прямо из коробки.

Бляховка таяла под уже клонящимся к закату солнцем: поникшая лебеда на обочинах, поникшие листья огурцов в огородах. Даже козы попрятались в тень, а гуси бродили по дороге с очумелым видом, совершенно

не реагируя на шум мотора. Неземным блаженством было выползти на травку из машины, превратившейся в настоящую духовку.

— Зашевелились, поганцы, — сообщил Борис, кивая на соседний дом. — Прикатили часа два назад на синем «лексусе», во главе с каким-то толстым хмырем. Бродили вокруг своей фазенды, потом к Панариным заходили. Но Иван их послал подальше и кобеля пригрозил спустить с цепи. Вроде бы не уехали, но сейчас тихо сидят.

— А чего хотели-то? — спросила я, напившись воды из ковшика.

— Дед подслушал, что дом хотели у них купить. Я вот одного не понимаю — неужели эта штучка, которая прапрабабушкина фигурка, стоит таких баблосов? Уже вторую домину приобрести собрались, чтобы ее отыскать.

— Значит, для кого-то стоит. Они сейчас купят, клад достанут, а потом спокойно те же дома дачникам загонят, так что еще и заработают на этом.

— Ладно, маркетолог, доставай пакеты! Кстати, надо бы нам часть провизии в подвал спустить, а то холодильник скоро лопнет. Давай то, что не требует заморозки, я туда отнесу, а ты забери мясо.

Некоторое время мы потратили на разборку покупок, потом решили проведать археологов. Что-то они затаились, вылезают только поесть и поспать, и лица у них весьма загадочные.

Алекс спускаться в подвал отказался. И вообще, после путешествия в раскаленной машине выглядел он не лучшим образом — бледный, вялый, даже синие глаза потускнели. Мамуля загнала его в гамак и велела положить на лоб намоченную в холодной воде тряпку. К моему удивлению, Алекс почти безропотно подчинился.

— Ничего, скоро очухается, — заявил бессердечный братец. — Не фиг было полночи по деревне шляться! Крутить лямуры можно и в домашних условиях!

Я испепелила его взглядом.

В подвале все было перерыто, создавалось впечатление, будто там потрудилась целая бригада землероек. Надо отдать должное ребятам, в первую очередь они разгребли угол, где проходили трубы, потом вернули землю на место, утрамбовали и восстановили наш многострадальный водосток. Горела керосиновая лампа и уже знакомая фара. Электричества в подвале не было.

— Аккумулятор садится, — пожаловался Денис.

— Надо вечером поставить на подзарядку, — кивнул Дима. — Можно?

— Можно, конечно, — согласился Борька, приглядываясь к расстеленной прямо на земле клеенке. Там кучками лежали какие-то черные обломки и мослы. — Нашли что-нибудь интересное?

— Да, смотри сам. — Археологи присели на корточки и принялись тыкать пальцами: — Это керамика россыпью, может быть, удастся что-то склеить,

хотя вряд ли. Дело в том, что ваш дом, похоже, строили на месте какого-то древнего поселения. Или землю в подвал оттуда таскали. Но зачем, если ее и так было достаточно после рытья котлована? Значит, часть грунта опять ссыпали сюда, чтобы пол выровнять. А вместе с ним и вот это — пряслица, грузила, наконечник стрелы.

— А кости?

— И кости, правда, большей частью от животных. А человеческих мало, только пара штук. И обе — более поздние. Ну, это понятно, если в древности люди жили именно тут, то своих они хоронили где-то в сторонке. А вот по этим, — потряс Денис берцовой костью и указал ею на ребра, соединенные позвонком, — мы уже подумываем о том, чтобы полицию вызывать. Похоже, останкам не так много лет, может быть, и послевоенные.

— Полиция сюда носа не кажет, — вздохнула я. — И, думаю, неспроста. Территориальные споры — только повод для того, чтобы не связываться с бляховцами — поганками отравят.

— Какими поганками?! — дружно удивились археологи.

Я коротко рассказала, чем тут развлекалось местное население в гражданскую войну.

— Вот оно как! Да, лихой народец, — покачал головой Дима. — Но все же, как нам быть с костями? Череп мы пока не нашли, да и от костяка почти ничего нет, словно тело кусками закапывали. Кстати, тот первый череп, как я и говорил, — учебное пособие, там даже в двух местах полустертая нумерация костей сохранилась. Но вот интересно, откуда в крестьянском доме такая штука появилась?

— А еще интереснее, почему в ней золотая монета лежала. Попахивает мистикой. И ведь череп лежал почти под самой трубой — то ли спрятали его, то ли трубу подперли, — почесал в затылке Денис. — А все остальное — в стороне и поглубже, в разных местах. Насколько я понимаю, эта часть подвала имеет техническое назначение — фундамент печи и сток. А больше ничего нет.

— А в другой половине подвала пол камнем вымощен, чтобы копать, надо будет его разбирать, — вздохнул Дима.

— Это обязательно? — насторожилась я.

— Это необязательно, — невозмутимо ответил Денис, — но желательно. Вы же не хотите жить в доме, под которым погребены человеческие останки?

Мы озадачились. В принципе, почему бы и нет, раз до сих пор эти останки нам никаких неприятностей не доставляли? Но я вспомнила слова Валентины Игоревны о тяжелой ауре Дома и впала в сомнения. Мало ли, вдруг действительно мы такие толстокожие, что не почувствовали пока?

Глава шестнадцатая

За ужином мне внезапно стало грустно. Как-то очень плохо у меня сочетаются поиски сокровища и романтические отношения. То комаров кормлю, выслеживая врагов, то куда-то мчусь, забывая о мужчине своей мечты. Вернее, не забывая, но уделяя ему куда меньше внимания, чем надо бы. И все ради того, чтобы найти статуэтку. А как только мы ее найдем, Алекс и Тэд немедленно вернутся в свой Лондон, только мы их и видели. Несуразно как-то все получается.

— Алекс, — шепнула я, — ты как? Голова болит?

— Не беспокойся, все хорошо, — отозвался он, но без особого подъема. Укатала-таки беднягу родина предков.

В общем, настроение мое катастрофически падало, как стрелка барометра перед унылым дождем. Да еще проклятая домна все никак не хотела остывать. Ее толстые стены были способны сохранять тепло несколько часов.

Сонька предложила мне пока сыграть в «дурака» или преферанс, мамуля — разобрать крупы в буфете, папуля — отредактировать ему статью, дедуля — сходить на... угадали, на рыбалку! Алекс отправился на боковую, жребий мыть посуду достался археологам, а я, сердитая на весь белый свет, потихоньку улизнула из Дома, совершенно забыв о том, что мы договаривались в одиночку по Бляховке не разгуливать.

Мне совершенно не хотелось никого выслеживать, как-то я подустала от этого занятия. Снедаемая меланхолией, я плелась по заросшим сорняками дорожкам, размышляя о превратностях судьбы и собственном отворотительном характере. Потом резко остановилась и огляделась по сторонам. Кажется, я забрела на тот конец Бляховки, где мы недавно забирались в погреб-вытрезвитель. Ага, вон и амбар высится средневековым замком.

Поразмыслив, я двинула к ближайшему дому и постучала в ворота. Ответом мне была почти гробовая тишина. Вредные туземцы затаились, не собираясь вступать со мной в контакт, и я спустилась по дороге почти к самой реке. Потыкалась в бережок, усеянный коровьими следами и лепешками, влезла подошвой в черную грязь и затосковала. Придется обходить поверху. Или пробираться чужим огородом. Конечно, мне не привыкать, я тут уже не раз изображала лазутчика. Шмыгнув между жердей, я пробралась через довольно неухоженный картофельник и, вылезая прямо за тем самым вражеским домом, доставившим нам немало переживаний, первое, что увидела — здоровенный синий джип, притулившийся на косогоре. Видимо, они уже так завалили мусором весь двор, что и машину поставить больше негде.

Теперь у меня было два пути — обойти бандитское логово со стороны реки или с независимой физиономией протопать мимо него по дороге. На второе я не решилась — вряд ли мое появление останется незамеченным, а выяснять отношения с Жирей и его командой мне совершенно не хотелось, поэтому я поплелась к реке.

Вот уж правду говорят, что с дурной головы ногам покоя нет. Едва я обогнула разросшийся малинник и живописную группу подсолнухов, как услышала где-то рядом мужские голоса. Они доносились от речки и были незнакомыми.

— Вот ведь, блин, — с чувством произнес сочный бас, — навязались на нашу голову! Сколько их хоть, ты выяснил?

— Человек двадцать, — пискнул фальцетом кто-то, мне невидимый. — Большая итальянская семья, цыганский табор. Так что за всеми и не уследишь, вечно куда-то, как тараканы, лезут.

— А этот Бродди как туда затесался?

— Да ребята его поколотили для острастки, а эти подобрали. Подобрали, обогрели... подогрели, обобрали. Теперь просто так из лап не выпустят. Сами знаете, Иван Петрович, наши бабы насчет богатеньких иностранцев прямо как пираньи — вцепляются мертвой хваткой, и — ам!

— Хреново, — печально вздохнул бас. — Хотя мне глубоко плевать, пусть хоть кишки ему выпустят. Но то, что под ногами мельтешат, это никуда не годится.

— А что я могу сделать? Я уже и со всеми ментами договорился — объяснил, что незачем им лезть на чужую территорию, тем более, семейка жутко склочная, и хлопот тут с ними потом не оберешься. Так что хоть это пока под контролем.

— Договорился, значит, — раскатился неприятным ухающим смехом бас. — Это хорошо! Так, может, настало время пугнуть их как-нибудь основательно? Пригрозить там, чтобы поняли...

— Будет сделано, Иван Петрович! Пугнем. Только...

— Что только? Тебе сколько заплатили за то, чтобы ты добыл эту фиговину? — зашипел грозный Иван Петрович. — А ты с какими-то дачниками справиться не в состоянии! Короче — или ты действуешь, или я других исполнителей найду! И они с этой семейкой церемониться не станут. Вот, блин, деятели! Балбесы вонючие! Все, пойду, окунусь, а потом поеду за тебя перед спонсором оправдываться...

Раздался шорох и топот. Я моментально юркнула под подсолнухи, оттуда чуть ли не ползком — в заросли малины. Осторожно выглянув из зарослей, успела увидеть удаляющуюся спину низкорослого ушастого субъекта. Был он в черных замызганных джинсах и футболке. Светлые редкие волосы на затылке неопрятно топорщились. Интересно, что это еще за фрукт?

От реки донесся плеск и громкое уханье. Очевидно, Иван Петрович полез купаться. Так что вполне можно успеть проскочить с этой стороны, во всяком случае, это менее опасно, чем возвращаться и идти по дороге вслед за белобрысым.

Отряхнувшись и приняв безмятежный вид, я спустилась к Рузняйке. Плеск и уханье прекратились. Краем глаза я увидела на отмели крупного мужика с изрядным «пивным» животиком. Он таращился на меня из воды, словно у меня имелись рога и хвост или, наоборот, пушистые крылышки. Небось прикидывал, откуда это я явилась, и стоит ли хватать меня за шиворот. Ну, с таким-то пузаном я точно справлюсь. Тем более что на тропинке, ведущей от Дома, появились дедуля и Макрайстер. На голове англичанина красовалась сетчатая дедулина шляпа, которую он приобрел в ГДР в 1967 году. Ага, вечерняя зорька — священный час рыболова. Кстати, интересно, почему это мы не то что жареной рыбки, но даже ухи из ершей так ни разу и не попробовали?

На этот раз дедуля явно собрался изловить щуку, потому что в руках у него был спиннинг. Увидев торчащего из воды Ивана Петровича, наш патриарх досадливо поморщился — присутствие постороннего гражданина пришлось ему не по душе, рыбалка при таком соседстве имела все шансы завершиться полным крахом.

— Кто это, Алиссандра? — подозрительно поинтересовался он. — И почему так пристально на тебя смотрит?

— И что, мне теперь паранджу носить, чтобы посторонние мужики глаза не пялили? — сердито парировала я.

— Мисс Алиссандра весьма привлекательная молодая леди, — неожиданно изрек Макрайстер, — так что повышенное внимание к ней со стороны мужчин совсем не удивительно.

Осознав, что мы говорим о нем и в каком именно контексте, пузан сердито фыркнул, подтянул трусы и полез на берег. Там он обогнул нас по максимально отдаленной траектории, собрал свои вещи и быстренько испарился.

— И враг бежит, бежит, бежит! — удовлетворенно пропел дедуля и, размахивая спиннингом, поспешил занять отвоеванные позиции. Под свист его лески я поплелась к Дому, раздумывая над подслушанным разговором.

Вот, значит, как — попугать нас собираются! Интересно, что это будет — взрыв, поджог или бандитское нападение? А с нами Васька и Нюшка. Может быть, Аллочке с детьми действительно лучше хотя бы на пару дней вернуться в город, потому что Борька за своих чад любому посягателю голову оторвет и руки-ноги переломает. Ввиду явной угрозы, нам теперь придется принимать какие-то экстраординарные меры — охранять наши владения, установить дежурство, обходить дозором и бдить. Опять предстоит беспокойная ночь...

Задумавшись, я едва не врезалась в археологов, спускавшихся от своей палатки.

— Откуда ты такая замученная? — выпалил Дима.

— Прогуляться немного решила, — буркнула я.

— А мы топор отрыли, — порадовал новостью Денис. — Колун. Здоровенный, с клеймом. Кажется, семнадцатый век. Представляешь?

— Хочешь сказать, что этого беднягу, от которого одни кости остались, прямо в нашем подвале зарубили?

— Ну, это вряд ли, он совсем в другом месте лежал. Мы противоположный угол раскапывать начали. Хочешь, покажу?

— Не хочу, — честно ответила я. — Мне бы с печью разобраться. Если эта зараза уже остыла, конечно.

— А что там в печи? — затормозил уже отошедший от нас Дима.

— Там должен быть тайник. Заначка последнего хозяина Дома. Надеюсь, что статуэтка именно в нем спрятана.

— Ладно, сейчас мы искупаемся и поможем искать, — воодушевился Денис. — Ты пока там ничего особо не ломай, мы же все-таки специалисты.

Специалисты с топотом умчались к реке, а я продолжила путь. И следующими на нем оказались Сонька и Крошка. Боксер, поникнув хвостом и брезгливо тряся брылями, плелся вниз, а подруга топала следом и читала ему мораль. На фразе «Нормальная собака должна бегать и реагировать на кошек, а не предаваться гиподинамии!» — подруга заметила меня и, взглянув на мое унылое лицо, переполошилась:

— Ну что, что на этот раз случилось?!

— Эти типы оттуда, — кивнула я на возвышающийся справа дом, — опять собираются нам какую-то гадость организовать. Я сама слышала. Так что надо проявлять бдительность. А в наших рядах два спящих царевича. И собачка близка к нирване.

— А археологи?

— Да неудобно как-то, они же целый день работают, как проклятые. И живут в палатке.

— Но поставить в известность надо, — почесала обгоревший на солнце нос подруга.

— Поставим. И остальных предупредим. На полицию надежды, как ты понимаешь, нет, так что придется самим. Может быть, вам уехать хотя бы на время, зачем вам ввязываться в эту историю? Даже если Кеша спит, разбудить и загнать его в машину вполне возможно. Заодно бы Аллочку с ребятами эвакуировали. А потом вернетесь.

— Не пойдет, — замотала головой подруга. — Я вас тут не оставляю, а Аллочку вполне способен отвезти Борька. Если уговорит.

Но убедить невестку покинуть дачу не удалось. Единственное, на что она согласилась, — отправить Нюшку и Ваську в город под присмотром мамы.

Аллочка принялась за сборы, а я отправилась на кухню. Домна была еще теплой! Я с досадой пнула печь ногой, и она мне в ответ довольно зловредно ухмыльнулась полукруглой выюшкой.

Для начала я обследовала сооружение снаружи и сунула нос за все за-слонки и дверцы. Ничего особенного, кроме сковородок и ковшиков, там не было. Кладка в основании печи казалась очень старой и целостной. На всякий случай я ощупала и обстучала каждый кирпич, для чего пришлось передвигаться на корточках, а затем и на четвереньках. Изразцовая плитка тоже была весьма древней. Кроме того, местами она была поколота и состыкована с помощью глиняного раствора. Создавалось впечатление, что изразцы содрали откуда-то и затем притащили в Бляховку, уж больно не соответствовали силуэты выдавленных на плитках ирисов и маргариток деревенскому быту.

Простукивание плитки привлекло внимание папули, он потоптался рядом и предложил мне использовать не костяшки собственных пальцев, а деревянный молоточек. После чего отправился разыскивать этот самый молоточек и пропал, а я поползла вокруг плиты в обратном направлении. Надо сказать, что «домна» была расположена довольно странно — к стене она примыкала не длинной стороной, а короткой, противоположной дверце топки. А если учесть, что размер печи в плане был не менее двух метров на полтора, то можно представить вставшую передо мной задачу.

Я разглядывала швы, надавливала, стучала и пыталась найти какую-нибудь щелочку, куда можно было бы засунуть нож, чтобы поддеть плитку. Ничего подобного — печь являла собой монолит, незыблемо простоявший много лет.

Когда я перешла к последнему ярусу облицовки, появились археологи. Мокрые бороды и обнаженные торсы делали их похожими на первобытных воинов. Только очки и шорты портили картину.

— Ну и?.. — деловито поинтересовался Дима.

— Пока ничего, — с трудом разогнувшись и отряхивая колени, ответила я.

— Ладно, отдыхай, теперь мы попробуем.

Я налила себе компота и уселась к столу, а парни принялись изучать «домну» с дотошностью патологоанатомов. Они долго простукивали стены с помощью скалки, которой Аллочка раскатывает тесто для вареников. Денис вооружился совком, кочергой и железным коробом и старательно выгреб золу из топки и поддувала. Чистоты кухне это, естественно, не прибавило. Маменька, сунув нос в дверь, чтобы попрощаться до завтра, громко чихнула и что-то проворчала.

Допив компот, я приняла участие в дальнейших исследованиях. Уж как мы только не извращались — и в духовку головы засовывали, чтобы осмотреть железное нутро, и трубу гладили на предмет выявления швов, и в поддувало руки запускали. Вернее, запустил один Денис, мы ужаснулись, увидев результат, и отправили его немедленно мыться.

— Нужно вынуть колосники, — авторитетно заявил Дима.

— А обратно ты их сможешь поставить? — пискнула я в страхе, представив, что будет завтра, если мы сегодня разнесем сооружение для готовки еды. Правда, у нас еще есть электроплитка, но семилитровую суповую кастрюлю на плитку можно поместить только одну, для второй места не останется.

— Не бойсь! — заверил меня специалист, надел брезентовые рукавицы и, кряхтя, принялся снимать с верха печи чугунные плиты. Давалось это ему с трудом, потому что плиты были тяжеленными, и первую пришлось поддевать топориком для рубки мяса. Потом дело пошло быстрее, и вскоре перед нами открылась топка — вид сверху. Вернувшийся из ванной Денис тоже схватил рукавицы и полез пачкаться во второй раз. Колосники оказались еще теплыми. В четыре руки парни выдрали толстенную решетку и, слава богу, умудрились ее при этом не уронить.

— Тяжелая, зараза! — простонал Дима. — Клади ее сюда, да быстрее, а то пуп развяжется!

— Ну и что ты хотел тут проверить? — уставилась я в черный провал.

Денис опять взялся за скалку. Несколько минут он колотил ею по выступам, на которых лежали колосники. Звук был довольно звонким и мелодичным. И везде одинаковым.

— Вряд ли тайник бывший хозяин сделал в самой горячей зоне, — поправил рукавицей очки Дима. — Не дурак же он — ценности тут могли пострадать от жара.

Археологи еще раз обследовали кладку изнутри, пытаясь раскатать кирпичи, и вернули на место колосники и чугунный верх.

— А что, если тайник сделан в стене, а потом уже к ней печь пристроили? — высказала я робкое предположение и сама же его опровергла: — Смысла нет, стену можно разобрать и со стороны гостиной. К тому же, печи этой, по-моему, не меньше ста лет. А раз так, то Семен Лаптев прятал свое добро в готовое сооружение. Должны были остаться какие-то следы!

— Пока мы их не нашли, — пожал плечами Дима. — Но еще не вечер — найдем!

— Уже как раз вечер, — спохватилась я. — И мне надо еще успеть тут прибраться, потому что иначе всю эту копоть и сажу растащат по всему дому. А вы идите опять на речку, а на обратном пути прихватите с собой дедулю и Тэда.

Глава семнадцатая

Я принялась мыть полы, размышляя, каким все-таки образом старик Лаптев устроил в домне тайник. Вот я бы, к примеру, вообще к печи соваться не стала — ужасно неудобное место для хранения богатств! Я бы, если бы понадобилось, попросту закопала их в огороде. Или спрятала под пол. Хотя нет, полы папуля успел за зиму перестелить почти везде, так что это отпадает. Зато остаются стены, подоконники и прочие закутки. И еще труба! Как я раньше не сообразила — труба! Что, если Семен Михайлович сделал тайник не на кухне, а в трубе на втором этаже? Но там и трубы фактически нет — дымоход проходит в стене, разделяющей детскую и спальню Борьки и Аллочки, а выше — чердак и крыша. Завтра же непременно влезу на чердак, там я еще ни разу не была.

Мои размышления прервали Сонька и Аллочка.

— Ну-ка, расскажи, что ты там слышала, — потребовала Аллочка.

Я шмякнула половую тряпку в ведро с водой и пересказала коварные планы белобрысого и пузана.

— Нам надо вооружиться! — предложила Сонька. — Всем! И как только кто-то появится, сразу бить гадов! Будем бить каждого, кто покусится! Чтобы знали!

— Где пистолет? — сунул в дверь взлохмаченную голову Борис. — Будем стрелять, если только кто-то посмеет посягнуть!

— На кого? — заглянул в открытое окно Денис. — Кто на кого собрался посягать?

— Понятия не имею, кто именно, но это значения не имеет, — отрезал братец. — Нам собираются устроить некую пакость, поэтому надо быть начеку. Сонька, куда ты опять пистолет зафигачила?

В общем, через четверть часа мы все вооружились: Борька — с трудом найденным в корзинке с мамулиным вязанием пистолетом, Аллочка — скалкой и просроченным газовым баллончиком, Сонька — четырьмя здоровенными картофелинами и гимнастической палкой. Я долго колебалась между молотком и отбивалкой для мяса. Потом решила, что хрен редьки не слаще, и выбрала отбивалку, присовокупив к ней моток шелковой тесьмы на случай, если придется кого-то вязать. Археологи, выяснив, что мы собрались держать оборону, молча притащили здоровенный топор и кайло. Я пришла в ужас — в нашу задачу не входило убийство, только легкие телесные повреждения. И то только в крайнем случае. Топор и кайло заменили на гуцульский топорик и ржавую собачью цепь. Цепь притащил Борька — она лежала в ящике со старыми инструментами, стоявшем в сарае.

Вручив цепь Диме, Борис обвел нас странным взглядом и сообщил:

— Я нашел останки собаки!

Сонька немедленно схватилась за сердце и опустилась на табуретку. Я тоже перепугалась. Поняв, что именно ляпнул, братец покрутил пальцем у виска:

— С пегим обормотом все в порядке. Я нашел останки не живой, а гипсовой собаки!

— Где?! — подскочили мы разом.

— Там же, где и цепь — в ящике. — Он полез в карман и высыпал на стол с полдюжины белых кусочков. На них были хорошо видны следы коричневой краски. А вот и глаз — облупившийся, но все равно прекрасно различимый на коричневом фоне белый овал с черным зрачком. — Похоже, их использовали в качестве мелков для разметки. Расколошматили псинку, сердцевину прибрали, а остальному тоже нашли применение — не пропадать же добру! Вот оно, безотходное хозяйствование.

Я взяла один кусочек гипса. Действительно, с одной стороны он был обточен — им явно рисовали. Выходит, «Елена Прекрасная» была все же обнаружена прежними хозяевами дома. Это вселяло надежды — по крайней мере, ее не выбросили на помойку, как могли бы поступить с ободранной собачкой. И она должна находиться где-то тут, ведь Лаптевы были исключительно прижимисты и вряд ли расстались бы с такой ценной штукой. Да и кому они ее могли продать при советской власти?

Наконец все организационные вопросы были утрясены, и даже намечены сторожевые посты и маршруты для обхода охраняемой территории. Главный пролегал от Дома до деревянного домика с сердечком, расположенного на задах огорода. И его доверили археологам. Был он удобен тем, что топающий в туалет человек не выглядит часовым и может контролировать подступы со стороны реки, не вызывая подозрения. Я и Сонька решили устроиться в пустующей детской, из окна которой просматривались дорога, дом Панариных и наш собственный двор. Попутно мы заглянули к Алексу. Он спал, зарывшись в подушку, только повязка на затылке торчала. Во второй комнате из подушки торчала рыже-зеленая шевелюра — там довольно громко храпел Кеша.

— Ну вот, — прошипела подруга, — дожили! Они, значит, дрыхнут, а мы их сон стережем!

Борька выбрал себе диспозицию хитро. Он зажег в гостиной свет, соорудил в кресле-качалке из свернутого одеяла и двух подушек нечто несуразное и накрыл все это пледом. Если не присматриваться, то через раздвинутые шторы со двора довольно похоже на фигуру сидящего человека. Так что ни один диверсант в здравом уме сюда не должен сунуться. Здесь же был оставлен Крошка в качестве дополнительного устрашения. Устрашение распласталось на половике и мгновенно уснуло.

Входную дверь братец закрыл на задвижку, а вот ту, которая вела в дровяной чуланчик, а из него в кухню, оставил открытыми. И поставил для себя в этом чуланчике табуретку. Дескать, враг обнаружит, что там закрыто, а тут не заперто, и попадет прямо в его, Борькины, коварные объятия.

У нас оставалась неохваченной наблюдением еще одна сторона Дома, и она досталась Аллочке. Окно их с Борькой спальни выходило как раз куда нужно, но внизу были такие заросли, что через них и среди бела дня совершенно незаметно могла прокрасться целая банда. Что уж говорить о ночи!

Но невестка только на минуту задумалась, а потом, прихватив моток бельевой веревки и кипу крышек от кастрюль, отправилась сооружать звуковую сигнализацию. С помощью Дениса она попарно развесила крышки на веревке, протянув ее сквозь одичавшую смородину, бурьян и некие огромные кусты, подозрительно смахивавшие на коноплю. Веревки привязали к двум вишням, и Аллочка уселась у окна читать, заверив нас, что как только враг наткнется на веревку, мы все об этом сразу узнаем.

За четвертую стену мы не волновались, там не было ни одного окна, так что все были уверены в ее полной неприступности.

Я была почти уверена, что вторжение произойдет — слишком уж конкретно Иван Петрович пригрозил белобрысому, что сменит исполнителей. Так что тому нужно любыми средствами запугать нас и заставить исчезнуть из Бляховки. Причем, срочно. Уж не знаю, почему их так сроки поджимают, наверное, боятся, что мы найдем статуэтку раньше, чем они.

А вообще, почему вокруг этой, пусть и драгоценной, безделушки поднялся такой шум? О ней ведь в семье Броуди и раньше знали. И Софья Павловна послала Алекса и своего верного секретаря на ее поиски из чисто сентиментальных чувств, не ставя условий насчет наследства, контрольного пакета акций и прочих наград. Неужели кто-то, вроде кузена Грегори, решил таким образом выслужиться перед бабушкой? Что-то мне не слишком верится в такие сомнительные интриги...

— Алисс, — дернула меня за рукав футболки Сонька, — так как у тебя с Алексом складывается?

— Да черт его знает, — честно призналась я. — Что-то вроде складывается, но без особого пыла.

— Не забывай, парень воспитывался в чопорной стране, в чопорном семействе, и вряд ли ему в голову придет устраивать тебе аргентинское танго при луне. Так что не капризничай!

— А кто капризничает? — хмыкнула я, высовываясь из-за занавески, чтобы в очередной раз обозреть окрестности. Свет из окон столовой и комнаты папули озарял ближайшие подступы к Дому, так что особых проблем с их контролем у нас не было.

И тут неожиданно в глубине Дома раздался протяжный хриплый вой.

— К-к-то это? — впилась мне в локоть Сонька.

Я в панике зашарила по подоконнику в поисках отбивалки, уронила ее и принялась ползать по полу.

За дверью послышался звук падения, потом грохот, словно кто-то катился кубарем с лестницы, и следом — отборный мат.

— Держи его! — раздался Борькин вопль.

Мы выскочили из детской и заметались, пытаясь сориентироваться. В холле, который одновременно был лестничной площадкой, лампочка почему-то не горела, и освещался он только лунным светом из окна. Внизу кто-то громко пыхтел и ругался. Дверь напротив распахнулась, мимо нас фурией промчалась Аллочка в белом спортивном костюме. Она бросилась вниз по лестнице, следом что-то катилось, потом бежала я, за мной Сонька.

— Холера! — рявкнул внизу папулин голос, и что-то громко зашипело и забулькало. Непонятно только, почему и внизу темно, как в преисподней? Ведь мы там специально оставили включенный свет!

Было страшно оторваться от перил, за которые я цеплялась, но Сонька уже ощутимо толкала меня в спину. А под ногами кто-то метался, плевался и пинался. И еще кто-то снаружи ломился во входную дверь так, что дребезжала несчастная задвижка. Потом послышались стоны и всхлипывания.

— Аллочка, включи свет, ради бога! — взмолилась я.

Но прошло минуты три, прежде чем невестка добралась до выключателя. Загорелась одна лампочка из трех. Господи...

Борька вырвался из папулиных рук и, вытирая слезы, погрозил кулаком жене. Та кинулась к нему. Папенька с недоумением оглядывался и тоже плакал. Задвижка, наконец, не выдержала, дверь в сенях громыгнула, и в комнату, размахивая гуцульским топориком, влетел Денис.

— Что это было? — изумленно поинтересовалась над моей головой Сонька. — Кто с кем дрался?

— Похоже, Борька с папулей, — вздохнула я. — Вопрос в том, кто выключил свет на площадке и в столовой? Именно поэтому мы тут чуть не переубивали друг друга.

— А почему вы все хнычете? — появился на пороге своей комнаты дедуля. — И вообще, чем тут воняет?

Тут я тоже почувствовала неприятный, щиплющий нос запах, от которого слезились глаза. Хорошо, что одно из окон было открыто, и вонь выдувалась сквозняком.

— Это все она, — махнул Борька рукой на Аллочку. — Из баллончика на нас пшикнула! Довершила всеобщий бардак! Пойду глаза промою.

— Все сюда, — с натугой прохрипел внезапно появившийся в окне Дима. — Скорее, пока я его держу! — и пропал так же неожиданно, как возник.

Борька вместо ванной ломанулся в сени. Остальные следом за ним толпой высыпали во двор. Теперь побоище происходило в огороде, и мы почти ничего не видели, только слышали топот, сопение и ругань. Похоже, все сцепились одной кучей и кого-то били.

— Руки, руки ему держи! — закричал Денис. — У-уй...

Из клубка пылящих тел вырвалось одно и, хромя, помчалось по грядкам. В призрачном свете луны на грядку с укропом вспрыгнула Аллочка, запустила чем-то в улепетывающий силуэт, фигура дернулась и припустила быстрее.

— Ушел, — вздохнул, поднимаясь на ноги, братец. — Ушел, гад!

— Кто ушел? — высунулся из-за моей спины дедуля. — Ответят мне или нет, что тут происходит?

— Пошли в Дом, — сердито буркнул папуля, отряхивая джинсы. — Теперь его не догнать, огородами ускакал.

Глава восемнадцатая

Часы показывали почти два часа ночи, когда мы, споря и размахивая руками, закончили реконструкцию произошедшего.

Итак, Борька, скучая в своем чуланчике, услышал вой, а затем громкий топот, словно по лестнице мчался обезумевший слон. Братец ринулся через кухню в столовую, где уже почему-то не было света, в темноте налетел на кого-то и попытался его схватить. Неизвестный начал отбиваться, норовя двинуть братцу то в глаз, то по уху. Услышав шум борьбы, из своей комнаты выскочил папуля и в темноте тоже кого-то сгреб. Оказалось — Борьку. Братец решил, что попал в засаду, и начал вырываться, а тот, кого он сам держал, тем временем вывернулся из его рук и удрал в открытое окно. Тут прибежала Аллочка и принялась впотьмах брызгать из древнего газового баллончика в папулю и собственного супруга. Хорошо, что газ оказался слезоточивым, а не нервно-паралитическим! Потом спустились мы и, слава богу, не додумались тоже вступить в схватку. На этом первая часть действия завершилась.

Тем временем неизвестный враг, выскочив окно, побежал по дорожке и нарвался на бредущего в пятый раз от туалета Диму. Похоже, к этому моменту неизвестный уже совсем плохо соображал, потому что, вместо того чтобы избежать столкновения со здоровенным археологом, набросился на него и попытался сбить с ног. Но Дима не растерялся и, ухватив гораздо более мелкого противника за шиворот, поволок его обратно к До-

му, к открытому окну. А потом произошла всеобщая свалка, в результате которой увертливый гаденыш сумел опять ускользнуть.

— Как он проник в дом?! Вот главный вопрос! — воскликнула Аллочка. — Как он влез сверху? Не на вертолете же прилетел.

— Вертолет мы бы услышали, — согласилась я. — Но откуда он выл? Мне показалось, что с крыши. Или с чердака.

— Точно — чердак! — хлопнул себя по колену Борька. — Чердак у нас оставался неохваченным. И враг этим воспользовался!

— И что же все-таки хотел сделать этот тип? Просто истошно завывать и убежать? Какая-то сомнительная диверсия, — покачала головой Аллочка.

— Остался еще один вопрос — где все это время находился наш грозный пес? — спохватился Борька, заглядывая под стол.

Воцарилась тишина, в которой мы отчетливо слышали храп. Аллочка на цыпочках подошла к кухонной двери и открыла ее. Крапчатый боксер самозабвенно дрых у печи с блаженным выражением на морде.

— Охранничек, — процедила Сонька.

— Наверняка он сбежал, когда почувствовал запах газа, — принялась оправдывать пса Аллочка. — Воняло отвратно.

— Да уж, газовая атака тебе явно удалась, — не преминул подколоть жену Борька. — Ну, теперь можно спокойно отправляться спать! Думаю, что после такого переполоха никто к нам сегодня соваться уже не рискнет.

— Сумасшедшая ночь в сумасшедшем домике в сумасшедшей деревне, — бормотала я, взбираясь по ступеням.

На площадке свет уже горел, и я, остановившись, задумчиво уставилась на чердачную лестницу. Как-то раньше я на нее обращала мало внимания. Самая обычная лестница из двух брусьев и поперечин, ведущая вертикально вверх к деревянному люку в потолке. Сейчас этот люк был открыт. Значит, точно — отсюда спрыгнул или свалился тот, кто выл. И надо бы эту штуку закрыть. Мало ли... Странно, что Борька до этого не додумался.

Лезть наверх мне ужасно не хотелось. Но оставлять люк открытым было никак нельзя, уж больно зловеще он выглядел. Я оглянулась. Подруга уже успела скрыться в своей комнате, но действовать в одиночку я никогда бы не решилась. Пришлось звать и стучать. Сонька выскочила с круглыми перепуганными глазами.

— Пстой внизу, пока я чердак закрою.

— Блин, это непременно сейчас надо делать? Может, завтра?

— Ты думаешь, я смогу заснуть, пока тут все нараспашку? Ну, уж нет!

Мне пришлось влезть в люк по пояс, ведь его крышка была откинута вовнутрь.

Как влезла, так и застыла. Потому что буквально в нескольких метрах от меня парило нечто, напоминавшее звездное скопление, сфотографи-

рованное с помощью мощного телескопа. Оно слегка мерцало и переливалось. И у него была голова!

— Кто тут? — испуганно пискнула я.

Фантом слегка уплотнился, потом вытянулся в высоту и заколыхался.

— Что там? — взвизгнула внизу Сонька.

Фантом еще с полминуты продолжал раскачиваться, а затем плавно отделился, одновременно растворяясь в темноте. В последний момент он завис, и я различила под ним перекрестье балок. Исчезая, фигура изогнулась и словно указала на него. И все — только звезды в треугольном чердачном окне и запах какой-то прели.

— Долго ты там будешь торчать?! — окончательно запаниковала Сонька. — Слезай давай, а то я Борьку позову!

С трудом повинующейся рукой я нашарила на деревянной крышке железное кольцо и подняла ее. Потом слезла на пару ступенек вниз и хлопнула за собой люк.

— Ты решила меня в гроб вогнать?! — встретила меня внизу подруга. Потом взглядела в мое лицо и сбавила тон: — Ты чего такая зеленая?! Там что, кто-то был?

— Привидение, — кивнула я.

— Да брось...

— Я не верю в привидения... Но я его видела.

— Если бы я увидела... слетела бы оттуда пулей, а ты так спокойно говоришь! — заметила подруга.

— А надо, чтобы я выла и визжала?

— Тут сегодня уже выли... — начала Сонька и осеклась.

— Похоже, он тоже его увидел, — кивнула я. — Это объясняет...

— Ну вот, так я и знала, что раскопки костей приведут к этому! Говорила же!

— Вы долго еще будете у меня под дверью бухтеть?! — сердито рявкнул на нас высунувшийся из-за двери Борька. — Спать! Всем спать!!! Ба-лаболки!

Мы с Сонькой переглянулись и шмыгнули по своим комнатам. В конце концов, о призраках можно поговорить и завтра, при свете дня.

Самое интересное, что в ходе всех военных действий ни Алекс, ни Кеша так и не проснулись. Даже ухом не повели!

Утро наступило слишком быстро. Солнечный луч просочился в щель между шторами и стал щекотать мой нос. Я повертелась под одеялом, потом догадалась взглянуть на часы и подскочила. Полдесятого!

Когда спустилась вниз, с речки вернулись свежие и веселые Алекс и Кеша. Вот уж кто прекрасно выспался сегодня.

— Алисс, Соня сказала, что вы ночью видели привидение! — воскликнул Алекс, едва заведя меня. — Это правда?

— Вообще-то видела его я одна, Сонька внизу была. А я имела счастье, да. Натуральный призрак.

— И как этот фантом выглядел? — пошевелил в воздухе пальцами Алекс.

— Весьма прилично выглядел. Даже красиво — сгусток звездного тумана. Двигался, качался, потом исчез. Вот что, ребята, вы как хотите, а я собираюсь залезть на чердак. Надо глянуть, что там такое, вдруг я приняла за приведение висящие там со времен Второй мировой войны подштанники.

— Твоя инициативность не знает меры, — покачала головой подошедшая к нам Аллочка. — Борьку с собой возьми, он тоже собирался туда лезть, если уже этого не сделал.

— Как уже?! — взвилась я. Вот ведь, всегда родной брат так и норовит дорогу перебежать!

Я помчалась к Дому, Кеша и Алекс, а также подхваченный где-то по пути Денис, следом. Аллочка безнадежно отстала от нас, а потом вовсе махнула рукой и отправилась на кухню.

Борька действительно успел взгромоздиться на чердак — когда я полезла вверх по лестнице, в распахнутом люке появилась его мрачная физиономия.

— Я тут много интересного обнаружил, — лаконично сообщил он и посторонился, пропуская меня. После такого заявления Алекс и Кеша тут же забрались следом.

А я и не знала, что наш чердак настолько обширен. Впрочем, неудивительно, дом-то не маленький. Удивительно другое — то, что, в отличие от подвала и сарая, здесь царил полный порядок. Мощные стропила вздымались вверх, подпираемые дополнительными брусками, справа высилась и уходила в обитое железом отверстие в кровле печная труба. А внизу пол пересекали толстые балки. Освещалось все это через четыре оконца с мутноватыми стеклами. В общем, если приложить руки, то тут вполне можно было бы и жить...

— Смотри сюда! — нетерпеливо окликнул меня братец. — Этот тип явно собирался устроить нам веселую ночку.

С этими словами он вытащил из-за балки тряпичный мешок и извлек из него пару желтого цвета цилиндриков, картонную коробку и скрученный лист ватмана.

— Ничего себе! — присвистнул Кеша. — Прямо набор диверсанта!

Тут до меня дошло, что цилиндрики — не что иное, как динамитные шашки. На коробке были неразборчивые надписи и изображение летящей в небе желтой кометы. Похоже на новогоднюю петарду. То-то дед обрадовался бы!

Братец развернул ватман, и мы прочитали: «Это последнее предупреждение!» Черные, коряво написанные маркером буквы выглядели зловеще.

— В принципе, можно и ФСБ вызвать. Налицо подготовка к теракту! — вздохнул Борис.

— И что ты им предъявишь? Две шашки для глушения рыбы, петарду и плакат с угрозой? Бляховка все же не крупный город, в которых обычно теракты устраивают. И, скорее всего, фээсбэшники сочтут все это обычными соседскими склоками и передадут дело все той же полиции. Так что смысла во всем этом не вижу, — махнула я рукой и повернулась, еще раз осматривая чердак.

Итак, призрак висел где-то тут. Или чуть дальше. Я встала напротив треугольного окна. А удалялся он в эту сторону. Никаких особых следов в этом месте не было. А вот в противоположном углу натоптано — вначале тем, кто оставил мешок с боеприпасами, затем Борькой и нами.

— Вот как он сюда влез! — выглянув в ближайшее окошко, присвистнул Кеша.

Мы по очереди тоже выглянули. Внизу была та самая пристройка, в которой находился вход в подвал. Крыша у нее практически плоская, а поодаль валяется в траве трехметровая лестница. Диверсант влез на пристройку, втащил и установил лестницу и довольно легко влез на чердак.

— Лестницу в саду взял, пока мы на кухне совещались! — с досадой пробормотал Борис. — Но зачем потом ее скинул?

— Могла и сама свалиться. А мы так шумели, что ничего не услышали, — вздохнула я.

Вот, кажется, и перекрестье балок, над которым фантом завис и наклонился. Я быстро подошла и осмотрела стык. Потом присела и запустила под него руку. Пальцы зарылись в какую-то труху — то была пакля или мох и земля, которой засыпали чердачный настил для утепления. За долгое время все это превратилось в нечто рыхлое и однородное. Проведя рукой, я нащупала мягкий сверток и с трудом вытащила его из-под балки. Довольно тяжелый сверток, между прочим, килограмма полтора.

Распрямившись, я обнаружила, что остальные, заинтересовавшись моими манипуляциями, сгрудились вокруг. И все с интересом смотрели на грязную мешковину, которой была обернута моя находка.

— Осторожней разворачивай, — посоветовал Кеша. — Вдруг там тоже что-то взрывоопасное.

Я положила звякнувший металлом сверток на балку и попыталась развязать перетягивающую его крест-накрест бечевку. Прелый узел развязываться не желал, но веревочка легко разорвалась. Хорошо бы там были не гранаты...

— Еще один клад, — констатировал Борис, рассматривая то, что лежало на развернутой мешковине. Это были ножи и вилки с толстыми черенками, два подстаканника и портсигар — все почерневшее и весьма непрезентабельное. Похоже на серебро, но очень грязное.

— А с чего это ты полезла именно под эту балку? — заинтересованно спросил Кеша, беря в руки портсигар. — Смотри-ка, замочек не работает, окислился, наверное.

— Мне его призрак указал, — совершенно серьезно ответила я.

Воцарилась тишина.

— Врешь? — неуверенно спросил братец.

— А как, по-твоему, я это нашла?

— Он что, знак тебе подал? — Брови Алекса полезли вверх.

— Что-то вроде этого, — кивнула я. — Болтался в воздухе, потом многозначительно изогнулся над этим местом. И исчез.

— А кто говорил, что у нас привидения не водятся? — ухмыльнулся братец. — И вот — как по заказу... Кстати, кто это может быть? Кто-то из Лаптевых или тот, чьи косточки лежат в подвале?

— Понятия не имею, — отмахнулась я. — Может быть, он тут испокон веку окопался, тихий такой призрак, никому не мешал, по Дому зря не шастал. И только вчера на него диверсант нарвался.

— Я в привидения не верю, — покачал головой Кеша. — Их нет.

— У меня тоже есть сомнения, — согласился Борька. — Хотя если ведет себя смирно, то пусть будет, какие возражения.

Я же решила для себя, что больше в ночное время на чердак ни за что не сунусь — хватит с меня впечатлений. Но вот трубу чуть позже осмотреть стоит.

Глава девятнадцатая

Мы торжественно спустились вниз как раз к обеду. Находки на собравшихся в столовой впечатление произвели. Папуля даже пообещал самолично вычистить почерневший металл, чтобы разобраться с тем, что он собой представляет. Дед страшно оживился при виде динамита, так что пришлось ему напомнить, что глушение рыбы — варварство, не достойное благородных любителей родной природы. А соседский дом он уже и так взрывал, без всякого динамита. Посему шашки и петарда были заперты в сарае с целью их последующего уничтожения. Или предъявления в качестве улики — как получится.

После обеда я решила навестить Панариных — все же меня мучило чувство вины за то, что я привлекла внимание врага к их дому. Алекс вызвался сходить со мной и всю дорогу до панаринских ворот выражал свое восхищение моей смелостью, сообразительностью и вообще всем.

Высунувшаяся на мой стук за калитку Марья Петровна шепотом сообщила, что у них все в порядке — Иван зарядил новую брагу и теперь стережет ее по ночам, поставив на кухне топчанчик.

— Сейчас крышу ладит, — пояснила соседка. — Так Маняшу около бражки посадил, чтобы глаз с нее не спускала. И Шарику цепь удлинил, теперь тот до кухонного окна достает. А я вот думаю...

Но что она думает, Марья Петровна высказать не успела — из-за конька крыши появилась взлохмаченная голова ее супруга, и двор огласился замысловатой тирадой, состоящей из нецензурных выражений и просьбы доставить усталому труженику холодного квасу. Хозяйка поспешно убежала исполнять желания повелителя.

— Какой фольклор! — восхищенно провозгласил Алекс. — Язык народа. Правда, я смысл не очень уловил.

— И хорошо, что не уловил. Иначе бы тоже захотел стащить этого самогогонщика с крыши за ноги и воткнуть головой в чан с бражкой.

Мы вернулись к себе во двор. У сарая папуля старательно драил мелом и какой-то вонючей субстанцией найденные на чердаке предметы. Подстаканник с изображением зубра в чаще дубового леса и портсигар уже сияли. Да, несомненно, это было серебро, и сделаны вещицы были уже после революции, во всяком случае, на подстаканнике я рассмотрела клеймо «Ленинград», а на крышке портсигара был изображен Московский Кремль со звездами на башнях. Похоже, это те самые ценности, которыми расплачивались во время войны с прежними хозяевами Дома беженцы.

Мне стало не по себе, и я в душе согласилась с Валентиной Игоревной — такие вещи счастья их новым владельцам не принесут. Но не выбрасывать же их. В памяти всплыл подвал, в котором должен быть антикварный магазин. Вот отдадим находки Одинцову, пусть продаст, а деньги в какой-нибудь детский дом отнесем. Кроме тех, конечно, у которых есть хозяева — семейство Броуди-Мошанских. Это будет справедливо. Но вначале нужно найти еще один тайник — в печи. Впрочем, он может быть и не один, если учитывать очевидную любовь бывших хозяев Дома делать закладки в самых разных местах.

Подошел Денис, кивнул на портсигар, который я продолжала вертеть в руках, и предложил:

— Металлоискатель!

— Что? — не сразу поняла я.

— Можно попробовать обследовать печь с помощью металлоискателя. Я могу его позаимствовать на время — в экспедиции мы им всю пользувались.

— Металлоискатель? — немедленно влез в разговор подскочивший Борька. — Здорово! Можно прямо сейчас за ним в город махнуть, а на обратном пути заберем мамулю с мелкими хулиганами.

— Только мне надо сначала позвонить, если ребята в поле, то придется узнавать, где именно, и рулить туда, — оживился Денис. — Ты иди машину готовь, я сейчас.

— Насыщенное выдалось у нас лето, — вздохнул папуля, продолжая оттирать тряпицей зубчики вилки, — никогда такого не было. Но зато не скучно...

— Это точно, — согласилась я. — Клады, бандиты, призраки...

Кеша тем временем слонялся по двору в компании Крошки — ему было велено не давать ленивому псу нагуливать послеобеденный жирок, валяясь на травке.

Я сжалилась над ним и предложила Крошке прогуляться по деревне, подкрепив приглашение демонстрацией кусочка сдобного печенья. В свою компанию мы пригласили еще Алекса и Борьку, но братец заявил, что в кои-то веки имеет право на личную жизнь, и залег в шезлонг с книгой. Зато Алекс охотно согласился, и мы с ним и Крошкой медленно побрели по деревенской дороге. Сегодня было не так жарко, дул легкий ветерок, а на горизонте появились веселенькие облачка, похожие на кудрявых барашков, так что погода для прогулки была в самый раз.

Андреич, ловко скакавший между грядок со здоровенной оцинкованной лейкой в руках, при виде нас бросил поливать огурцы и высунул свой любопытный нос из-за жердей:

— А Ванька-то Панарин сказывал, домину вы хотели евойную прикупить. Не иначе обжениться решили?

— Да с чего это ты взял? — от неожиданности смутилась я. — Просто интересовались.

— А что, вот обженемся, — усмехнулся Алекс, — и устроим тут родовое гнездо.

— Гнездо? — почесал небритую щеку Андреич. — А нехай и гнездо, тоже дело. Помидорки-то брать будете?

— Будем. Тащи помидорки, сколько есть.

Я отдала неугомонному соседу пакет и уселась под лопухами. Псина тут же завалилась под забор и блаженно зажмурилась. Алекс, с сомнением оглядев травку, приземлился рядом со мной и блаженно протянул:

— Хорошо как! Муравьи бегают, козы пасутся, бабочки летают. В деревне очень полезно жить.

— Ага, — кивнула я, — особенно, когда ничего не взрывают и никого не похищают.

— И все равно — хорошо, — обнял он меня за плечи. — Никогда не думал, что та жуткая поездка может превратиться в романтическое приключение. Представляешь, Тэд уже настучал бабушке, что я влюбился.

— А ты влюбился?

— А что, не заметно? Кстати, бабушка звонила. Собирается сюда приехать.

— Что?! — подпрыгнула я и чуть не сломала Алексу нос, который располагался вблизи моего правого уха. Вот только чопорной английской старушки нам для полного кордебалета не достаёт! Интересно, куда мы ее спать положим? В гамак? А если она с горничными и камеристкой прикатит?

— Да не пугайся ты так, — расхохотался Алекс. — Я ее отговорил. По крайней мере, до того, как мы статуэтку найдем. И даже если найдем, все равно не пугайся — бабушка одно время жила с дедушкой в Танзании, в каком-то племени, так что никакая Бляховка ее не испугает.

— А вот и помидорки! — выскочил за ворота Андреич и слегка смутился, увидев идиллическую сцену наших объятий. — Помидорки, говорю! Прямо с грядки. Донесете?

В одной руке он держал набитый до краев пакет, в другой — потрепанный вещмешок, завязанный цветастым пояском от женского халата. Мешок бугрился помидорными боками. Ну, хотя бы салатами мы теперь дня на три обеспечены.

Рассчитавшись за покупки, мы решили вернуться домой, чтобы избавиться от груза — гулять с пудом помидоров не слишком здорово. Крошка, зевая во всю свою устрашающе зубастую пасть, флегматично последовал за нами.

Выгрузив помидоры и получив от Алочки дополнительное задание — попытаться добыть сметаны, мы снова отправились на прогулку, на этот раз — в сторону леса.

— Смотри, кто-то едет, — махнул рукой Алекс, показывая на знакомый синий джип, который трясся по грязным ухабам.

— Ага, главари нагрянули проверять, убрались ли мы из Бляховки или нет. То-то разочаруются. Думаю, кому-то за ночную вылазку точно по ушам надают.

Глава двадцатая

Когда мы добрались до Дома, там царил легкая паника.

— Где вас носило? — набросилась на меня Сонька. — Мобильник твой твердит, что ты вне связи. Мы тут уже бог знает что подумали!

Борька, Денис и мамуля с детьми еще не вернулись. Папуля страдал над статьей, проклиная редактора и собственный склероз, дед и Макрайстер резались в нарды, Аллочка и Дима в четыре руки резали овощи для рагу.

— Я нашел еще два наконечника стрелы и доньшко от горшка, — сообщил археолог. — Похоже, что подвал действительно засыпали грунтом с какого-то поселения.

— А костей больше нет?

Меня вдруг осенила идея, что если мы найдем все останки и похороним их по-человечески, то наш тихоня-призрак обретет, наконец, покой. Точно, что-то такое было у Оскара Уайльда — в «Кентервильском привидении». Или наши призраки по-иному устроены?

— Костей нет, завтра закончим раскапывать эту часть подвала... — Дима выжидательно уставился на меня. Видимо, его волновала мысль, позволим ли мы им с Денисом ломать пол во второй половине подземелья. А куда мы денемся?

— Надо еще печную трубу обследовать, — устало плюхнулась я на табуретку и сцапала из миски очищенную морковь. — До того, как домну затопят. И сразу предупреждаю, что одна я на чердак не полезу.

— Полезем вместе... — начал Дима, и тут со двора раздался громкий крик.

Скорости, с которой мы вылетели из Дома, могли бы позавидовать любые спецназовцы.

— Что это было?! — взволнованно спросила Аллочка, пытаясь обогнуть лужу у сарая. — Кто кричал?

Обменявшись с Димой взглядами, мы бросились в сад. Но и там, и на огородных грядках никого не было видно. Тишина и спокойствие. Только шумела вода в душе. Душ!

— Эй! — крикнула я, постучав в обитую фанерой дверь. — Тут кто-то есть?

— Есть, — отозвался голос Алекса. — Тут я.

— Это ты так вопил?

— А что, слышно было? Извини, я не хотел. Просто вода оказалась холодной.

Подошедший археолог злорадно хихикнул — только наивный иностранец мог вообразить, что из железной бочки в саду может течь что-то, кроме холодной воды.

За ужином Алекс, хохоча, рассказывал, как он, защитив раненую голову привезенной из Англии купальной шапочкой и вооружившись флаконом геля, решил принять душ. Как на грех, перед этим нагревшуюся за день воду использовали Кеша и Сонька, так что у новой порции была вполне колодезная температура — бочка с помощью электронасоса снабжалась из скважины.

— Я еще удивился, почему в кабинке только один кран, — пожал плечами новоявленный спартанец. — И тут как хлынет! Но я, вроде бы, только вскрикнул от неожиданности.

— Ты орал так, словно с тебя кожу живьем сдирали, — хмыкнул Дима.

— Я уж решила, что гады предприняли очередную вылазку, — подтвердила я. — Кстати, что-то слишком там у них тихо. Подозрительно. Борьке кто-нибудь звонил?

— Я звонила час назад. — Аллочка прожевала кусок жареной колбасы, служащей сегодня мясным блюдом. — Он сказал, что мамуля по дороге велела заехать в магазин.

— Тогда это надолго. Особенно с Ньюшей и Васькой. Дай бог, до темноты бы вернулись.

— Алисс, бабушка звонила, — шепнул мне Алекс. — Говорит, что Грегори куда-то пропал. Так я и знал, что тут не обошлось без этого подлеца!

— После ужина пойдем на речку, там поговорим, — тихо ответила я. — Только бы посуду не припахали мыть!

Но посуда досталась папуле, а мы под видом выгуливания Крошки, двинулись к Рузняйке. Солнце, багровое после грозы, садилось за лес, озаряя окрестности совершенно потрясающим ало-золотистым светом. Мы устроились на стволе поваленного дерева, ветки которого были в воде, а вывернутые корни и половина ствола — на берегу.

— Так что там насчет Грегори? — нетерпеливо спросила я.

Из дальнейшего рассказа Алекса следовало, что, после того, как он несколько раз настойчиво интересовался местонахождением кузена, Софья Павловна поручила разыскать Грегори, где бы тот ни был. Но, увы, его мобильный телефон не отвечал, а его родители могли только сказать, что видели отпрыска последний раз недели две назад и где он сейчас, понятия не имеют. Грегори уже достаточно взрослый мальчик, чтобы жить отдельно и путешествовать самостоятельно. Так что теперь абсолютно непонятно, куда этого типа занесло и все ли с ним в порядке.

Последний вопрос Алекса волновал менее всего. Если кузен отправился развлекаться на Огненную Землю или к папуасам — пусть его. А вот если в Россию, чтобы подгадить ближнему, это совершенно другой коленкор.

— Я его это... в порошок сотру, — мрачно заявил Алекс и шмыгнул носом. Очевидно, ледяной душ не прошел для него даром, и надо бы не забыть скормить ему на ночь таблетку аспирина.

— Самое странное во всем этом, — подумав, изрекла я, — то, что этот самый Грегори не отвечает на звонки. Ведь ему надо бы создавать видимость своей непричастности к этой истории. Вот и сообщал бы, что купается в Ницце или бродит по Нью-Йорку, а к Бляховке не имеет ни малейшего отношения. Очень уж подозрительное молчание!

— Согласен, — кивнул Алекс. — Это совершенно непохоже на милого кузена.

На быстро тускнеющем небе уже появилась половинка луны, и мы поспешили вернуться домой до наступления темноты. К тому же надо было менять Алексу повязку, поить его лекарствами и горячим молоком. Сколько забот с этими болезненными мужчинами, просто поразительно!

На всякий случай мы заперли на ночь все двери на засовы, по десять раз проверив каждый. Окна тоже заперли, сделав деду внушение, чтобы он больше не вздумал их открывать. И все же спала я беспокойно — чудились осторожные шаги (как потом оказалось, это Сонька захотела пить и отправилась на кухню за квасом), голоса (это Аллочка и Борька выясняли, откуда Васькин лексикон пополнился парой совершенно непечатных выражений) и какой-то стук (это папуля так ноутбук ремонтировал).

Но ничто не помешало моему внутреннему будильнику поднять меня на рассвете. Господи, где они, безмятежные времена, когда я любовалась восходами, вместо того чтобы ни свет ни заря переться в гости к привидению!

Почистив зубы и выпив кофе, я отправилась за Димой. Из палатки доносился парный несинхронный храп. Покрутившись вокруг синего шатра, прочно застегнутого изнутри на две молнии, я тихо позвала:

— Дима, вставай!

Никакого эффекта. Мне пришлось раза четыре прибавлять громкость, прежде чем на мой вопль:

— Димка, подъем!!! — вжикнула застежка, и из палатки высунулась заспанная бородатая физиономия.

— Ты чего?! — удивился Дима, пытаюсь без очков разглядеть меня в утреннем полумраке. — Еще же ночь!

— Уже утро, — бодро заявила я. — Пошли трубу посмотреть, а то скоро Аллочка печь затопит!

— Чего вам не спится? — появилась рядом с первой вторая физиономия, до предела возмущенная.

— Я обещал Алисс залезть с ней на чердак, поискать тайник в трубе, — зевнул Дима. — Но не думал, что это будет... — Он поднес к глазам кисть руки и близоруко прищурился на циферблат часов. — ...В половине пятого утра! С ума сойти!

— Зато потом можешь отоспаться, — не отставала я. — Дрыхни хоть до обеда.

— Ладно, маньячка, — простонала моя жертва, — только очки найду и штаны надену.

— Тогда уж и я с вами, — вздохнул Денис, — а то ведь все равно уже не усну.

Пока археологи копошились в палатке, я разглядывала трубу на крыше. Обычная труба, кирпичная, когда-то побеленная, а сейчас облупленная и закопченная сверху. И высокая, метра полтора. Подобраться к ней вполне можно — по скату железной крыши была проложена широкая доска с набитыми на нее поперечными планками. Своеобразная лестница для трубочистов. Кстати, папуля говорил, что ранней весной он вызывал какого-то типа, чтобы прочистить дымоход, потому что печь безбожно дымила.

— Ну, пошли, командир, — вылез на свет божий Дима. — Денис нас догонит.

Знакомым путем мы влезли на чердак, прихватив с собой стремянку. Как мы ее втаскивали по вертикальной лестнице — отдельная песня, но обошлось без падений и травм. Призрака мы тоже не обнаружили — было уже довольно светло.

Простукивание трубы с чердака ничего не дало — кладка во всех местах отзывалась одинаковым мелодичным гулом. Появился Денис, таща за собой черный прямоугольный футляр и метровой длины железную палку с кругом на конце. Палка шнуром соединялась с футляром. Металлоискатель!

Осмотрев швы между кирпичами, он констатировал:

— Вряд ли тут что-то замуровано. Во-первых, толщина всего в один кирпич, во-вторых, дымоход работает исправно. Сюда разве что пару коробков спичек можно было спрятать, а это совсем не тот размер. Но проверить все-таки не мешает.

Он повесил футляр на плечо, надел на голову наушники и принялся водить палкой с кругом вдоль трубы. Мне немедленно вспомнился персонаж Савелия Крамарова из «Трембиты», который повсюду таскался с металлоискателем.

Через полминуты Денис сорвал наушники и сердито заявил:

— Ну и олух я! Тут везде металл — внутри железная труба на всю высоту, так что ничего не выйдет, только оглохну от писка.

Вот вам и технический прогресс...

Мы еще раз осмотрели, обстучали и ощупали проклятую трубу. Но добились только того, что примчалась встревоженная Аллочка, услышавшая стук в стене собственной комнаты — дымоход проходил как раз через нее.

— С ума сошли? — сердито зашипела она. — Сейчас всех перебудите! Но, к нашему удивлению, больше никто не проснулся.

— Полезли на крышу! — бодро предложил Дима. — А потом еще раз посмотрим саму печь. Чтобы уж окончательно решить, надо ли ее разбирать.

— Разбирать? — насторожилась Аллочка. — А готовить на чем?

— Это, конечно, вопрос, — задумался Денис. — Кстати, чем быстрее мы сейчас управимся, тем быстрее завтрак получим! Ты пока это чудовище не разжигай, мы быстренько.

Быстренько не получилось — влезание на крышу и осмотр наружной части трубы заняли около получаса. И это еще хорошо, что меня туда не пустили. Мы с Аллочкой переживали и давали советы из чердачного окна.

Наконец археологи вернулись обратно.

— Нет там ничего, — сообщил Дима, спрыгивая на пол чердака. — Труба, как труба. Кладка еще тоньше, штукатурка однородная.

— Ну, нет, так нет, — кивнула я. — Тогда остается сама печь.

— Пошли! — Денис подхватил металлоискатель. — Димка, спускайся первым, а я тебе эту штуку сверху подам. И кстати, насчет костей не волнуйтесь, к Дому они отношения не имеют, им минимум лет пятьсот. Опытные товарищи посмотрели и сказали, что выглядят они более свежими потому, что почва тут такая. Так что если кого-то и съели, то задолго до основания Бляховки. А скорее всего, это останки какого-то старого захоронения.

— Не знаю, стало ли мне от этого легче, — с сомнением вздохнула я. — Останки, они и в Африке останки.

Внизу царила тишина, нарушаемая только похрапыванием Крошки. Милая собачка почему-то решила, что ночевать лучше не рядом с хозяйским ложем, а на кухне, у печи.

— Вставай, лодырь! — окликнула я его.

Подняв голову, боксер сонно открыл глаза и зевнул, щелкнув огромными зубами. Потом разглядел подходящего к нему с металлоискателем наперевес Дениса и быстренько смылся в гостиную.

— Пока вы тут копаться будете, пойду я умоюсь, — вздохнула Аллочка. — А потом дров натаскаю из чулана.

— Давай я натаскаю, — тут же предложил Дима, отодвинул засов и открыл дверь, ведущую в дровяной чулан. Оттуда повеяло сквозняком, заставившим меня насторожиться. Засов со стороны кухни я лично проверяла. А чулан?..

— Стой! — заорала я так, что услышал даже Дима — через наушники. А Денис отскочил от двери, словно сайгак. Три пары глаз с недоумением уставились на меня.

— Изнутри чулан запирали? — драматическим шепотом поинтересовалась я, заглядывая в тесное помещение. Там было довольно темно, чтобы что-то рассмотреть. Защелка на двери была отодвинута, а сама дверь легонько покачивалась от дуновений утреннего ветра.

— Понятия не имею, — пожала плечами Аллочка. Археологи тоже покачали головами. Собственно, откуда им знать, они ночевали в палатке, несмотря на уговоры переселиться хотя бы на время в дом.

— Вот то-то и оно... Никому туда не заходить, пока не посмотрим, нет ли там динамита.

— Опять динамит? — раздался от двери голос папули. — В этом доме становится дурной традицией получать на завтрак динамит вместо кофе.

— Типун тебе на язык! — рассердилась я. — Фонарик у нас где?

— Сейчас принесу. В дедовой рыбацкой амуниции, кажется, есть.

Через пару минут я осветила внутренности чулана. Слева висилась наполовину разобранная поленница, а в центре стояла табуретка, на которой позапрошлой ночью сидел в засаде Борька. На табуретке лежала половинка кирпича, придавливающая свернутый лист бумаги.

— Отойди, — сдвинул меня в сторону Дима и шагнул в чулан. — Держи!

Я взяла из его рук бумагу и прочитала: «А.Б.! Если хочешь увидеть родственника живым, готовь пол-лимона убитых енотов. В полицию не обращайся, иначе ему конец».

Ничего себе... А.Б. — это, несомненно, Алекс Броуди. С родственником тоже, кажется, ясно — Грегори Броуди, противный кузен Алекса. Но каков поворот сюжета! Только вчера мы рассуждали о том, что именно Грегори строит Алексу и всем нам козни, а сегодня за его, кузену, голову требуют выкуп.

Глава двадцать первая

— Что значит «пол-лимона убитых енотов»? — с интересом спросил Алекс, когда я его разбудила и дала прочитать послание.

— Пятьсот тысяч евро, — пояснила я.

— Ты уверена? — изумился Алекс. — Я бы за Грегори и пять пенсов не дал!

— К сожалению, уверена. Лимон — это миллион, а убитый енот — у.е., то есть, условная единица.

— Замысловато... И что теперь делать?

— Ну, наверное, в первую очередь сообщить бабушке, что следы Грегори обнаружены. А потом... — Я задумалась. — Слушай, вообще, вся эта история идиотизмом пахнет! Твой кузен приезжает в Россию, чтобы опередить тебя, отыскать скульптуру прапрабабушки и тем самым выслужиться перед бабушкой. Дескать, воспылает Софья Павловна чувствами к внуку и завещает ему в ущерб другим родственникам контрольный пакет акций, фамильный замок, яхту, самолет и что там у вас еще есть...

— Замок, яхт и самолетов у нас никаких нет! — замотал головой Алекс.

— Значит, контрольный пакет. Вот так вот. Но разве бабушка обещала что-либо подобное? Типа — кто привезет мне «Елену Прекрасную», тому отдам этот самый пакет. Или я чего-то не понимаю?

— Ничего она не обещала. И задание, которое она нам с Тэдом дала, совсем не тест на сообразительность или преданность. Просто бабушке захотелось попытаться вернуть эту вещицу в семью. Ничего более.

— Тогда с чего Грегори рванул в Бляховку, задрал хвост? И не просто рванул, а нанял каких-то типов, чтобы они ему помогали. Причем, заметь, они до деревни добрались куда раньше вас, дом примерно вычислили,

купили его или сняли и начали тихо-мирно разносить по кирпичику. И тут объявились вы с Макрайстером... Как это объяснить?

— Вот он, тот самый месяц! — подпрыгнул в кровати Алекс. — Помнишь, я говорил, что мы целый месяц в эту экспедицию собирались? А как же — все надо подготовить и перепроверить, багаж упаковать, морально подготовиться... Вот и прособирались. А Грегори ждать не стал, подлец, он всегда шустрым был.

— Слушай, с чего это ты его так не любишь? — поинтересовалась я. — Все-таки родная кровь, брат, хоть и двоюродный. Даже если он с придурью и мнит себя лучше других. Можно же просто не обращать внимания.

— Ненавижу дурацкие розыгрыши и любителей делать другим гадости, — сердито отрезал Алекс. — Знала бы, чего мне это в свое время стоило! До сих пор хочется придушить эту гадину!

С трудом мне удалось вытянуть из него ту самую историю, из-за которой более чем прохладные отношения между кузенами переросли в откровенную вражду.

Оказывается, у Алекса кроме Грегори был еще один кузен, Энтони. В детстве Софья Павловна звала внуков Алешка, Гришка и Антошка. Грегори был на три года старше Алекса, а Энтони — на два года младше. По традиции школьные каникулы все трое проводили в доме у бабушки, и все это время старший кузен всячески подкалывал и даже порой поколачивал младших. Но — поодиночке. Энтони был хрупким белокурым очкариком, типичным «ботаником», так что ему доставалось больше. Алекс же постепенно научился давать отпор, да еще и сообразил, что, объединившись с младшим кузеном, они вдвоем способны устроить старшему неплохую взбучку. С той поры Грегори слегка поджал хвост, и руки уже не распускал. Но злобу затаил.

Однажды Алекс написал кузену записку, что-то вроде: «*Энтони, я купил тебе билет на футбольный матч*», и оставил ее в его комнате на столе. Гадкий Грегори похитил послание и, ловко скопировав почерк, переписал его в стиле: «*Дорогой Энтони, я тебя люблю! Приходи в полночь к амбару, не пожалеешь. Твой до гроба Алекс*».

Разразился скандал — впечатленный посланием, Энтони как всякий истинный английский «ботаник» тринадцати лет от роду, размахивая запиской, помчался жаловаться бабушке. Софья Павловна, надо отдать ей должное, быстро разобралась с фальсификацией. Но благодаря Грегори дело получило шумную огласку в среде приятелей Алекса, и тому пришлось пережить в школе множество издевок и косых взглядов, в том числе и от некой Мэри Льюис, в которую он был тогда по уши влюблен.

Ну, и как прикажете относиться к подобным выходкам?

— И если бы только это... — вздохнул Алекс. — Теперь ты понимаешь, что ни о какой братской привязанности между нами не может быть и речи. Грегори абсолютно мерзкий тип, и если ему оторвут башку, я, конечно, приду на его похороны. И даже букет роз куплю. Но плакать не стану. Так что похитители просчитались — я немедленно сообщу о них в полицию, и на этом буду считать свой долг полностью исполненным.

— Погоди-ка, — пришла мне в голову свежая мысль. — Значит, твоего кузена похитили те, кого он нанял, чтобы найти статуэтку? То есть, Жиря, белобрысый и пузатый Иван Петрович? Они что, совсем психи — мы же их всех видели и, если что, можем опознать! Я понимаю, что наши бандиты — существа не шибко умные, но не до такой же степени. Ну, допустим, они могут куда-нибудь спрятаться, но Стасик лежит в больнице, так что его найти будет раз плюнуть, а через него и остальных. Нет, как говорил театральный классик — не верю!

— А ведь действительно, — с уважением посмотрел на меня Алекс и даже руку мне поцеловал. — Похищение всегда обставляется так, чтобы никто не знал личностей похитителей. — Тут он от руки перешел выше и заключил: — Я бы сказал, что это похоже на проделки самого Грегори!

— Какие мы с тобой умные! — восхитилась я. — Значит, если твой двоюродный братец потерял надежду добраться до статуэтки и от безысходности решил подзаработать на собственном похищении...

— То он крупно просчитался! — переводя дыхание, воскликнул Алекс.

— А если все-таки нет? — засомневалась я. — Если ему грозит опасность? Надо что-то предпринять, чтобы это выяснить.

— Что?

— Похитить Стасика! — подумав, предложила я. — Прямо из больницы!

— Ты с ума сошла! Во-первых, это серьезное преступление, а во-вторых, как ты себе это представляешь?

— Элементарно, Ватсон! Нужно заслать в больницу человека, которого Стасик ни разу не видел среди нас, и сообщить, что Жиря и Иван Петрович велели ему срочно сматывать удочки из лечебницы и спрятаться. Дело, мол, пахнет керосином. После чего отвезти Стасика куда-нибудь и там запереть, якобы для его же блага. Надеюсь, что он уже оклемался настолько, что его здоровью это не повредит. А пока он будет там отсиживаться, мы сможем диктовать Пузатому и компании свои условия.

Дверь в комнату приоткрылась, и из-за нее высунулся любопытный Сонькин нос.

— Интересные у вас тут разговоры ведутся, — нахально заявила подруга.

— Ты подслушивала! — взвилась я. — Совесть имей! Можем мы хоть немного побыть наедине?!

— Ага, для того, чтобы организовать уголовно наказуемое преступление, — прокурорским тоном парировала Сонька и ввалилась в помещение. Устроившись на детском стульчике, она уставилась на нас круглыми глазами:

— Вы это серьезно обсуждали? Ну, чтобы Стасика похитить и спрятать?

— Только как крайнюю меру, — замотала я головой. — Неужели ты серьезно считаешь, что мы на это способны?

— Вполне способны, я ваши таланты знаю. Особенно твои. Если что в голову вступит, то уже ничем не выколотишь.

— Зато я — человек рассудительный, — заявил Алекс. — Как ты могла подумать, что я соглашусь на подобную авантюру!

— Ты — мужчина, — отмахнулась Сонька. — Внушаемое существо. Соглашешься, куда денешься! А вообще-то идея неплохая, — неожиданно добавила она. — У меня даже местечко есть, куда этого типа можно было бы спрятать. Дача Суслика вполне подошла бы. Сам он сейчас в Бельгии, вернется только к концу года. А ключи у меня есть. Оттуда при всем желании не удерешь — входные двери из стали, а на всех окнах решетки похлеще, чем в тюрьме.

Я вытаращила глаза. Неужели Сонька серьезно? Года два назад я имела счастье побывать на этой даче. Суслик — это Сонькин дядюшка, довольно странная личность, зарабатывающая на жизнь игрой на саксофоне. И, надо сказать, довольно неплохо зарабатывающая. Дача у него действительно смахивает на КПЗ, потому что Суслик жутко боится, что у него могут стащить его драгоценный инструмент, с которым он не расстанется ни днем ни ночью. Остальное его, в принципе, не слишком волнует — никаких других ценностей у него нет, только банковский счет и саксофон.

— Ты серьезно? — настал мой черед задавать этот сакраментальный вопрос.

— Просто я подумала, что если вы действительно решитесь на эту мистификацию, то лучшего места не найти. Так что имейте в виду.

Мы с Алексом обменялись паническими взглядами. Спонтанно возникшая идея внезапно начала обретать реальные черты.

— Стоп-стоп-стоп! — засуетилась я. — Вначале все-таки надо убедиться, что кузена действительно похитили, а не морочат нам голову. Я склоняюсь к последнему — решили паразиты бабок на халяву срубить, раз с «Еленой Прекрасной» не получается..

— Каких бабок рубить? — удивился Алекс. — Ты о чем?

— А, это идиоматическое выражение. Очки нам эти перцы втирают! — пояснила Сонька, после чего лицо англичанина приобрело еще более изумленное выражение.

— Так что пока ничего предпринимать не будем. Делаем вид, что все угрозы нам по барабану...

— По барабану? — заморожено повторил Алекс.

— Ну, побоку, то есть чихать мы на них хотели, — пояснила я. — Тогда они будут вынуждены как-то проявиться, сообщить, куда нести деньги и в каких купюрах. Обычно так делают, когда хотят получить выкуп. А мы тем временем попытаемся узнать, каково самочувствие Стасика. Потому что, если ему сделали трепанацию черепа или лоботомию, вариант с его изоляцией сам собой отпадает.

Тут я с надеждой взглянула на Соньку. Та понимающе кивнула — без проблем, в травматологическом отделении наверняка запомнили последнее ее пришествие, так что выдадут все врачебные тайны, чтобы только отвязалась. Поэтому решено — сразу после завтрака едем в город. Для моральной и физической поддержки возьмем Кешу — наверняка мамуля с Аллочкой уже километровый список необходимых покупок накропали.

На этом мы разбежались. Вернее, разбежались мы с Сонькой, а Алекс решил все-таки позвонить бабушке и, ничего не сообщая ей о полученных угрозах, поинтересоваться, не было ли со времени их последнего разговора каких-либо вестей от Грегори.

На кухне Денис заканчивал обследование печи, для чего опять пришлось снимать чугунный верх, извлекать колосники и открывать все железные заслонки и задвижки. Аллочка, чертыхаясь, взбивала миксером тесто для сырников, папуля пил кофе в столовой в обществе Кеши, а дед и Макрайстер пытались улизнуть от Васьки и Ньюшки, рвущихся отправиться с ними на рыбалку. Пришлось напомнить о мерах безопасности, заставить Борьку надуть пластиковый бассейн, залить в него три ведра воды и заманить туда детей. Единственной, кто не поднялся чуть свет и продолжал мирно спать, была, конечно же, мамуля.

Я надергала с грядки морковки, вымыла ее под краном и вернулась в Дом.

— Нет, в самой печи ничего нет. — Денис стащил с головы наушники и с вожделием покосился на пыхтящую кофеварку. — Уж не знаю, что и думать. Ты уверена, что бывший хозяин не морочил родственникам голову?

— Не похоже. Хотя кто его знает... Если он в конце жизни впал в маразм или решил таким образом отомстить сыну и невестке, то мог. И что, даже следов тайника нет?

— Ничего такого я не обнаружил, печи несколько десятков лет, удивительно прочное сооружение, хотя и несколько бестолковое — что за мастак ее клал, можно только догадываться. Ладно, после завтрака мы возвращаемся в подвал, докопаем там, еще раз проверим трубы и утрамбуем землю.

— А металлоискатель? — поинтересовался, входя на кухню, Борька. — Его когда вернуть обещал?

— Завтра или послезавтра. Нам все равно придется за зарплатой ехать, машина придет, вот заодно и отвезем.

Денис получил, наконец, чашку кофе и уселся с ней на подоконник.

— Тогда надо бы им весь Дом проверить, — оживился братец. — Научишь?

— Без проблем, — кивнул археолог, вгрызаясь в пряник с повидлом. — Можешь хоть всю Бляховку с ним обежать, батарею я зарядил.

У меня появилось нехорошее подозрение, что братец с металлоискателем чем-то сродни обезьяне с гранатой. Дай ему волю, полдома разнесет. Надо будет папулю предупредить, чтобы глаз с него не спускал, а то еще примется бесконтрольно стены ломать.

Глава двадцать вторая

В город мы отправились только спустя часа два, и то Сонька стенала, что ей не дали возможности нарисовать приличное лицо. Дай подруге волю, она будет красить и перекрашивать собственную физиономию до вечера. А вот то, что ноги комарами покусаны и плечи обгорели, ее совершенно не волновало. Наконец, обремененные кучей поручений, мы отчалили.

— Кстати, ты говорила, что вчера в бандитский стан кто-то пожаловал, — вдруг сказала Сонька, высовывая нос из окна. — А уже уехал?

— Ну, откуда я знаю, — отмахнулась я, лавируя между тремя колдобинами. Бедняга «форд» тряхнул задом и взвыл. — Я же за ними не следила. Судя по тому, что они ночью забрались к нам в чулан, вчера получили-таки нагоняй. Вот и замутили новую гадость. Алекс, что там бабушка сказала?

— Ничего нового — от Грегори ни слуху ни духу. Волновать я ее не стал. А если насчет выкупа серьезно, то позвоню его отцу, пусть из своих денег платит, при чем тут бабушка?

— Очень умное решение, — одобрил Кеша, которого Сонька успела посвятить во вновь возникшие обстоятельства. — Пусть приезжает и сам спасает непутевого сыночка.

Выехав на нормальный асфальт, я перевела дух. Если начнутся затяжные дожди, как мы будем выбираться с дачи, ума не приложу. Разве что на «уазике».

В больнице нас ожидало жестокое разочарование — Стасика, фамилия которого оказалась Кривцов, выписали еще вчера. Сонька вернулась с задания быстро и доложила, что врачи были просто счастливы от него избавиться — слишком скандальным оказался пациент, да и навещали его личности весьма неприятные. На всякий случай подруга добыла домашний адрес Кривцова, так что, если мы все же соберемся его похищать...

— Теперь вряд ли, — покачала я головой. — Расчет был именно на больницу. А теперь он, скорее всего, уже с дружками, значит, шанс упущен.

— Ну, как знаешь, — пожала плечами Сонька. — А где же наши молодые люди?

— Пошли за газировкой в павильон, — кивнула я на пластиковый павильон, воздвигнутый неподалеку от больничной автостоянки. — Вон, уже топают.

Алекс и Кеша почти бежали к машине, на ходу о чем-то споря и размахивая руками. Что это их так растревожило?

— Мне сейчас какой-то мальчишка передал мобильный телефон, — запыхавшись, сообщил Алекс.

— В смысле? — не поняла Сонька.

— Ну, подошел и сказал, чтобы я его взял. Я не брал, но он положил его на стойку и убежал.

— Где положил?

— На прилавок в павильоне, — пояснил Кеша. — Мы там минералку покупали. Шустрый пацан, я хотел его схватить, но он вывернулся и удрал. Не бегать же за ним.

— Зачем он это сделал? — продолжала недоумевать подруга.

— Кажется, я знаю, — произнесла я, ощущая себя, по меньшей мере, Шерлоком Холмсом. — По этому мобильнику они сообщат нам, как передать выкуп. А пацана просто наняли, чтобы он передал средство связи. Другого варианта я не вижу.

Алекс покрутил в руках дешевенькую трубку и, вздохнув, сунул ее в карман. Перспектива вести переговоры с местными «кинднеперами» его явно не вдохновляла.

Следующим номером нашей программы было посещение редакции, где нужно было забрать корректуру для папули. Там мне удалось отыскать нужную комнату, а затем и нужного человека (но отнюдь не в нужной комнате, а в буфете) всего за сорок минут. До одури набегавшись по этажам и общавшись с массой занятого весьма странными делами народа, я вывалилась из редакции, словно мадам Грицацуева из Дома народов. Около машины топтались и размахивали руками все трое, причем Сонька еще и подпрыгивала, словно танцующий журавль.

— Они позвонили, — лаконично доложил Алекс.

— И что? — Я залезла в салон и опустошила полбутылки минеральной воды.

— Велели сделать банковский перевод. Номер счета и реквизиты банка выслали смс-сообщением. Вернее, тремя сообщениями, в одно не влезло.

— А того, кто говорил, ты узнал? — Распотрошив упаковку бумажных платочков, я принялась оттирать размазавшуюся губную помаду.

— На Грегори не похоже, он так сипеть и хрипеть не умеет. Какой-то жуткий голос, как будто его душили, пока он говорил.

— Значит, перевод... — задумалась я. — А какой банк?

Алекс достал мобильник, отыскал нужное сообщение и показал мне.

— Немецкий? — Я с трудом разобралась в иностранных буквах. — Это с какой стати у них счет в немецком банке?

— Скорее всего, это один из этапов, — махнул рукой Кеша. — Денежки тут же переведут куда-нибудь на Каймановы острова, а оттуда — хоть на Луну. А счет открыть дело несложное.

— Прохиндеи! — ругнулась я в сердцах и повернулась к Алексу, который сел рядом со мной на переднее сиденье: — Надеюсь, ты догадался изобразить любящего братца, пустить слезу и потребовать подтверждения того, что твой кузен жив-здоров?

— Типа того, — хмыкнула Сонька сзади. — Он совершенно ледяным тоном пообещал рассмотреть данное коммерческое предложение в ближайшее время.

— Молодец! — одобрила я. — Пусть почешут в затылке, подлецы. Ну что, едем за покупками, а потом поедим мороженого? Или наоборот?

У нас получился третий вариант — сначала мы посидели в кафе, где имелся кондиционер и пломбир, более-менее похожий на настоящий, затем завалили багажник продуктами, туалетной бумагой и рыболовными снастями, приобретенными по дедовой шпаргалке, после чего еще раз вернулись в кафе. Жара плыла над городом просто африканская.

— Кажется, дождь собирается, — взглянув на небо, сказал Кеша, когда мы усаживались в машину. Я собиралась еще заехать домой, забрать счета из почтового ящика, но, глянув вверх, поняла, что надо рвать когти. Если пойдет ливень, мы точно застрянем в грязи на грунтовой дороге.

Опасливо косясь на надвигающиеся тучи, мы помчались обратно в Бляховку. Кажется, успеваем. Как раз на повороте к деревне зазвонил мой мобильник. Одной рукой крутя руль, другой я выловила его из сумки.

— Ты только не пугайся, — сообщил братец. — У нас тут опять взрыв.

Машина дернулась, но только потому, что на дороге было сразу две кочки, и пока я решала, какая из них предпочтительней, наехала на обе.

— Что взорвалось?! — рявкнула я.

Сонька, мурлыкавшая какую-то песенку, немедленно умолкла.

— Ничего страшного, взорвался самогонный аппарат у Панариных, — бодро отрапортовал Борька. — Все целы, даже не ушибло никого, только стекла у них повыбивало. Но ты бы слышала, как Иван ругался! Это что-то уникальное, я такого еще не слышал! Прямо хоть конспектируй.

— А... — На очередном ухабе я прикусила язык и сердито бросила: — Слушай, мы через десять минут приедем, потом расскажешь! А то я сейчас тоже начну ругаться похлеще Ивана.

— Понял, — немедленно согласился братец и отключился.

— Что там у них опять случилось?! — нервно спросила Сонька.

— Ничего, соседский самогонный аппарат взорвался, — кратко доложила я. — Раненых нет.

— Шутишь?!

Я только мрачно хмыкнула. По-моему, нам и без всяких шуток вполне нескучно живется.

Мы успели выскочить из машины и вбежать в Дом до того, как хлынул ливень. И как хлынул — словно с цепи сорвался. Покупки остались в машине — желающих их доставать не нашлось. Ну что же, придется ждать, пока небо не иссякнет.

— Если дождь будет идти каждый день, то огород поливать не придется, — вдохновенно произнесла мамуля, выглядывая в окно столовой.

— Представляю, какая завтра будет дорога, сплошной аквапарк с горками, — не поддержала я ее оптимизма. — Так что у вас тут случилось?

— Меня лично едва кондрашка нехватила, — пожаловалась Аллочка. — Я чуть кастрюлю не перевернула с перепуга.

— Хорошо, что кухня у Панариных не с нашей стороны, иначе мы бы тоже остались без стекол. Этому чертову алхимику, видимо, не терпелось поскорее продукт получить, вот и раскопегарил свою установку на полную мощность. Она и рванула, — пояснил Борька. — Иван уже прибежал, интересовался, не достался ли нам в наследство от прежнего хозяина Дома ма-аленький самогонный аппаратик. Кстати, если он у него был, то кому он его завещал? Ведь ни в доме, ни в сарае ничего похожего не было. Может, Андреичу?

— В подвале надо пошуровать, там еще какое-то железное барахло осталось, — сказал папуля. — Я его зимой в угол задвинул.

— Что?! — подпрыгнула я. — А почему ты молчал об этом, когда мы чистили авгиевы конюшни в сарае?

— Ну, забыл я, забыл, — принялся каяться родитель. — Совсем из головы вылетело.

— Завтра полезем в подвал, — решительно заявил Борька. — Тем более, что Дима с Денисом уже устали намекать на то, что хотят там побыстрее пол разломать.

— Ты что-нибудь нашел с этой «пикалкой»? — кивнула я на металлоискатель, стоявший в углу рядом с буфетом.

— Пара перспективных мест есть. — У брата загорелись глаза. — Одно в детской, но там надо пол вскрывать, а второе — вот тут. — Он опустился на корточки и провел рукой по стене под подоконником. — Зуб даю, что тоже золотишко припрятано. Завтра займусь, когда подвал исследую и чердак, чтобы уж все сразу выковырять.

— У меня в комнате нет? — на всякий случай переспросила я.

— У тебя — нет.

— Слава тебе, господи! Не хотелось бы жить с дырой в стене или разобранными полами.

Дождь постепенно слабел, по оконным стеклам уже текли отдельные струи, а не сплошной поток. Надо потом проверить, не залило ли палатку археологов, и попробовать уговорить их переселиться в Дом. Правда, в столовой им будет не слишком удобно, но все-таки не на сырой земле.

Сидеть просто так было скучно, поэтому каждый выискивал для себя дело. Проще всех поступил Борис — прихватив Кешу и металлоискатель, он полез на чердак. Сонька принялась помогать маме разбирать сложный узор ирландской вязки, а мы с Алексом забрались на второй этаж, чтобы... Ну, в общем, понятно, зачем. Но все наши благие романтические помыслы так и остались помыслами, потому что мне пришлось чинить разваливающийся домик Ньюшкиной Барби, а Алексу играть с Васькой в автогонки. А потом...

За окном вначале послышался гул мотора, затем рев и вой. Мы насторожились. Вой, меняя тональность, становился то громче, то почти затихал. Похоже, какая-то машина застряла на дороге в одной из заполненных дождевой водой бляховских ям. Я высунулась в окно. Знакомый синий «лексус» рычал и раскачивался метрах в ста от Дома, из-под его колес фонтанами летела жидкая черная грязь. В очередной раз взвывая, он рванулся вперед, но тут же плюхнулся обратно, осев еще глубже. Вот вам и внедорожник!

— Что там, my darling? — прильнул к моему плечу Алекс.

— Наш ответ Чемберлену, — хмыкнула я. — Внедорожник тонет в грязи. Алекс мне не поверил и, оттеснив меня в сторону, полез сам посмотреть.

— Я тоже хочу, — занял позади нас Васька.

— Ну уж, нет, — запротестовала я. — Головы под дождем намокнут! Алекс, осторожно, у тебя же повязка под панамкой.

Я оттащила всех от окна, захлопнула створки и заперла их на шпингалеты. Но завывания несчастной машины было слышно и так.

— Интересно, кто там в этом вездеходе восседает? Пойти, что ли, глянуть на врагов?

— Я с тобой! — тут же заявил Алекс.

— Повторяю — тебе нельзя мочить повязку! Я Борьку позову.

— Я видел внизу дождевик с капюшоном, — не унимался англичанин. — Могу еще и зонтик взять!

Я махнула рукой и побежала за курткой и резиновыми сапогами. Борька недовольно спустился сверху на мой призыв.

— Там грязно и мокро, — ворчал он, облачаясь в пластиковую хламиду и дедовы болотные сапоги. Алексу достались брезентовая плащ-палатка и папулины кирзачи.

— Почтальон Печкин, — взглянув на него, хмыкнул Борис и первым шагнул под дождь.

Сонька выскочила в сени и сунула мне в руки пистолет. Он оказался таким тяжелым, что я его едва не уронила, и не стала возражать, когда его у меня забрал Алекс. Я вдохнула, натянула на голову капюшон и кинулась догонять братца. Дождь хлестнул по спине, а под ноги сунулось что-то светлое и сопящее. Крошка! Пес, разбрызгивая грязь, в два прыжка опередил меня. От неожиданности я поскользнулась и шлепнулась бы, если бы Алекс не подхватил меня под локоть.

Дорога от нашего дома вела вниз, и мы двигались довольно быстро, подгоняемые ветром. Сзади что-то кричали, но обернуться я не рискнула — это было бы то же самое, что подставить лицо под поливальную машину.

Джип судорожно дергался в глубокой яме, он умудрился влететь в нее обоими задними колесами, и все попытки выбраться приводили к тому, что она становилась еще глубже. Когда мы добрались до машины, она уже сидела на брюхе, а двое мужиков, толкавших ее сзади, были похожи на пациентов грязелечебницы.

Итак, их, как минимум, трое, если считать водителя. Тот, видимо, заметив нас, врубил все, что можно врубить, и несчастная машина подалась назад, а затем отчаянно прыгнула вперед. Толкачи налегли изо всех сил и уже почти выдернули заднюю часть из ловушки, но объединенной мощности мотора и людей не хватило — «лексус» шмякнулся обратно, и мотор его заглох. В наступившей тишине уныло прозвучала пара нецензурных выражений.

— Ну что, братва, тонете? — злорадно поинтересовался Борька, осторожно приближаясь к «терпящим бедствие».

Один из мужиков обернулся, и я узнала белобрысого — по ушам, торчащим из-под кепки-бейсболки. Физиономия была настолько разукрашена грязью, что по ней его родная мать не узнала бы.

— Да пошел ты! — огрызнулся он и добавил пару слов покрепче.

— Не хаами! — рявкнул братец.

Белобрысый внезапно замолчал и попятился — к нему вальяжной походкой подошел Крошка и остановился, слегка приоткрыв пасть. Второй тип, оказавшийся амбалом, которого вместе с Жирей мы видели у меня во дворе, вообще не издал ни звука, так и замер, уставившись на нижнюю челюсть пятнистого зверя.

— Ну что там? — Передняя дверца джипа приоткрылась, и в ней показалась незнакомая мне физиономия — косоротая и носатая. Ее обладатель мгновенно смолк, поморгал глазами, и дверца медленно и аккуратно закрылась. Кто еще был в машине, рассмотреть через тонированные стекла я не могла, хотя мне показалось, что на задней двери одно из окошек опустилось на сантиметр, и за ним что-то мелькнуло.

— Вы это... собаку уберите, — едва шевеля губами, попросил белобрысый.

— О, уже на «вы» перешел, — одобрил Борька, поддериывая полупрозрачный дождевик. — Молодец! Прямо на глазах окультурился. Осталось только представиться по всей форме, а то не слишком приятно общаться.

Я почувствовала, как Алекс сжал мой локоть.

— Отойди, — шепнул он тихо и шагнул вперед, заслоняя обзор. Я еще успела заметить дернувшуюся к карману ветровки руку белобрысого.

— Стой спокойно, — посоветовал ему Алекс, взмахнув рукой. Я так поняла, что в руке был пистолет. Ничего себе...

— Если ты, тварь, повредишь нашу собаку, я лично тебя загрызу, — подхватил Борька. — Отойди от машины!

И тут все стало происходить одновременно: белобрысый шагнул в сторону, Алекс — к «лексусу», а с другой стороны перекошенной машины что-то плюхнулось и метнулось в сторону.

— Держи его! — заорал братец, и они с Крошкой с места в карьер бросились за улепетывающей под дождем фигурой. Кто это бежал, накинув на голову куртку, разобрать было совершенно невозможно, но помчался этот тип, словно заяц, петляя и поскальзываясь на мокрой траве. В какой-то момент мне показалось, что ему удастся улизнуть — фигура сиганула в огород Андреича и скрылась в помидорных джунглях. Но крапчатая туша неожиданно шустро ломанулась за ним и, пока увесистый Борька метался вдоль ограды, а потом, перевалившись через нее, скакал по грядкам, над Бляховкой раздался громоподобный торжествующий лай. Оказывается, Сонькина собака умеет гавкать!

— Не двигаться! — прикрикнул на дернувшегoся белобрысого Алекс.

Второй тип стоял абсолютно спокойно и с интересом присматривался и прислушивался к происходящему, словно оно его никаким боком не касалось.

Моя одежда промокла насквозь, особенно спина и рукава. Топтаться в потоках грязи и воды было неуютно и холодно.

Наконец калитка перед домом Андреича распахнулась, и появилась все та же фигура с курткой на голове, но теперь она двигалась медленно, подгоняемая похотим на упитанную розу в целлофане братцем. Пес трусил рядом, с брезгливым видом косясь на пленника. Следом за ними выскочил, было, и сам хозяин дома, но потом махнул рукой, пожал плечами и исчез. Небось побежал смотреть, что ему на огороде вытоптали. Завтра придется объясняться и расплачиваться за нанесенный ущерб.

— Кого я вижу! — воскликнул Алекс, когда шествие приблизилось.

— О, brother! — Из-под промокнутой, изгвазданной куртки выглянуло перепачканное зеленую лицо и с некоторым усилием изобразило радость

нежданной встречи. Лично я видела этого типа впервые в жизни, и он мне не понравился, хотя кое-кто считал бы его даже красивым. А уже через пару секунд он взял себя в руки и, лопоча по-английски, попытался кинуться на грудь Алекса. Тот едва успел увернуться, сердито прикрикнув:

— Тут принято говорить по-русски, Грегори!

— Вы спасли меня! — тут же переключился тот, кого Алекс назвал Грегори. — Если бы не вы, они бы меня убили!

Услышав эти слова, белобрысый напрягся, а амбал поморщился.

Борька попытался открыть дверцу джипа, но та была заблокирована.

— Забаррикадировались, гады! — процедил он. — Ну ладно, Алисс, вызывай ментов. А если опять будут артачиться, тащи динамит, вскрывать эту жестянку будем!

— Вы серьезно? — впервые подал голос амбал. И звучал в нем неподдельный интерес.

— Серьезней некуда, — отрезал братец. — Вы нам до такой степени осточертели, что проще разнести всех в клочья, чем дальше возиться. Тем более что полиция все равно не приедет! Или приедет, если хорошо попросить? Попробуем?

После этих его слов джип спереди вновь открылся, и сидевший за рулем мужик буркнул:

— Смотри сам, нет тут больше никого!

Алекс, размахивая пистолетом, велел ему открыть остальные дверцы, и через минуту мы убедились, что машина действительно пуста.

— Ну, ладно, — раздраженно фыркнул Борис и поддернул отвороты сапог. — Проверка окончена! Но напоследок только один вопрос: признавайтесь, кто такой Опухликов?!

— Ну, я Опухликов, — удивился белобрысый. — Антон Юрьевич. А тебе какое дело?

— Да никакое, просто интересно. Так вот ты какой, Опухликов... Теперь будем знать. Так что еще раз по-хорошему предупреждаю — больше к нам не суйтесь. А ты, — ткнул в Грегори пальцем братец, — пойдешь с нами! Тут слишком сыро, чтобы с тобой подробно разбираться.

Тип под курткой охотно закивал.

Отходили мы медленно, стараясь не поворачиваться к джипу спиной — мало ли что там у этих гадов в карманах. Грегори, одной рукой удерживая ворот куртки над головой, а другой вытирая с лица дождевые капли, пытался что-то говорить Алексу, но тот только мрачно молчал в ответ.

На крыльце Дома нас встретили археологи.

— А мы только что вылезли на свет божий и увидели, что вы там разборки устроили, — проговорил Дима. — Хотели уже на помощь бежать, но вы сами справились.

— Справились, — ухмыльнулся братец и потрепал Крошку по мокрой голове. — Песик наш жути нагнал — не передать! Всегда бы так, и спали бы спокойно.

Глава двадцать третья

Грязные сапоги, плащи и куртки мы сбросили в сених. Я с любопытством поглядывала на Грегори. Комплекцией он был помельче кузена, да и лицо, несмотря на привлекательность, скорее можно было назвать смазливый — эдакий декоративный экземпляр, без особых признаков мужественности. Или это я к нему необъективна после того, что мне рассказал Алекс?

Наше появление в столовой было триумфальным.

— Ну, вы и круты! — радостно встретил нас Кеша. — Жаль, что я не сообразил, куда Борьку зовут, думал, опять картошку чистить.

— А кто грязные сапоги будет мыть? Опять я? — подбоченилась Аллочка.

— Да помою я, не ворчи, — огрызнулся Борька. — Вчера просто забыл.

— Папа, папа! — закричали дети. — Ты опять дрался?!

— А кто этот дядя? — робко указала пальцем Нюшка на проскользнувшего бочком в дверь Грегори.

— Мистер Грегори? — удивленно подскочил в кресле Макрайстер. — Откуда вы тут?

— А вот это мы сейчас узнаем, — зловеще протянул Алекс.

— Итак, мы вас слушаем, молодой человек. — Дедуля строго взглянул на Грегори из-под очков. — Вы, вообще, кто?

— Разрешите представить моего кузена Грегори Броуди, — тяжело вздохнув, произнес Алекс.

— Тот самый, которого похитили? — удивилась Аллочка. Очевидно, информация о похищении и затребованном выкупе уже была известна всем, и в наше отсутствие обсуждалась на самом высоком уровне.

— Тот самый, — кивнул Алекс.

— А почему он молчит? — поинтересовался папуля. — По-русски понимает?

— Все он понимает, — хмыкнул Борька.

— Моя благодарность не имеет границ! — неожиданно фальцетом вскричал Грегори. — Вы спасли меня из рук похитителей! Они держали меня взаперти и хотели куда-то увезти, но тут вмешались вы, и теперь я свободен!

— А почему тогда драпал? — с издевкой спросил Борис. — От спасителей-то.

— Я не знал, кто вы, — смутился Грегори. — Думал, что вы с ними заодно.

— И меня ты не узнал? — рассердился Алекс. — Я в трех метрах от машины стоял! Хватит выкручиваться, Грегори, противно слушать. Я немедленно звоню бабушке, пусть узнает о твоих похождениях! Сначала ты нанял каких-то негодяев, чтобы найти статуэтку прапрабабушки, а потом организовал нападение на меня, похищение Тэда и этого достойного джентльмена, — указал он на дедулю, которому явно понравилось, как его отрекомендовали.

— Затем пытались напасть на нас с Сонькой и, главное, — убить Алекса! — возмущенно подхватила я.

— Убить?! — воскликнул Грегори. — Как — убить?! Этого не может быть!

— Очень даже может, — разозлилась я. — Капельницу с ядом несли к палате Алекса, и только присутствие Макрайстера сохранило ему жизнь!

— Это клевета! — взвизгнул пакостливый кузен. — Ни о какой капельнице (это слово он выговорил с трудом) не знаю! Яда не могло быть! Я поручал только на время вывести вас из строя и напугать, чтобы убрались из России!

— Вывести из строя? Граблями по голове? А кто послал диверсанта с динамитом к нам на чердак? А потом решил поживиться за счет выманивания денег из родственников?! — зарычал Борька.

— Но меня на самом деле похитили, — вяло возразил Грегори. — Клянись!

— Клянешься? — Алекс достал мобильный телефон, тот самый, полученный от мальчишки, нажал несколько кнопок, и все услышали звуки канкана. Раздавались они из кармана Грегори.

— Ну, что же ты? Отвечай! Я же звоню тому, кто тебя похитил, дорогой кузен! Ты даже сигнал отключить не догадался, — презрительно бросил Алекс. — В общем, с тобой все ясно.

Он швырнул свой аппарат на стол. Канкан смолк. Грегори демонстративно отвернулся и пожал плечами. Дальнейшие запирательства потеряли смысл. То-то мужики из джипа были так индифферентны — им плевать, заберем мы Грегори или нет. Похоже, он и им успел до чертиков надоест.

— И что теперь с ним делать? — растеряно спросила мамуля, явно размышляя, где устроить еще одного незванного гостя.

— Отправить обратно в Лондон, — с готовностью посоветовал Макрайстер. — Пусть миссис Броуди сама с ним разбирается.

— А до этого? Он же, наверное, голодный... промок весь.

Мамуля была в своем репертуаре, но резон в ее словах был. Куда девать этого прохиндея? Теперь появилась новая забота — следить, чтобы он не сбежал и не устроил еще какую-нибудь каверзу.

— Запрет его в подвале, — предложил Дима. — Мы копать уже закончили, а замок там крепкий, не сбежит. И лестницу можно вытащить для полной гарантии.

— Правильно, — согласилась Сонька. — А еще лучше — запереть его на даче Суслика, до отправки. Правда, сегодня мы вряд ли туда доберемся с этим потопом.

— Я должен посоветоваться с бабушкой. — Алекс достал второй мобильник и вышел. Вернулся он минут через десять и объявил:

— Она обещала приехать через три дня. Бабушка хочет со всеми вами познакомиться. Особенно... — Он смущенно замолк.

— Особенно, с Алисс, — пронизательно изрек дедуля, переглянувшись с Макрайстером. Наверняка эти два рыбака не раз перемывали наши с Алексом бедные косточки на берегу Рузняйки!

— Три дня! — всплеснула руками мамуля. — Надо начинать сейчас же готовиться и капитально убираться! В такой обстановке принимать английскую леди...

Она обвела взглядом столовую: буфет с разбитыми стеклами, старый диван, заваленный игрушками и газетами, покрытую брызгами скатерть, кофейный столик с папулиным ноутбуком, нас, мокрых, встрепанных и местами грязных, и на ее лице отразилось явное сомнение, что все это достойно предстать перед глазами бабушки Алекса.

— Ничего страшного, — попыталась я исправить положение, — миссис Броуди не испугали даже дикие танзанийцы...

— Думаешь, стоит попробовать их переплюнуть? — оживился Борька.

— А что бабушка сказала насчет подвала? — перебил его Кеша.

— На наше усмотрение, — пожал плечами Алекс. — Значит, подвал! Собирайся, Грегори, дождь уже закончился, так что пора тебе под замок.

Мамуля кинулась собирать узнику еду, дед отыскал старый надувной матрас и спальный мешок, и через несколько минут неприятного кузена навьючили припасами и увели. Лично я сразу испытала облегчение — глаза бы мои не смотрели на человека, доставившего нам столько неприятностей. И ради чего, спрашивается?!

Да, ради чего? Статуэтку мы так и не отыскивали. Хотя надежда еще оставалась.

— Борька! — окликнула я рыщущего в буфете в поисках пряников брата. — Нашли вы с Кешей что-нибудь на чердаке?

— Нет, — отмахнулся тот. — Остался подвал. Подвал, черт!..

Забыв о пряниках, Борис сорвался с места, потом вернулся, схватил притулившийся в углу металлоискатель и выскочил за дверь. Забыв о том, что планировала сменить промокшие джинсы, я помчалась за ним. Дей-

ствительно, подвал лучше обследовать до того, как мы превратим его в каземат.

Мы успели как раз к тому моменту, когда пленника пытались затолкать в подземелье. Тот возмутился, угрожал и размахивал руками, порываясь сбежать. Но его крепко держали за руки.

— Хочешь, чтобы тебя связали?! — сердился Алекс. — Денис, у тебя есть веревка?

— Есть, — лениво ответил археолог. — Принести?

— Принеси!

— Погодите! — запыхавшись, крикнул Борис. — Дайте сначала я там проверю! — И он взмахнул палкой металлоискателя, как боевым копьем, едва не попав Кеше по уху.

Спустились вниз втроем: Кеша, Борька и я. С собой для освещения взяли фонарик, решив пока не морочить голову с фарой и аккумулятором. Археологи и Алекс остались стеречь Грегори.

Внизу действительно была только тщательно утрамбованная земля и чугунные трубы, для прочности обмазанные на стыках цементным раствором. Интересно, сколько эта система после ремонта продержится?

Пока я размышляла о судьбе нашей канализации, Борька обследовал стены и пол и приступил к фундаменту печи.

Печи... Я вздрогнула.

— Тут что-то есть, — пробормотал братец, вертясь вокруг кирпичной кладки, по площади точно соответствующей габаритам «домны». — Дьявол, как неудобно!

— Ты бы ел поменьше, — заметила я, глядя, как он пытается протиснуться в дальний угол вместе с металлоискателем.

— Давай я, — предложил Кеша.

Но братец уже умудрился пролезть и теперь возился за фундаментом, чертыхаясь и дергая на голове наушники, словно обезумевший радист. Потом стащил их и почесал в затылке:

— Пищит.

— Борька, мы его нашли, — торжественно объявила я. — Старик Лаптев не наврал — клад тут, в печи, вернее, в ее основании.

— И что теперь делать? Ты представляешь, что будет, если мы сломаем эту штуку? «Домна» рухнет нам на голову!

— Не рухнет, — бормотала я, водя лучом света по кирпичной кладке. — Где громче всего пищало?

— Вроде бы здесь. — Борис вылез из закутка и пнул ногой в середину длинной стороны фундамента чуть повыше пола. — С той стороны слабее.

Я присела и постучала по кирпичам первым, что подвернулось в кармане, — каменной лягушкой, брелоком висевшей на связке ключей от Дома. Вроде бы тут звук более глухой, или мне так кажется? Или он более глухой правее?

Ползая на четвереньках и стуча лягушкой, я обогнула угол кладки.

— Чего стучим? — свесился в подвальный люк Дима. — Нашли, что ли?

— Кажется, нашли. — Я отерла пот со лба и распрямилась. — Оно под печью. Придется вынимать кирпичи из кладки. Нужны папуля и инструмент. Фара тоже нужна, фонарика явно недостаточно.

— Понял. Сейчас все будет.

Бородатая голова исчезла, и наверху раздались голоса и топот.

На то, чтобы вытащить первый кирпич, понадобилось около получаса, потому что советчиков набилось в подвал куда больше, чем нужно. Даже Грегори спустился, как будто без него мы бы не обошлись. Папуля, словно граф Монте-Кристо, ковырял раствор острой железякой под аккомпанемент споров о том, развалим ли мы «домну», или на этот раз обойдется без эксцессов.

Наконец вывалился последний кусочек глины. Постучав по кирпичу молоточком и поддев его стамеской, родитель вынул его, осмотрел образовавшуюся дыру и сообщил:

— Кладка минимум в два кирпича, а то и в три. Продолжать?

— Продолжать! — раздался дружный хор.

— Тогда освободите на время помещение, а то дышать нечем, — махнул рукой папуля. — Идите, погуляйте, тут работы еще минимум на час.

— Пошли машину разгрузим, — спохватилась я.

Мы вылезли из подвала, оставив там папулю и археологов. Грегори тоже порывался остаться, но Алекс заявил, что неплохо бы кузену после бархатанья в гнилых помидорах принять душ. Судя по раздавшемуся через несколько минут воплю, под душ он его все-таки загнал. Надеюсь, что эта мелкая месть доставила Алексу какое-то моральное удовлетворение на фоне свалившихся ему, да и нам, на голову забот о непутевом двоюродном братце. Даже бабушка собралась приехать в напичканную агентами КГБ Россию, чтобы вразумить его. А заодно и на меня, Алисандру Игоревну Пичугину, посмотреть. И что же она увидит?

Тут я встревожилась и побежала в ванную. Там мало что изменилось, включая и мое отражение в зеркале. Опять всклокоченная, без всяких признаков макияжа и даже с царапиной под глазом. Или это я комара раздавила? О господи, когда же я буду похожа если не на леди, то хотя бы на бизнес-вумен, сотрудницу приличной фирмы, между прочим, заместителя

директора по информации и коммуникации?! Когда перестану подкармливать секьюрити ирисками, употреблять выражение «а на фигá?» и обедать в офисе «пиццей с доставкой», чтобы в перерыв лишние полчаса погонять шарики на компьютере?! М-да...

Я сурово сдвинула брови, затем холодно улыбнулась, растянув губы в тонкую линию, и искоса глянула в зеркало. Какая гадость! А что, если так? Я наивно захлопала ресницами и взбила волосы...

— Рожи корчишь? — влетел в тесное помещение Борька, едва не снеся меня вместе с рукомойником.

— Стучать тебя не учили? — огрызнулась я.

— Там папуля дыру уже насквозь проковырял, — проигнорировав вопрос, сообщил братец. — Взглянуть не хочешь?

Мы наперегонки помчались к подвалу. Ближе всего к нему добираться через кухню и дровяной чулан, так что я обогнала Борьку благодаря большей маневренности.

Папуля действительно вынул уже приличное количество кирпичей, и сквозная дыра внутри фундамента печи была уже такого размера, что моя голова могла бы туда пролезть, если бы плечи не упирались в кладку, которая оказалась в три кирпича.

— Могу вытащить еще парочку, — почесал голову папуля. — Максимум — четыре. Боюсь, что пойдут трещины, нагрузка-то сверху приличная.

— И как мы внутрь залезем? — Я занервничала. — В такой лаз разве что ребенок протиснется. Или кот, и то, если не слишком раскормленный.

— Детей не пуцу! — отрезал братец.

— Я и сама их не пуцу, — рассердилась я. — Об этом и речи быть не может. Светить туда пробовали?

— Пробовали, — подал голос Денис. — Ничего не видно, если что-то и есть, то ниже угла зрения, я только уши ободрал.

Папуля расшатал, подковырнул и вытащил еще пару кирпичей.

— Дай, я попробую пошарить, — не выдержал Борька.

Но сколько братец не изгибался, пытаюсь нащупать что-то просунутой в дыру рукой, ничего не вытащил кроме пары кусков старого раствора.

— Что ты делаешь? — изумилась спустившаяся в подвал Аллочка. Затем, критически обзрев заднюю часть супруга, хмыкнула: — На тренажере тебе пора, радость моя.

Возмущенный Борька отвалился от дыры и рывкнул:

— Вот сама и полезай, раз такая умная!

— Чуть-чуть расширить, и пролезу, — оглядев проем, кивнула Аллочка. — Только шорты на штаны сменю, чтобы колени не ссадить.

— Что, правда, полезешь? — не поверил Борька.

— Ну, раз я среди вас самая тощая, то почему бы и нет? Сонька и Кеша тоже мослы мослами, но у них длина великовата, не развернутся. Мне проще.

С этими словами Аллочка вскарабкалась по лестнице и убежала переодеваться. А папуля сменил стамеску на долото и принялся еще за один кирпич.

К тому времени как облаченная в старый спортивный костюм невестка нырнула головой вперед в расковырянную дыру, в подвал опять набилась уйма народа. И как только лестница выдерживает такие нагрузки — так и шастают туда-сюда.

— Печь точно не рухнет? — в сотый раз взволнованно спрашивал Борька.

— Не рухнет, — ответственно заявлял папуля. — Если до сих пор не рухнула, значит, выстоит.

— Может, тебя поддержать? — Братец неизвестно зачем вцепился в Аллочкину ногу. Его явно угнетало, что супруга ввязалась в столь опасное предприятие.

— Отцепись! — глухо донеслось из дыры. — Щекотно!

Ноги вползли в дыру, и все замерли в ожидании.

— Фонарик дайте! — Из отверстия показалась рука и сделала хватательное движение. Борька немедленно вложил в нее требуемое, и рука пропала.

— Ну, что там? — нетерпеливо, словно лиса вокруг винограда, крутился у фундамента братец.

— Душно, дырку не загораживайте, — немедленно отозвалась невестка. И немного погодя: — Держите!

Первый переданный Аллочкой сверток был довольно легким, второй куда тяжелее, и его уронили. Борька рычал и ругался, чтобы не напирали, но всем было невтерпеж. Всего из фундамента было извлечено четыре завернутые в старую мешковину и пожелтевшие газеты пакета, перевязанные шпагатом и обмотанные синей изолентой.

— Все, вылезая!

— Точно все? Проверь еще раз на всякий случай! — крикнул Дима.

— Больше ничего нет. Ап-чхи!

Чихая и отплевываясь, перепачканная пылью и песком, Аллочка выползла на свет божий. Вернее, на свет фары.

— Ну, что там? Разворачивайте скорее! — нетерпеливо стенала Сонька.

— Тут слишком тесно, пошли наверх, — предложил Денис. — Только по одному, иначе лестница может сломаться.

Двор, где было сыро и грязно, не слишком подходил для столь торжественной процедуры, и все дружно повалили в Дом. Кузен Грегори, который явно отложил идею побега, был в первых рядах. Вряд ли теперь его удалось

бы прогнать. А как же — ведь мы, похоже, отыскиали то, за чем он сам прикатил в Россию!

На круглом семейном столе расстелили старую клеенку и приступили к вскрытию. Папуля, вооружившись ножницами, разрезал изоленту на самом маленьком свертке. То, что лежало внутри, можно было назвать драгоценностями. Можно было бы. Но жемчуг длинных бус пожелтел и утратил блеск — без тепла человеческого тела, пролежав много лет в темноте, он умер. Потускневшие безделушки: камешка из слоновой кости на ониксе, брошка с синим сапфиром, колечки с аметистами, крошечными изумрудиками и топазами выглядели, словно измученные узники, вызволенные из заточения. Две золотые цепочки с крестиками, серебряный браслет, гарнитур из янтаря — за этими вещами стояли чье-то горе и слезы. Я впервые ощутила то, что Валентина Игоревна называла нехорошей аурой, и поежилась. Вот тебе и сокровища Али-Бабы...

Кажется, и у остальных возникли сходные чувства — никто не тянулся к безделушкам с желанием получше их рассмотреть, не восклицал: «А это что за камешек?» Папуля сгреб находки на газету и молча отодвинул. После этого взялся за самый большой пакет, старательно упакованный в мешковину.

— Книжки! — оживилась Сонька. — Красота какая...

Это действительно были книжки. Вернее, две книжки и икона — все в серебре и с камнями.

— Ох, ты... — протянул Дима. — Прямо музейные экземпляры! Интересно, откуда они сюда попали?

— Да откуда угодно. — Кеша, поковырявшись в скобках-замочках, открыл одну книжку — вязь старинных букв по пожелтевшей, потемневшей с краев бумаге. — Скорее всего, экспроприировали в какой-нибудь церкви. А потом экспроприировали и экспроприаторов. Музейные, говоришь? Очень похоже.

Книжки и лик бородатого святого под звездчатым окладом никакого внутреннего протеста почему-то не вызвали, и их принялись разглядывать все.

— Еще успеете на этот опиум для народа насмотреться, — нетерпеливо ерзал Борька, — поехали дальше! Что там эти скопидомы еще упаковали?

У моего уха нервно вздохнул Алекс. Грегори сидел, сжав пальцы в замок. Ему тоже не терпелось узнать, тут ли искомая статуэтка.

Третий сверток оказался с золотом. Опять монеты, ладанки, несколько обручальных колец, массивный перстень с агатом. И...

— Песочница от бювара! — радостно воскликнул Алекс. — А вот и ручка, и чернильница! И крестильные ложечки прадеда Павла и его сестры Анастасии.

Толкаясь локтями, все склонились над вещицами, о которых были уже наслышаны. Дед притащил лупу, и с ее помощью каждый мог в подробностях рассмотреть клеймо Мансурова.

— К'асивая! Можно кукол кашей кормить! — мечтательно заявила Нюшка, любуясь ложечкой с эмалевыми птичками и цветочками на ручке.

— А почему на вензеле Моршанских три буквы — М, И и О? — поинтересовалась мамуля, разглядывая крышку песочницы.

— Моршанские Игнат и Осип, — пояснил Алекс. — В общем, это скорее trade mark, фирменный знак. Братья владели делом совместно, вот и заказали художнику вензель из своих имен и фамилии. Он красовался на всех их магазинах и складах. Ну и в семейном обиходе использовался. Бювар же прапрадеду подарили в честь какого-то праздника... Кстати, этот вензель до сих пор в ходу, несмотря на то, что бабушка стала Броуди.

— Да уж, нахапали Лаптевы золотишка, — задумчиво произнес Борис. — Все в кубышку складывали. Я пока только не понял, кто и для чего закопал в подвале череп с монетой внутри.

— Этого никто не понял, — пожал плечами Денис. — У меня есть только предположение. Возможно, тот, кто замуровал ценности в фундаменте, хотел таким образом охранить их. Знаете, в крестьянской среде всегда сохранялось некое языческое, или, если хотите, мистическое мировоззрение. Даже христианство его до конца не перешибло. А в Бляховке, похоже, жили отнюдь не богобоязненные люди.

— Меня еще осенью удивило, что в Доме ни одной иконы, не то что божницы, не было, — подтвердил папуля.

— Пожалуй, единственную икону и божественные книги бывшие хозяева считали всего лишь материальными ценностями, но отнюдь не духовными. Иначе не замуровали бы под печь — для христианина это грех.

— Ну, вы и теорию развернули, — встрял Борис. — Хотите сказать, что учебное пособие с монетой в зубах Лаптев закопал около своего клада, чтобы оно выполняло роль пугала?

— Так это было или нет, теперь вряд ли удастся точно выяснить, — развел руками Дима и взял в руки последний нераспечатанный пакет. — Эх, маловат сверточек... Но надо все-таки проверить.

Все замолчали и уставились на бумажный прямоугольник. Да, вряд ли статуэтку тех габаритов, о которых говорил Алекс, можно было спрятать в таком. Разве что расплющив.

Через минуту последняя надежда испарилась — в свертке были только бумаги. Какие-то старые облигации, довоенные и послевоенные купюры, сложенные плотной пачкой и перевязанные суровой ниткой. Интересы они

для нас не представляли, разве что коллекционеру какому-нибудь доставили бы радость.

Вот и все... Клад в печи найден, но статуэтки в нем нет.

Глава двадцать четвертая

Мне стало грустно. Столько усилий, и все впустую. Неужели Лаптевы все-таки уничтожили «Елену Прекрасную»?..

Глядя на всеобщее уныние, Борька почесал в затылке и задумчиво проговорил:

— Есть еще некий хлам в подвале и два места, где может быть спрятан металл. Ну что, ломать будем?

— Будем! — махнул рукой папуля. — Ломать, так ломать. Показывай, где именно, и тащи инструменты.

Подоконник в столовой выдрали в пять минут, дед едва успел убрать с него коробку с нардами. Под толстой доской открылся практически такой же тайник, как и первый, случайно обнаруженный нами на втором этаже. Только в этом был спрятан револьвер. Хорошо смазанный, в тряпице, вместе с десятком патронов.

— Разнообразиие трофеев не может не радовать, — философски заметил братец. — Теперь к динамиту добавилось еще и огнестрельное оружие. Вы как хотите, но я все эти опасные штучки завтра же лично свезу в ментуру. Или в Рузняйке утоплю, от греха подальше.

— Кстати, подоконник можно было не отрывать, он сделан на пазах. Если бы я об этом знал, то просто дернул бы его посильнее, он бы и выдвинулся. А так — снаружи покрашено, ничего не видно.

— Не удивлюсь, если в огороде у нас и закопанный пулемет обнаружится, — вздохнула Аллочка.

— Типун тебе на язык! — испугалась мамуля. — А пистолет настоящий?

— Настоящий, — подтвердил Кеша, извлекая патроны из барабана револьвера и складывая их в общую кучку. — И держали его хозяева все время под рукой. Да уж, прямо разбойничье логово тут было — оружие, ценности...

— Что еще ломать надо? — осторожно поинтересовался папуля. — Давайте уж сразу откроем все тайны нашего Дома, а то как-то все это чересчур.

— Под полом в детской, — пожал плечами Борька, косясь на жену. — Но там мы зимой полы перестилали и ничего такого не заметили.

— Не заметили, потому что не искали, — подскочила я. — Надо на всякий случай проверить.

На улице уже темнело. Вечер, из-за туч, обложивших горизонт, надвигался стремительно. Я вышла на крыльцо и убедилась, что терпевший бедствие джип исчез, оставив после себя на дороге развороченную яму с кучей измочаленных веток и парой сломанных жердей. А мы даже не заметили, когда ему удалось смыться. Хотя теперь это было уже не интересно — судя по следам протекторов, враги покинули Бляховку.

Я поднималась по лестнице на второй этаж, когда раздался скрежет, который обычно издают большие гвозди, выдираемые из досок. Ненавижу этот звук, сразу зубы начинает ломить. Я подождала, пока он стихнет, и заглянула в детскую. Вся толпа теперь набилась сюда, расселась и наблюдала. Вот ведь прайд подобрался, усмехнулась я про себя. Даже шакал Табаки свой имеется — кузен Грегори.

Папуля уже снял две широкие доски на том месте, которое указал Борька. И, судя по вытянувшимся физиономиям присутствующих, под ними ничего не было. А мы уже как-то привыкли к тому, что повсюду что-то да находится.

Я пробралась вперед, обогнув оседлавшую пуфик Соньку и пристроившегося на огромном рогатом мяче Дениса, и заглянула за спину Борьки.

— Ну, и где? — удивленно спросила мамуля, рассматривая плотно уложенные под половицами брусья. Втиснуть что-то между ними было просто невозможно.

Да, Дом строился на совесть, такие мощные перекрытия выдержат еще минимум сто лет. Так называемый «черный пол», сделанный не из простого горбыля, а из тесаного бруса, — не дешевое удовольствие.

— Понятия не имею, — пожал плечами Борька. — Но звенело именно тут, я специально синим фломастером крестик ставил.

— Вы тут больше ничего не рисовали? — с подозрением спросила Аллочка у Нюшки и Васьки, но те только головами помотали. Хотя идея рисования на полу, похоже, их вдохновила.

Я продолжала смотреть на брусья, и что-то меня смущало. Так... Уложены они по балкам, балки опираются на стены. А это что такое? Все брусья выглядели целыми, а один имел сразу два стыка — на расстоянии сантиметров в тридцать друг от друга. Странно, почему тогда он не просел?

Для того чтобы это проверить, мне пришлось встать на колени. Двумя руками я ухватила среднюю часть бруса, и она неожиданно легко вынулась. Вот в чем дело — она лежала на сдвоенной балке! Поэтому конструкция была прочной — оставшиеся части бруса не потеряли опору.

— Еще один тайник, — голосом прожженного конферансье произнес Борька и выхватил у меня из рук кусок дерева. Внутри он был аккуратно выдолблен и чем-то заполнен. — Ну, держи!

Да, нынче у нас день кладоискателя, не иначе. В подставленные ладони Алекса выпало нечто увесистое, завернутое в тряпицу. Все опять подались вперед. Наследник рода Моршанских смог, наконец, выдохнуть и принялся выпутывать из куска старого полотенца...

— Это она... — прошептала Сонька и от избытка чувств двинула меня в бок острым локтем. Хорошо еще, что не взвизгнула. Я и так видела, что это она, «Елена Прекрасная».

В электрическом свете сверкала фигурка обнаженной женщины. Словно вышедшая из воды наяда, стряхивающая с ножки капли воды и лукаво поглядывающая на случайного свидетеля ее искушающей красоты. Не богиня, живая женщина — со своей тайной, капризным характером и чувственной грацией.

— Думаю, что именно в этой комнате была хозяйская спальня, — задумчиво произнес дед. — Тут они ее и прятали, чтобы больше никто не видел.

— Тайно любовались, — вздохнул Борька. — Поэтому и в печи ее не оказалось. Там — капитал, а тут — красота, да еще и греховная.

— Представляю, какую бурю чувств пережил тот из Лаптевых, кто разбил несчастную собачку, — откашлявшись, изрек папенька. — А скрывали хитро — тайник можно было открыть за минуту и так же быстро замаскировать. Но попробуй, отыщи...

— Если бы не вы, я бы никогда не нашел. — Голос Алекса дрогнул. — Только благодаря всем вам я могу ее видеть. И она куда прекраснее, чем я представлял.

— Тетя железная? — неожиданным вопросом перебил его гонявший в углу машинку Васька.

И тут до всех окончательно дошло — мы нашли! Вот она — главная тайна нашего Дома! Если, конечно, не считать привидение на чердаке и кости в подвале.

Мы закончили поиски и теперь со спокойной душой можем отправляться пить чай и есть кекс с изюмом. Больше не будет нападений, угроз и похищений. Только бы этой ночью ничего не случилось...

— Не бойсь, — шепнул мне братец, словно угадав мои мысли. — Гады укатили в город, и обратно сегодня по такой грязи вернуться не рискнут. А завтра можно будет снять сейф в банке, чтобы не рисковать.

Но у меня был план получше, и пока все, обмениваясь впечатлениями, перемещались в столовую, я через Патрушева узнала телефон Ге-

ны Одинцова. Так что завтра прямо с утра нам был обеспечен большой и крепкий сейф.

— Это действительно Мансуров? — заинтригованно восклицал Одинцов.

— Я сама видела клеймо. Да и она такая... это надо видеть.

— Привозите обязательно! А если владелец будет не против того, чтобы я ее сфотографировал...

— Уверена, он не будет против, — улыбнулась я.

Внизу все, включая временно амнистированного кузена Грегори, пили чай. За столом царила необычная тишина — посередине его, рядом с вазочкой с левкоями стояла «Елена Прекрасная».

Небо за окном было усыпано необыкновенно крупными и яркими звездами. На Бляховку опускалась ночь.

Эпилог

Все, что происходило позже, достойно отдельного рассказа.

Утром мы отвезли все найденное к Одинцову. По дороге я позвонила Мише и Валентине Игоревне. Известие о том, что мы нашли статуэтку, их порадовало, но даже взглянуть на несправедно нажитое Лаптевыми они не захотели. И кто его знает, может быть, были правы.

Гена и примчавшийся к нему спозаранок Патрушев устроили вокруг «Елены Прекрасной» ритуальные пляски — взвесили, обмерили, сфотографировали, руками повсплескивали. Того же удостоился бювар, полностью теперь укомплектованный. Одинцов даже пообещал заняться реставрацией фуляра-папки, более всего пострадавшего от деревенской жизни. Остальные вещи, принадлежавшие семейству Моршанских, были заперты в личный сейф антиквара до приезда Софьи Павловны.

Коробку с остальными ценными находками мы с Алексом передали Геннадию, с условием, что он продаст их, а деньги мы потом трансформируем во что-нибудь полезное типа памперсов для «Дома малютки».

— Вагон памперсов выйдет, однако, — опытным глазом оценил отец-герой Котька.

— С золотом морока будет, — вздохнул Одинцов. — У меня права на торговлю драгметаллами нет. Ну да ладно, ради такого дела найду, кого привлечь. Получите вы свои памперсы.

Пока мы носились к искусствоведам-антикварам, Сонька и Кеша отконвоировали кузена Грегори на дачу к Суслику. Там его заперли вместе с коробкой китайской лапши и инструкцией по ее приготовлению. Ничего, водопровод и электрочайник на даче имеются, так что три дня переживет. После ночи, проведенной на надувном матрасе в кухне в обществе оглу-

шительно храпящего Крошки, Грегори был согласен на все, даже на лапшу. Лишь бы подальше от нашего общества.

Больше всего досталось в этот день Борьке. Во всяком случае, из городского управления внутренних дел, куда он явился с револьвером, динамитом и чистой совестью, братец вернулся только вечером, встрепаный и до крайности злой на капитана Спиридонова. А как же, угрозило того отправиться в отпуск в Грецию как раз тогда, когда он просто обязан был засвидетельствовать, что мой братец не уголовник и не террорист.

— Как меня вообще в кутузку не посадили, не понимаю! У них там как раз месячник профилактики терактов, — стонал Борька. — Чтобы я еще когда-нибудь проявил такую идиотскую сознательность...

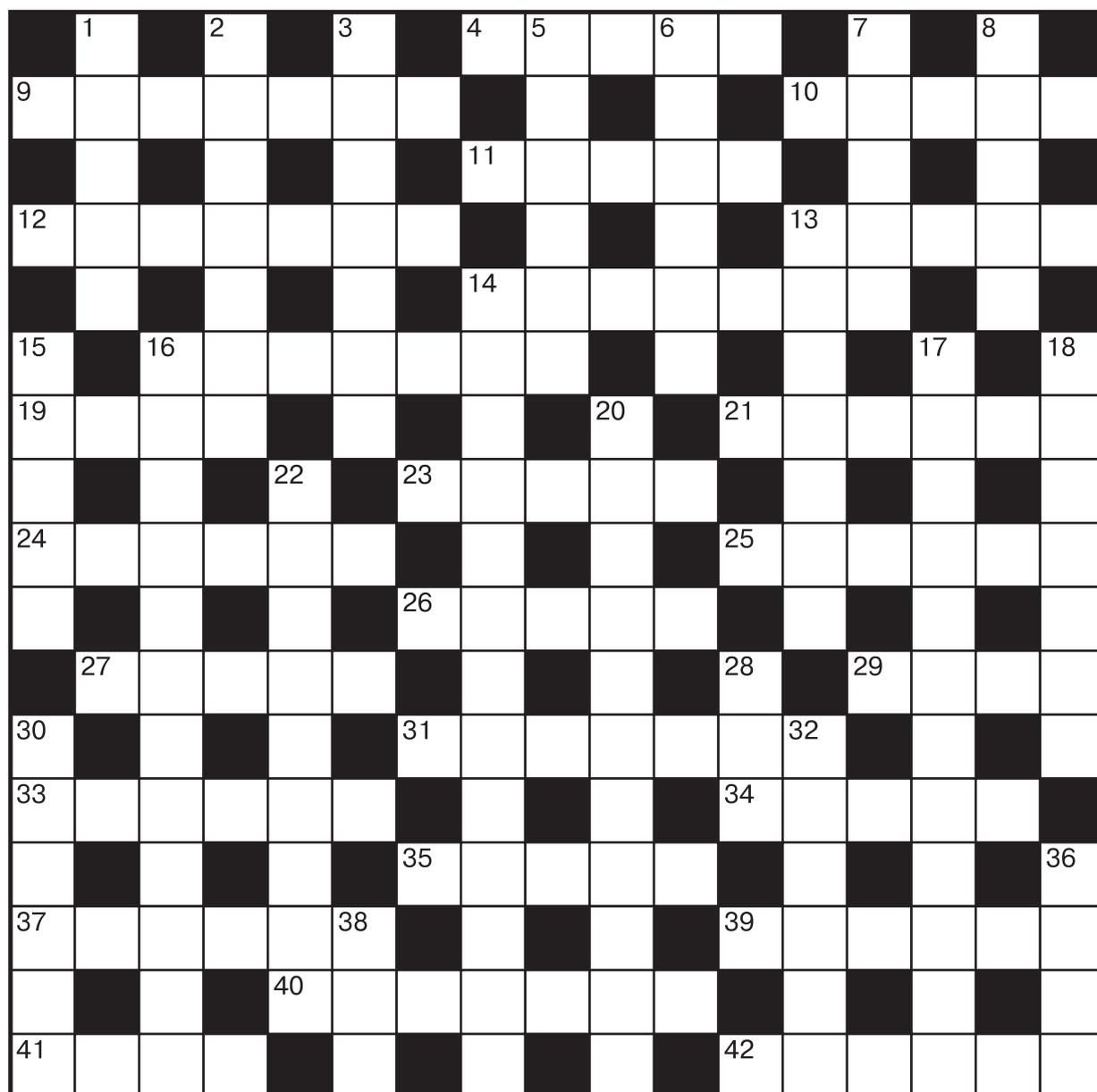
Описывать период подготовки к визиту Софьи Павловны не буду, скажу только, что провели мы его нервно и хлопотно. Для меня нервозность усугублялась еще и регулярно задаваемыми Алексом вопросами о том, согласна ли я отбыть с ним в британскую столицу, пойти под венец, родить ему кучу наследников, и вообще, нравится ли он мне. На последний вопрос я отвечала честно, над остальными обещала подумать. Но разве можно толком думать, корчю сорняки, переставляя мебель, стирая шторы и выколачивая пыль из дивана? Подобные действия способны внушать стойкое отвращение к семейной жизни.

И только познакомившись, наконец, с крошечной и шустрой, как фокстерьер, английской старушкой с одуванчиком седого перманента и сигаретой в длинном янтарном мундштуке, я поняла — в Лондоне мне не будет скучно.

Так что почему бы не сменить хотя бы на время одну сумасшедшую семейку на другую? К тому же Софья Павловна по секрету сообщила мне, что у них в доме тоже есть привидение.

В общем, кажется, я поеду-таки в Лондон. Но это будет уже совершенно иная история. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Где работает Печкин из мультяшного Простоквашина? **9.** «Тесто» между кирпичами в кладке. **10.** «Сок из семечек подсолнуха». **11.** Эстрадные шлягеры с презрительным оттенком. **12.** Любовная встреча. **13.** Земляной волк. **14.** Кому из римских поэтов приписывают авторство крылатого выражения «Лови момент!» **16.** Кого и в хо-

рошую погоду гулять не выгонишь? **19.** Какой цветок стал для китайцев государственным символом? **21.** Какую информацию от всех скрывают? **23.** Одежда современников Гомера. **24.** «Ненавижу тех, кто помнит, что было на пиру» (античный классик). **25.** Какой орган снабжают кровью коронарные артерии? **26.** Кто ради смеха на работу ходит? **27.** На что

решились ради Снарка герои поэмы Льюиса Кэрролла? **29.** Во что верят, когда идут к знахарю родовое проклятие снимать? **31.** Настоящий великан. **33.** На какой из планет Солнечной системы ученые обнаружили северное сияние? **34.** «Я хочу тебя попросить, мы оставим наш лимужин и поймаем с тобой ...» **35.** Что добавляли в советскую газировку за три копейки? **37.** «Азотный растиска» для овощей. **39.** Какие доходы в дореволюционной России именовали «служить из чести»? **40.** Какую птицу Марк Твен предлагал сделать эмблемой критики? **41.** Песня «... колоколов» из фильма «Приключения Электроника». **42.** От какого привкуса избавляются, вымачивая баклажаны в соляном растворе?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какой продукт больше всего экономил «папаша Гранде» у Оноре де Бальзака? **2.** Где футбольные фанаты встречаются? **3.** Претендент на долю в гонораре. **5.** Место нахождения бузины в противовес киевскому дядьке. **6.** Кто первым из евро-

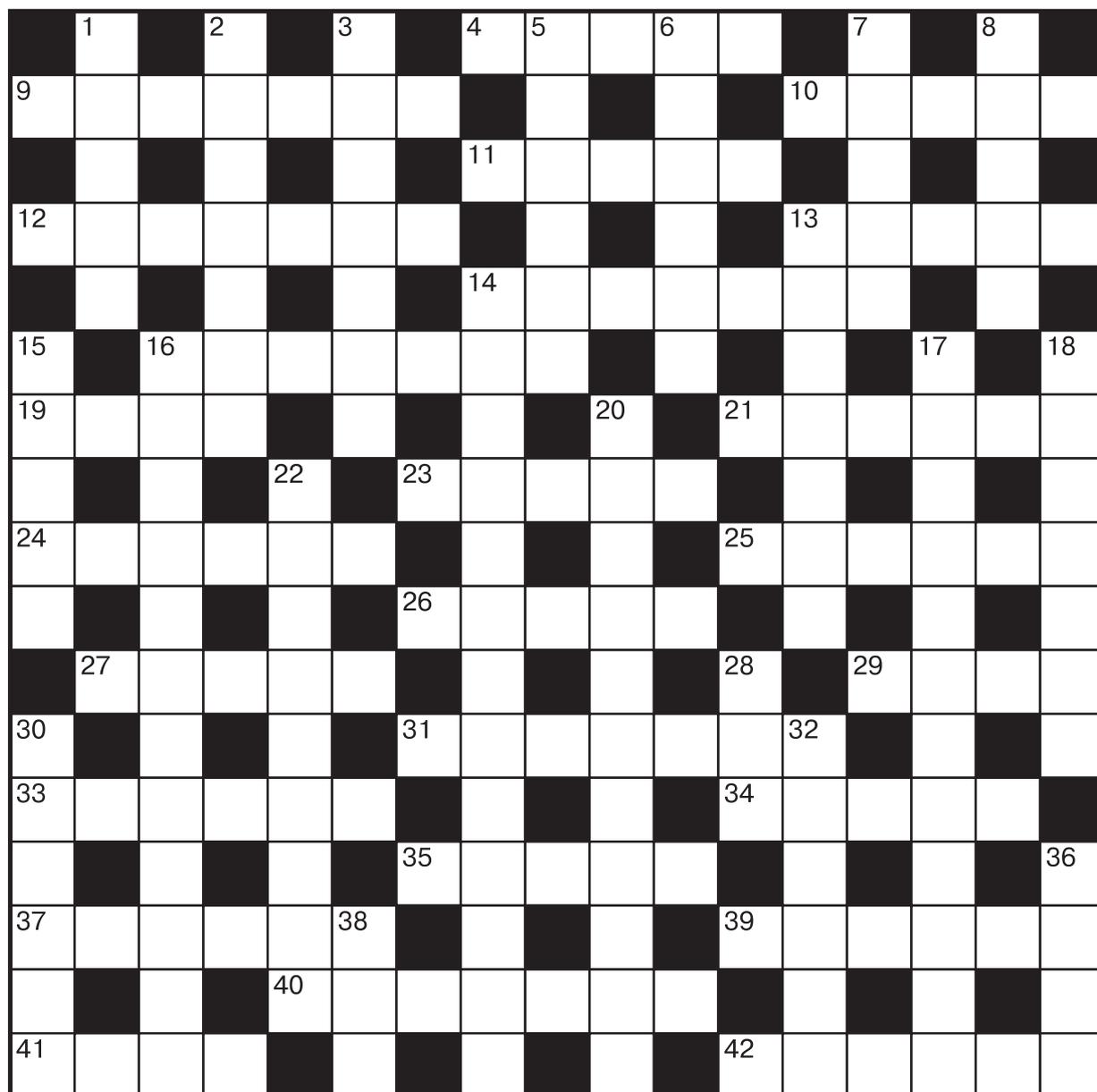
пейцев обнаружил Новую Зеландию? **7.** Какой ядовитый металл в начале прошлого века добавляли в средства для повышения потенции? **8.** Пустая квитанция. **13.** Чьи узы связаны со штампом в паспорте? **14.** «Бессмертный и вездесущий» из повести «Москва. 2042» Владимира Войновича. **15.** Игла, попавшая на купол. **16.** Стиль поведения Рыцаря Печального образа. **17.** У великого сюрреалиста Сальвадора Дали есть картина «... гражданской войны». **18.** Салатовый по отношению к зеленому. **20.** В какую машину закладывают грязные тарелки? **22.** Какой поэтический классик, по воспоминаниям Ольги Ивинской, весьма берег себя от разных неприятностей? **28.** Самая частая песня в радиоэфире. **30.** Кто поляков исповедует? **32.** Фильм с каким названием есть как в послужном списке Инны Чуриковой, так и Леонардо Ди Каприо? **36.** Порок, развивающийся на психологической основе врожденного удовольствия от расслабления. **38.** Последняя карта из тайной комбинации старой графини в пушкинской «Пиковой даме».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Статист. **7.** Цвет. **10.** Банан. **12.** Кинорежиссер. **13.** Шериф. **15.** Мормоны. **16.** Пигмеи. **19.** Сон. **20.** Калибр. **24.** Утро. **25.** Сепаратор. **27.** Лото. **28.** Кассио. **29.** Кусково. **30.** Орегон. **31.** Скачки. **33.** Юнг. **36.** Бокал. **37.** Гагарин. **40.** Казус. **42.** Дюкан. **43.** Гротеск. **44.** Пьеса. **45.** Скраб. **46.** Гармонь.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Балет. **2.** Налим. **4.** Триумф. **5.** Тройня. **6.** Смех. **8.** Восьмитысячник. **9.** Терминология. **11.** Хинин. **14.** «Форбс». **16.** Порок. **17.** Сколиоз. **18.** Флетчер. **21.** Ревун. **22.** Гайка. **23.** Дайвинг. **26.** Расклад. **29.** Кокос. **32.** Шаурма. **34.** Гарсон. **35.** Ладья. **36.** Бутсы. **38.** Рюмка. **39.** Нахал. **41.** Атом.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Кто увлекается зверями настолько, что даже начинает им подражать повадками и всем своим видом? **9.** Какой эмалью покрыт русский орден Святого Георгия? **10.** Какая компания предоставила сорок восемь тысяч девяносто шесть процессоров для уникального компьютера из романа «Происхождение»? **11.** Сапожки для верховой езды.

12. Какая светская львица блистает в кинокартинах Энди Уорхола? **13.** Пиво, чей рецепт древние греки у египтян переняли. **14.** Издатель, в чьем доме Николай Гоголь сочинял второй том «Мертвых душ». **16.** Чешский народный танец. **19.** Как прежде называли портрет? **21.** Библия зороастризма, от которой до нашего времени дошло не более четверти. **23.** «Ни одного

мгновения на копейки ценить нельзя, и иногда пять минут дороже сокровища» (классический роман). **24.** «Гораздо более сильный и действенный стимул, чем научный интерес» для классика мировой фантастики Жюль Верна. **25.** Как осетины называют Казбек? **26.** Чье танго звучит в новогодней комедии «Сирота казанская»? **27.** «Буддийский Иерусалим». **29.** Песчаный бессмертник. **31.** Первый антибиотик животного происхождения. **33.** Чем столяр углы размечает? **34.** Беличье гнездо. **35.** На каком острове древние римляне разводили павлинов ради изготовления вееров? **37.** Мужская часть дома у древних греков. **39.** Высшее человеческое преступление дантова «Ада». **40.** Дочь, при рождении которой скончалась первая жена Тициана. **41.** Первый советский голкипер, кто провел сто «сухих» матчей. **42.** Вертикальный стержень в солнечных часах.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Емкость для шаров в пейнтболе. **2.** Единственная порода собак из Южной Африки,

признанная на международном уровне. **3.** «Дед ветров» в мифах славян. **5.** Что декаденты «возносили на пьедестал»? **6.** Чем закусывает любимое пиво Джек Николсон? **7.** Кто из патриархов МХАТа пригласил Михаила Булгакова шафером на свою свадьбу? **8.** Кого удостоили Гран-при на парижской выставке 1900 года за портрет великого князя Павла Александровича? **13.** Принц среди ухажеров легендарной Греты Гарбо. **14.** Бесконтрольное влияние «четвертой власти» на политическую жизнь. **15.** Прямой китайский меч. **16.** Индийский городок, где по ночам под окнами домов тех, кто не платит налоги, нанятые музыканты бьют в барабаны. **17.** «Театр сознания» для общения с усопшими. **18.** Венгерские макароны. **20.** Боязнь бороды. **22.** «Морской кот». **28.** Беспалубная шляпка. **30.** Заместитель визиря. **32.** Какой минералке посвящен «высочайший указ» Александра I? **36.** Какого из своих маршалов Наполеон «нашел пигмеем, а потерял гигантом»? **38.** Самая популярная кобра у индийских факиров.

Ответы на эрудит, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Скафизм. **7.** Этна. **10.** Техас. **12.** Лонгвисквاما. **13.** Рукав. **15.** Сисакет. **16.** Банкер. **19.** Эон. **20.** Клатар. **24.** Фифо. **25.** Желтобрюх. **27.** Куле. **28.** Софист. **29.** Бучарда. **30.** Авреол. **31.** Петанк. **33.** Сод. **36.** Сенот. **37.** Новиков. **40.** Систр. **42.** Карас. **43.** Ругучай. **44.** Эмбла. **45.** Эпонж. **46.** Калсада.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Тетуа. **2.** Тавас. **4.** Каодай. **5.** Фуггер. **6.** Змий. **8.** Транквилизатор. **9.** Анакреонтика. **11.** Океан. **14.** Визаж. **16.** Болюс. **17.** Эксклав. **18.** Валлару. **21.** Регул. **22.** Страх. **23.** Абаддон. **26.** Холерик. **29.** Бомер. **32.** Чолула. **34.** Доцанд. **35.** Фижмы. **36.** Стола. **38.** Карпо. **39.** Вахня. **41.** Дукс.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на текущие номера 2020 года через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 132 рубля 00 копеек	За 1 номер — 159 рублей 50 копеек
За полугодие — 792 рубля 00 копеек	За полугодие — 957 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

ПОЧТА РОССИИ

ОФОРМЛЯЙТЕ ПОДПИСКУ НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ДОМА

на сайте podpiska.pochta.ru

в мобильном приложении Почты России

через почтальона

Мы заботимся о Вашей безопасности! Ваше здоровье – главный приоритет

Инструкция по оформлению подписки на печатную прессу через сайт PODPISKA.POCHTA.RU

1. Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - a. по индексу,
 - b. по теме и профессиональным интересам,
 - c. по алфавиту,
 - d. по части названия,
 - e. из списка самых популярных
 - f. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
2. Выберите способ доставки.
3. Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
4. Выберите период подписки.
5. Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
6. Оплатите заказ.

Инструкция по оформлению подписки онлайн через МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПОЧТЫ РОССИИ

1. Зайдите в мобильное приложение Почты России.
2. В правом нижнем углу выберите раздел «Еще».
3. Нажмите на строчку «Подписка на журналы и газеты».
4. Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - a. по индексу,
 - b. по теме и профессиональным интересам,
 - c. по алфавиту,
 - d. по части названия,
 - e. из списка самых популярных
 - f. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
2. Выберите способ доставки.
3. Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
4. Выберите период подписки.
5. Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
6. Оплатите заказ.

ПОДПИСКА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется через ООО «УП УРАЛ-ПРЕСС»
+7(3652)51-02-35; +7-978-117-13-07; Эл. почта: e_bunina@ural-press.ru

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Дорогие читатели!

Сегодня проблема отцов и детей остается такой же актуальной, какой была еще в тургеневские времена. Наверное, в каждой семье бывают разногласия между детьми и родителями, которые порой пытаются навязать ребенку свое видение образа жизни.

А ведь рецепт очень прост: надо всего лишь проявлять больше внимания и терпения друг к другу и, конечно, в первую очередь, — просто любить...

Расскажите о своей семье, о своих благополучных — и не очень — детях, о проблемах, связанных с ними. И даже если вы, как говорится, живете «в унисон», наверное, вам есть что рассказать нам и читателям.

Вот мы и решили в 2020 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Отцы и дети».**

Тексты с пометкой «На конкурс»
принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 тысяч знаков)
в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru**
до 30 октября 2020 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2021 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

